ЛЕКСИКОНЪ

ФИЛОСОФСКИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

Выпускъ первый.

А — ВК.

ЛЕКСИКОНЪ

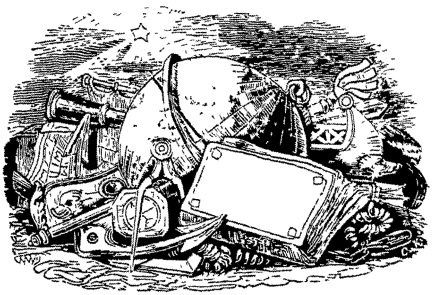
ФИЛОСОФСКИХЪ

ПРЕДМЕТОВЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Александромъ Галичемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1845.

ГБ 257

В
47

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ Марта 15 дня 1843 года.

Цензоръ А. *Никитенко.*

3360
25

Его Превосходительству,

ГОСПОДИНУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ

И РАЗНЫХЪ РОССІЙСКИХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ЖЕЛѢЗНОВУ.

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПОСВЯЩЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ концѣ моей *Исторіи философскихъ системъ,* изданной въ 1818 — 19 годахъ, я счелъ нужнымъ приложить коротенькій Словарь техническихъ, въ книгѣ встрѣчавшихся, терминовъ, съ тѣмъ, чтобы, до извѣстной степени, облегчить уразумѣніе текста.

То сдѣлано было въ маломъ видѣ и только для нуждъ одной книги; но идея полнаго философскаго Лексикона не переставала съ тѣхъ поръ служить мнѣ путеводительною звѣздою и среди послѣдовавшихъ за тѣмъ занятій, каковы были: *Опытъ Науки Изящнаго* (1825 г.), *Черты умозрительной философіи* (1827 г.), изданіе *Логики Клейна* и *Нравоученія Герлаха* (1833 г.), *Картина человѣка* (1834 г.); наконецъ *Наука общихъ правъ* и *Исторія человѣчества*, которымъ, однакожъ, обѣимъ не суждено было увидѣть свѣтъ Божій. — Жаль!

Всѣмъ этимъ отдѣльнымъ частямъ Философіи предполагалось со временемъ сдѣлать *Сводъ* въ *систематической Энциклопедіи* или въ полномъ ея *курсѣ.*

Давнишнее предположеніе не состоялось, но состоялось, какъ видятъ читатели, новое. Это и есть предлежащій *Лексиконъ философскихъ предметовъ,* — другая рама для той же самой картины.

Такая перемѣна произошла отъ слѣдующей причины: по мѣрѣ того, какъ *обстоятельства* отдаляли меня отъ каѳедры и я сливался съ массою пишущихъ и читающихъ любителей Науки, я удостовѣрялся все болѣе, что строгій систематическій, привычный мнѣ методъ, который непремѣнно вкрался бы въ мой *курсъ*, показался бы сколько, можетъ быть, хорошимъ для записныхъ Ученыхъ, столько же скучнымъ для человѣка свѣтскаго. Толь дѣло, (думалъ я), азбучный порядокъ! Здѣсь вы все находите на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, здѣсь вы читаете то, что *всякій разъ* читать хотите, здѣсь не обязываетесь обращаться къ предыдущему, помнить начала и т. п. — Здѣсь вы, теряя, можетъ быть, что-либо со стороны формы, можете надѣяться всегда выиграть со стороны содержанія или матеріи, а это не лучше ли?

Въ составъ *Лексикона философскихъ предметовъ* входятъ Логика, Метафизика, Мораль, Естественное Право, Исторія Человѣчества, Эстетика, Житейская философія, отчасти и Умозрительная физика. Что касается до лицъ и ученій, до жизни и писаній Философовъ; то эту историческую часть я исключилъ *и* потому-что она занимательна только для Ученыхъ *и* потому-что пространно обработана уже въ вышеупомянутой моей Исторіи философскихъ системъ *и* наконецъ потому-что она растянула бы на нѣсколько толстыхъ томовъ и на нѣсколько тяжкихъ годовъ книгу, которую и безъ того врядъ-ли вмѣстить въ 3-хъ Томахъ и кончить въ три года, по крайней мѣрѣ, напечатаніемъ.

Оставляя эту историческую часть совершенно въ сторонѣ, я обработываю только предметы положительно, догматически, такъ, какъ самъ ихъ понимаю и какъ, по моему мнѣнію, всякій образованный читатель понимать ихъ долженъ.

Я говорю: «по моему мнѣнію,» потому-что, держа себя въ почтительномъ отдаленіи отъ всѣхъ школъ, старыхъ и новыхъ, болѣе или менѣе односторонніхъ, я держу себя относительно къ нимъ и въ «неутралитетѣ вооруженномъ» предоставляя себѣ выборъ, контроль и критику даже тамъ, гдѣ встрѣчаюсь съ иными единомышленниками.

Пособіями при составленіи *Лексикона* моего, гдѣ я въ нихъ нуждался, служило мнѣ все то, что я могъ найти въ *Архивѣ* своихъ и думъ и воспоминаній, въ частныхъ и публичныхъ книгохранилищахъ, въ старыхъ и новыхъ Энциклопедіяхъ, — нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и въ Словаряхъ спеціяльныхъ.

Въ неодинаковомъ объемѣ статей едвали нужно и оправдываться; чѣмъ занимательнѣе предметъ, тѣмъ онъ пространнѣе и обработывается, и наоборотъ.

Лексиконъ философскихъ предметовъ будетъ выходить Тетрадями въ 10 — 12 печатныхъ листовъ. Три такихъ Тетради или *Выпуска* составятъ Томъ. Для меня такъ же легче работать исподоволь, какъ для читателей легче пріобрѣтать каждую книжку порознь, нежели разомъ цѣлые Томы, выхода которыхъ такъ скучно имъ дожидаться.

Наконецъ, что касается до почтенныхъ *моихъ* Г-дъ рецензентовъ-соотчичей, которыхъ добрымъ словомъ и добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ я всегда дорожилъ и которыхъ благонамѣренныя и дѣльныя замѣчанія охотно приму не только къ свѣдѣнію, но и къ соображенію, и не только къ соображенію, но и къ посильному исполненію; то я напередъ прошу у нихъ снисходительности — не по уваженію къ лицу *Русскаго старописца*, а по уваженію къ новому и серьёзному труду литературному, предпринятому и

производимому *однимъ*, — нелѣнивымъ и усердным дѣлателемъ, который желаетъ отъ своихъ читателей только того лестнаго свидѣтельства, что для нихъ «не всуе трудился зиждущій.»

Авторъ.

С. Петербургъ, 15-го Ноября,
1845 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А.

	Стр.
А	1 — 2
Аборигены	— 3
Абсолютное	— 5
Автентія	—
Автобіографія	— 7
Авто-да-фе	— —
Автодидактъ	—
Автономія	— 8
Авторитетъ	— 9
Агентъ	— —
Адамъ, см. *первобытный человѣкъ*	— —
Адіафора	— 10
Адресы	— —
Адъ, см. *Преисподняя*	— —
Азартныя игры	— —
Акроама	— 11
Аксіома	— —
Актеръ	— 12
Актъ	— —
Аллегорія	— 17
Алхимія	— —
Алчность, см. *Жадность*	— —
Амнестія, см. *Всепрощеніе*	— —
Амулетъ	— —
Амуръ и Психея	— 18
Анализъ	— 19
Аналогія	— 21
Анархія, см. *Безначаліе*	— —
Андрогинъ	— 22
Анекдоты и Апофтегмы	— 23
Анонимъ	— 24
Антагонизмъ	— —
Антиморализмъ	— 23
Антиномія	— 27
Антипатія	28
Антропологія	30
Антропоморфизмъ	—
Апатія, см. *Безстрастіе*	31
Апагогическое	—
Аподиктическій	—
Апологія	32
Апотеозъ	33
Аппелляція	—
А-постеріори, а-пріори	—
Арабески	34
Аргументъ, см *Доказательство*	—
Аристократія	35
Артистъ	36
Архей	37
Архитектоника	38
Архитектура, см. *Зодчество*	—
Аскетика	—
Астральный міръ	39
Астрологія	41
Атомъ	42
Аттитюды, см. *Мимика*	—
Аттрибутъ	44
Аѳористическій	45

Б.

Баловство	—
Барельефъ, см. *Рельефъ*	—
Баринъ, см. *Господинъ*	—
Басня	46—47
Бдѣніе	— 48
Безбожіе, см. *Вольнодумство*	— —
Безбрачіе	— 49
Безвкусіе	— —

Стр.

Безвозмездное, Безмездное, см. *Возмездіе, Воздаяніе* —
Бездѣйствіе —
Беззаконный —
Безконечное 50—51
Безнаказанность 52
Безначаліе — 53
Безобразіе — 55
Безопасность — 56
Безсмертіе — 73
Безсмысліе — —
Безстрастіе — 76
Безчестіе — 77
Безчисленное — 78
Безчувствіе — 79
Береговое право — —
Бережливость — 81
Бесѣда — 82
Библіолатрія — —
Библіоманія — —
Библіомантія, см. *Гаданье* 83
Біографія — —
Біологія — 84
Благо — 85
Благовидный — 86
Благоволеніе, см. *Благость* — —
Благоговѣніе, см. *Благочестіе* — —
Благодарность — 87
Благополучіе — 90
Благоприличіе 91—92
Благопріобрѣтенное, см. *Пріобрѣтеніе* —
Благоразуміе 94
Благородство — 95
Благословеніе — —
Благосостояніе — 96
Благость — 97
Благотворительность — 100
Благочестіе — 101
Благочиніе, Благоустройство, см. *Порядокъ* —
Блаженство — 103
Ближній — 104
Блокада — —
Блудъ — 105
Богатство — 107
Боги — 109
Богобоязнь — 110
Боговѣдѣніе, см. *Богоученіе* — —
Богомудріе — —
Богопочитаніе — 111
Богоученіе раціональное — 115
Богохульство — —
Богъ — 121
Божба, см. *Клятва* — —

Стр.

Божіе царство 122
Бой — 123
Болванъ, см *Идолъ* —
Боль — 124
Болѣзнь, см *Здоровье* — —
Большинство — 125
Боязнь — —
Бракъ — 141
Брань — 142
Бредъ — —
Бродячіе народы — 145
Брюзга — —
Будущее — 146
Бунтъ — 147
Быль — 148
Бытіе — 149
Бѣдность — 150
Бѣдствіе — 155
Бѣсъ, см. *Демонъ* и *Зло* — —
Бѣснующійся — 156
Бѣшенство — 157
Бюрократія —

В.

Важное и Шуточное 158
Варварство — 160
Валянье — —
Введеніе — 161
Вдохновеніе — 163
Вездѣприсутствіе — 164
Великанъ — 166
Великодушіе — 167
Великолѣпіе — —
Величество — 169
Величина — 170
Верховный, ая, ое — 173
Веселонравіе — —
Вето — 174
Вещественное — —
Вещь — —
Взаимность — 181
Взбалмучный — 183
Взглядъ и взоръ — 184
Взысканіе — —
Видимое, видимость — —
Видъ — 185
Видоизмѣненіе — —
Видѣнія — 198
Вина 201
Вино —
Винословность 204
Витійство, см. *Краснорѣчіе* —
Вкусъ —

A.

Буква А, стоящая отдѣльно, означаетъ въ *Философіи* первое, что мы разсматриваемъ безъ всякихъ ограниченій, т. е. сколько въ безусловномъ его качествѣ, столько же и въ качествѣ *Безусловнаго,* къ которому за тѣмъ и приводимъ все *Относительное.* Существуетъ ли для нашего познанія такое вожделѣнное А? — это вопросъ, ожидающій удовлетворительнаго отвѣта. Не называйте же, покамѣстъ, Философію *Наукой Безусловнаго,* котораго мы, правда, доискиваемся, но о которомъ можемъ и не имѣть основательнаго знанія. — Гдѣ мы α противопоставляемъ ω, тамъ обѣ эти буквы изображаютъ вообще Первое и Послѣднее, или начало и конецъ вещей. Итакъ, когда говорятъ, что Философія есть наука, изыскивающая α и ω; то это значитъ только, что мудрствующій духъ въ идеальномъ своемъ подвиженичествѣ силится дознать все изъ отдаленныхъ, глубочайшихъ (первыхъ и послѣднихъ) основаній. — Въ Логикѣ употребляется А для означенія какого-*либо* предмета. Оттого формула А = А значитъ: *всякая вещь равна самой себѣ.* Это положеніе называютъ *началомъ совершенной* или *рѣшительной одинаковости,* въ отличіе отъ *начала относительнаго равенства* или *тожества,* указывающаго на согласіе вещей въ иныхъ пунктахъ. Очевидно, что формула А = А отнюдь не досягаетъ въ самое содержаніе вещи и ничего не даетъ намъ объ ней знать; она выражаетъ логическія только дѣйствія вообще, которыми мы данныя представленія то разъединяемъ, то связываемъ. Не ошибался ли, слѣд. *Фихте,* поставлявшій сказанную формулу въ заглавіи своей системы и думавшій развить изъ нея всю Фи-

лософію? Положеніе, которое отнюдь не опредѣляетъ, что̀ такое значитъ извѣстная вещь сама по себѣ и какъ содержится она къ другимъ, а только какъ содержится сама къ себѣ, когда занимаетъ наши мысли, — такое положеніе совершенно закрываетъ для насъ предметъ съ его дѣйствительными или существенными свойствами и слѣд. не можетъ употребляемо быть на то, чтобы опредѣлять имъ составъ цѣлой науки. Вотъ почему пресловутое «Наукословіе» вскорѣ увидѣло себя принужденнымъ превратить слишкомъ пустую формулу А = А въ положеніе Я = Я, чтобы сообщить ей какое нибудь содержаніе. — Далѣе, если всякій предметъ мы должны представлять себѣ посредствомъ *понятія*, а всякое понятіе состоитъ изъ извѣстныхъ признаковъ, которые, какъ частныя представленія, вмѣстѣ взятыя, тоже должны быть равны понятію, т. е. общему или родовому ихъ представленію; то Логика изображаетъ и это отношеніе формулою А = А, въ которой первое А означаетъ цѣлое, т. е. самое понятіе, а второе А его части, т. е. совокупные признаки. Итакъ, смыслъ означенной формулы можетъ быть и слѣдующій: *цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ*. Вотъ почему въ правильныхъ опредѣленіяхъ и раздѣленіяхъ предъидущій ихъ членъ и послѣдующій должны состоять въ отношеніи равенства! Иногда въ Логикѣ буквою А изображается и отдѣльный признакъ; и если требуется обозначить нѣсколько изъ нихъ, то употребляютъ прочія буквы, означая, подобно математикамъ, извѣстные уже признаки, какъ данныя величины, обыкновенно первыми, а искомыя — послѣдними тремя буквами латинск. алфавита. — Въ ученіи о сужденіяхъ А также означаетъ часто *подлежащее*, а В *сказуемое*, гдѣ мы и не опредѣляемъ, въ какомъ отношеніи состоятъ другъ къ другу эти обѣ части сужденія (S и P). — Наконецъ, въ ученіи объ умствованіяхъ А тоже выражаетъ общія сужденія утвердительныя, такъ что ААА значитъ умствованіе о трехъ главныхъ предложеніяхъ утвердительнаго качества.

АБОРИГЕНЫ (отъ лат. ab origine, сначала, первоначально, первобытно) или *Автохтоны* (отъ Греч. *αυτος* самъ и *χθων* земля) — это люди или народы, которые какъ бы сами собою возникли изъ нѣдръ земли и укоренились на мѣстѣ своего жительства; — это уроженцы, а не пришлецы. Такъ въ древнія времена тщеславные Аѳиняне выдавали себя за Аборигеновъ Эллады, Латины — за Аборигеновъ средней Италіи или Лаціума, — такъ Китайцы искони на-

зываютъ себя «самородными» гражданами Небесной Имперіи, которую они населили, по сказкамъ Бонзовъ, едва ли не наканунѣ сотворенія міра. Между тѣмъ, ни объ одной націи въ свѣтѣ нельзя доказать, чтобы ея праотцы тамъ уже именно и жили, гдѣ находитъ ее нынѣ исторія, потому-что переселеній было не одно, а безчисленное множество. Но, если вы хотите принять слово *Аборигенъ* или *Автохтонъ* въ собственномъ смыслѣ, разумѣя человѣка, дѣйствительно возникшаго изъ земли; то, правда, Кадмовъ миѳъ говоритъ о людяхъ, родившихся отъ посѣва зубовъ убитаго дракона, но присовокупляетъ, что эти змѣиныя исчадія въ междоусобныхъ войнахъ истребили другъ друга, не успѣвъ, слѣд. оставить по себѣ потомства. Намъ пріятно дать этому миѳу тотъ простой смыслъ, что происхожденіе наше отъ подобныхъ намъ людей же составляетъ главную связь человѣческихъ обществъ. — Былъ ли первый человѣкъ, или была ли первая чета Автохтономъ въ собственномъ значеніи, потому-что Первые не могли же быть рожденными отъ другихъ людей, — это задача, трудная для насъ, но легкая для тѣхъ отважныхъ натуралистовъ, которые допускаютъ естественное или первоначальное многоразличіе въ типахъ человѣчества, порождаемое изъ ила всегда и вездѣ, послѣ извѣстныхъ переворотовъ на нашей планетѣ мѣстными силами творящей природы и приспособляемое ею къ почвамъ и климатамъ.

АБСОЛЮТНОЕ (отъ лат. absolvere, отрѣшать, absolutum, отрѣшенное)

1) По *идеѣ своей* есть Безусловное, — то, что въ противоположность Относительному, или всему тому, съ чѣмъ могло бы входить въ соприкосновеніе, само есть чрезъ себя и само въ себѣ, — что довременно, отъ вѣчности само себя поставляетъ или утверждаетъ въ таинственной безднѣ своей жизни;— единство сущности и бытія; реальная основа всего конечнаго, слѣд. безпредѣльная реальность и отнюдь независимая винословность, первая и послѣдняя причина какъ самого себя, такъ и всякаго *инобытія;*

2) По *значенію* своему для Философіи Абсолютное (Отнюдное), должно быть то, въ чемъ Конечное находитъ корень и своей сущности и бытія своего, — то, изъ чего, слѣд. еслибы мы въ состояніи были постигнуть его совершенно, могла бы быть и была бы дѣйствительно рѣшена вся загадка міра;

3) Разныя *формы*, въ какихъ Абсолютное можетъ быть, да и дѣйствительно было представляемо, найдутся тогда, когда мы точкою исхода примемъ противоположно-

сти конечнаго міра. И тутъ первая противоположность есть противоположность между *бытіемъ* и *мышленіемъ*, между *предметною* жизнію и жизнію *самоличною*. Посему Абсолютное, Безусловное представляемо бываетъ подъ формою *безусловнаго бытія, предмета*, либо подъ формою *безусловнаго познанія, безусловнаго самоличнаго Я*. Это — противоположность между Реализмомъ и Идеализмомъ. (См. эти слова). Безусловное *бытіе* Реализма можно представлять себѣ разнымъ образомъ. Ибо, какъ мы различаемъ двоякое бытіе, *вещественное* и *духовное;* то философы представляютъ себѣ безусловное бытіе троякимъ способомъ: а) безусловное бытіе *вещественнаго* рода; матерія есть отнюдь первое начало міра, а, такъ называемое, духовное — только дѣйствіе или слѣдствіе вещественнаго (матеріализмъ); b) безусловное бытіе есть *духовное;* вещество и конечныя духовныя твари суть только дѣйствія или слѣдствія безусловнаго духовнаго бытія; с) безусловное бытіе ни *чисто-вещественно*, ни *чисто-духовно;* — въ немъ вещественное и духовное начала отъ вѣка и необходимо *соединены* (*безусловное единство съ двойственностію*). Но, если безусловное бытіе Реализма можно понимать разнымъ образомъ; то можно понимать такъ же точно и безусловное *познаніе* Идеализма. Ибо въ самомъ познаніи не различаемъ ли мы *познающей* стороны и *познаваемой, самоличной* и *предлежательной* (*субъективной* и *объективной*)? Но какъ Идеализмъ не признаетъ особеннаго самостоятельнаго существованія предметной стороны, развѣ въ той только мѣрѣ и въ томъ смыслѣ, что она кроется въ *познаніи;* то онъ никогда не можетъ возвести предлежательное на степень безусловнаго начала; но онъ можетъ ставить мышленіе въ значеніи *чистой* самоличности, *чистаго* Я, изъ котораго потомъ міръ предметовъ слѣдуетъ не иначе, какъ чрезъ *ограниченіе* (Фихте); или же онъ утверждаетъ, что въ безусловномъ познаніи, которое выражаетъ только *форму* безусловнаго существа, равномѣрно встрѣчается и предлежательная сторона, что безусловное познаніе есть *единство, тожество субъективнаго* и *объективнаго* фактора (*Шеллингово* непосредственное умственное созерцаніе);

4) Какъ доходимъ мы до *познанія* абсолютнаго существа? Хотѣть идеи Абсолютнаго *выводить* и *доказывать* — это затѣи *нелѣпыя*, это затѣи *излишнія;* но совершенно согласно съ разумомъ, и весьма даже нужно, развивать вложенное въ насъ чувство Вѣчнаго и Безпредѣльнаго и доводить до яснаго

и опредѣленнаго познанія, разсматривая съ одной стороны его значеніе во всемъ объемѣ его, а съ другой разсматривая и міръ, внутренній и внѣшній, какъ *самооткровеніе* вѣчной и безпредѣльной жизни божественной, созерцаемой разумомъ и изображающейся въ составѣ Вселенной;

5) Наконецъ, что касается до отношенія абсолютнаго существа къ Конечному; то здѣсь разница въ томъ, понимаемъ ли мы Абсолютное, какъ *первоначальную сущность*, какъ *всецѣлость и единство конечныхъ и временныхъ вещей*, или же, какъ *самостоятельную* ихъ основу, отъ которой міръ хотя зависимъ, однакожъ вѣчно различенъ. Въ первомъ случаѣ Абсолютное есть единое со Вселенною, разсматриваемою съ одной стороны, т. е. со стороны ея вѣчной и производительной (natura naturans); во второмъ міръ надобно, какъ нѣчто *производное*, различать отъ *самостоятельной* его основы.

АВТЕНТІЯ, кажется, происходитъ отъ греч. *αυτος*, самъ, потому, что у Грековъ назывался *αυθεντης* (*αυτοεντης*) тотъ, кто имѣетъ полную власть, кто самъ себѣ господинъ во всемъ объемѣ своей дѣятельности, — до самоубійства. Потому *Автентія* значила бы «велемочіе», за тѣмъ санъ или сообщаемую имъ именитость, авторитетъ. Но слово это переносится и на сочиненія и тутъ значитъ ихъ *подлинность*, — т. е. признаніе за произведеніе точно того автора, которому приписываются, потому-что отъ этого зависитъ важность и достоинство сочиненій, всегда подлежащихъ, впрочемъ, суду высшей критики. Но толкованіе на книгу *подлинно* тогда, когда поясняетъ ее либо самъ сочинитель, либо намѣстникъ его, снабженный достаточною довѣренностію. Оттого толкованіе законовъ называется подлиннымъ или *автентическимъ*, когда дѣлаютъ его уполномоченныя или правительственныя мѣста и лица, которыя, хотя не законодатели, однакожъ все-таки, облеченныя правомъ, могутъ въ сомнительныхъ случаяхъ всего скорѣе опредѣлить истинный разумъ предписаній верховной власти. Здѣсь мы судимъ по слѣдующему правилу: всякъ наилучшій толкователь своихъ словъ, — правилу, которое, конечно, терпитъ изъятія, потому-что многіе сами не понимаютъ хорошенько, либо по своекорыстію толкуютъ свои рѣчи въ другую сторону, желая тѣмъ иногда доказать справедливость своего спорнаго мнѣнія, а иногда и ускользнуть отъ обязанности честнаго человѣка.

АВТОБІОГРАФІЯ (отъ греч. *αυτος*, самъ, *βιος*, жизнь, *γραφω*,

пишу) значитъ описаніе собственной своей жизни, своихъ мыслей, чувствованій, дѣяній, — исповѣдь предъ публикою, — тема щекотливая; и кто рѣшается дать о себѣ отчетъ свѣту, въ томъ мы предполагаемъ, что онъ, съ одной стороны, выразумѣлъ себя совершенно, съ другой, и умѣлъ и могъ и хотѣлъ изобразить ходъ внутренней драмы такъ, какъ ее проживалъ и разыгрывалъ.

Самонаблюдатель слишкомъ близокъ къ себѣ, чтобы рыться глубоко, да и слишкомъ пристрастенъ къ своему дѣлу, чтобы видѣть все въ надлежащемъ свѣтѣ, — вотъ обстоятельства, которыя могутъ совращать его съ истиннаго пути! Но онъ къ изученію самого себя имѣетъ и непосредственное, внутреннее и внѣшнее призваніе, и самый лучшій поводъ въ томъ богатомъ тайникѣ, который всегда открытъ ему въ его сознаніи. Онъ и въ этомъ смыслѣ ближній себѣ; онъ тутъ можетъ схватывать свѣжія, живыя впечатлѣнія, можетъ лучше другаго обозрѣвать связь внутреннихъ явленій, скоротечныхъ и постоянныхъ, подслушивать тѣ тайныя, маловажныя движенія сердца, которыя, однакожъ, дѣйствуютъ ощутительно на его нравъ и которыя именно сообщаютъ его описаніямъ жизнь и занимательность.

Не легко, однакожъ, и *наблюдать* себя, а и того труднѣе произносить надъ собою *приговоръ*, особливо людямъ дѣловымъ, суетливымъ, которымъ «не до себя.» Если вы тутъ хотите объяснить *происхожденіе* иныхъ явленій, то часто сами всего менѣе знаете, какимъ образомъ вы внезапно дошли до такого-то положенія, для васъ новаго и страннаго. А гдѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы опредѣлить нравственное наше *достоинство*, тамъ либо скромность, либо строгая совѣсть представляетъ иной внутренній фактъ въ видѣ менѣе естественномъ и болѣе нелѣпомъ, чѣмъ онъ есть. А не преувеличиваетъ ли взглядовъ самолюбіе, не стѣсняетъ ли ихъ слабость, не искажаетъ ли глумливый юморъ?

Итакъ, лучшій описатель собственной своей жизни есть человѣкъ не только пожилой, и слѣд. богатый опытами и воспоминаніями, но и пользовавшійся многостороннимъ, методическимъ развитіемъ силъ, — человѣкъ болѣе прямодушный, чѣмъ ученый, наконецъ человѣкъ, который въ благой совѣсти своей умѣлъ воспитать не только наблюдательный духъ, но и любовь къ изученію человѣчества. Предоставимъ же дѣло Автобіографіи мудрому старцу, который спокойно глядитъ на прошедшее и будущее и который — безстрастный, мо-

жетъ одинъ безпристрастно оцѣнивать и другихъ и себя самого.

АВТО-ДА-ФЕ, по лат. словопроизводству (actus fidei), актъ православія, который, однакожъ, приличнѣе надобно называть, отнюдь не праздникомъ *вѣры,* а торжествомъ *суевѣрія,* а иногда и ужаснаго *нечестія,* прикрывающаго своекорыстные виды. Но истязаніе и казнь, такъ называемыхъ, вольнодумцевъ, еретиковъ, чернокнижниковъ (а въ этомъ и состоитъ сказанное священнодѣйствіе католическихъ фанатиковъ) есть явная, на небо вопіющая несправедливость, потому-что никакая власть въ свѣтѣ, — ни гражданская, ни духовная, не вправѣ требовать къ суду и отвѣту человѣка за его помыслы и сердечныя убѣжденія, еслибы даже они были ложны и принятымъ толкамъ и обычаямъ противны. (См. *Инквизиція*).

АВТОДИДАКТЪ, (отъ греч. *αυτος,* самъ, и *διδασκω,* учусь) самоучка, — тотъ, кто при извѣстномъ талантѣ и прилежаніи пріобрѣтаетъ значительныя познанія и навыки въ ремеслахъ, искусствахъ, даже въ иныхъ наукахъ безъ посторонняго методическаго руководства, хотя всего чаще теряетъ и время и трудъ на изысканіе того, что найдено уже другими. Но нѣтъ ли философовъ-самоучекъ? Правда, любомудрію нельзя научиться только отъ другаго, — оно должно быть свободнымъ порожденіемъ собственнаго нашего ума; но сколько бы умъ ни былъ проницателенъ— онъ всегда нуждается въ возбужденіи и пособіи со стороны, такъ-что отнюдь невозможно извлечь и развить высокую науку единственно изъ самого себя. Если тутъ иной тщеславный мечтатель думаетъ, что дошелъ до всего самъ; то это значитъ, что онъ получилъ свое образованіе не отъ устнаго преподаванія философіи, а отъ чтенія философскихъ книгъ. Да это все равно: книга для читателя та же лекція. Но замѣчанія достойно, что мудрецы-самоучки, сплошь угрюмые и самопадѣянные педанты, не умѣютъ хорошо объясняться, потому-что живое слово не дѣйствовало на ихъ душу и не подавало ей повода, не поощряло къ сообщеніямъ. Такъ *Гераклитъ,* выдававшій себя тоже за самоучку, былъ столь непопятный и мудреный писатель, что самъ получилъ оттого прозваніе *темнаго.*

АВТОНОМІЯ (отъ греч. *αυτος,* самъ, и *νομος,* законъ) своезаконіе, первоначально означаетъ то государственное общество, въ которомъ граждане сами даютъ себѣ законы, а не получаютъ ихъ отъ, чуждаго имъ, властелина. Но это рѣченіе перенесено и на законодательство разума, который тамъ,

гдѣ руководствуется самимъ собою, имѣетъ вожделѣнную *автономію*, а тамъ, гдѣ долженъ принимать наставленія отъ-инуду, подлежитъ жалкой *гетерономіи*, стѣсняющей врожденныя права его. Спрашивается: кто̀ ему «указъ?» т. е. откуда онъ долженъ принимать нужныя предписанія для своихъ дѣйствій? Отъ чувственныхъ побужденій? Тутъ онъ потерялъ бы всю власть надъ ними; тутъ законы его были бы вовсе не нравственные, а только чувственные, физическіе, и притомъ не общіе для всѣхъ разумныхъ тварей, а частные, приноровленные къ нуждамъ и склонностямъ животнаго. — — —

АВТОРИТЕТЪ (отъ лат.) значитъ именитость, довѣріемъ къ которой мы руководствуемся въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ. Преобладательство чужаго ума и чужихъ опытовъ искони воспитывало того, кто не могъ еще въ самомъ себѣ найти прочную опору жизни и кто — слѣпецъ — долженъ предварительно — «путешествовать со звѣздою?» Но впослѣдствіи оказывается, что наши знаменитости условны, мѣстны, шатки, что однѣ изъ нихъ часто, въ чувствѣ слабыхъ сторонъ своей системы, пристаютъ къ другому современному великому имени, что авторитетъ опирается на превосходство отдѣльнаго лица, которое одно не можетъ же мыслить за всѣхъ, развѣ явитъ собою воплощенную мудрость, которая и мыслями проникаетъ природу существъ и въ дѣлахъ своихъ отражаетъ истинные законы жизни. Тутъ-то, съ проявленіемъ благотворнаго своемыслія, къ которому мы всѣ приглашаемся нравственнымъ долгомъ и при которомъ позволяется всякому изъ насъ вступать въ соперничество съ учеными и литературными корифеями нашего вѣка, заслуживать уваженіе и наживать своихъ чтителей, начинается та философія, которой любители не клянутся уже словами своего наставника, а въ которой требуютъ отъ него доводовъ, въ которой слѣд. нѣтъ великихъ именъ, споручниковъ нашей вѣры. Но есть четыре Авторитета, которые всегда останутся въ своей силѣ. Это a) божественное откровеніе, которому всякій христіанинъ съ благоговѣніемъ поклапяется; это b) разумъ,— верховный судія во всѣхъ дѣлахъ науки, — который и подымаетъ и роняетъ знаменитости наши; это c) предержащія власти или законныя начальства, съ волею которыхъ мы въ разныхъ положеніяхъ гражданскаго быта должны сообразовать свои поступки; это d) авторитетъ свидѣтельства въ историческихъ фактахъ. Если этотъ свидѣтель такой человѣкъ, который и могъ и

хотѣлъ сказать правду, слѣд. и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи есть свидѣтель, достойный вѣры; то мы не имѣемъ причины прекословить его показаніямъ, потому-что иначе не было бы вовсе исторической вѣры, а съ тѣмъ не было бы и самой исторіи.

АГЕНТЪ (лат.) означаетъ отвѣтственное лицо, дѣйствующее за другаго, его именемъ или по его порученію, — въ дѣлахъ частныхъ, общественныхъ, политическихъ. Послѣдняго рода довѣренныя лица, когда съ извѣстною торжественностію отправляемы бываютъ одною державою къ другой, называются *послами, полномочными министрами, повѣренными въ дѣлахъ* и пр. — Но кромѣ этихъ оффиціяльныхъ сановниковъ «водятся» мѣстами и другія *дипломатическія* лица, которыя дѣйствуютъ, можетъ быть, еще сильнѣе первыхъ, которыя даже имъ противодѣйствуютъ. Это, такъ называемые, *тайные агенты;* они обыкновенно не имѣютъ никакого дипломатическаго званія и проживаютъ въ чужихъ земляхъ съ видами частныхъ лицъ, но пронырствами своими, кознями и ябедничествомъ дѣлаютъ много зла, причиняютъ смуты въ умахъ и подаютъ поводъ къ гибельнымъ недоразумѣніямъ и раздорамъ. Вотъ почему одно государство, основанное на началахъ строгой справедливости, совѣстится подсылать тайныхъ агентовъ, а другое не соглашается терпѣть этихъ незваныхъ и для хозяина тягостныхъ гостей и подъ первымъ предлогомъ высылаетъ ихъ за границу, какъ ненавистныхъ и опасныхъ лазутчиковъ!

АДАМЪ, см. *первобытный человѣкъ.*

АДІАФОРА, АДІАФОРІЯ (отъ греч. *α,* безъ и *διαφέρω,* разбираю). Строгая мораль вѣдается только съ добромъ и зломъ; что не подходитъ подъ эти ея категоріи— богатство, почести, здоровье, красота, чувственныя наслажденія — все это, какъ вещи, ей чуждыя, неутральныя, между хорошими и дурными, между полезными и вредными средніе, она и не хваля и не порицая, не предписывая, да и не воспрещая, отъ своего суда отводитъ. Очевидно, что подобная Адіафорія не безусловная, а только относительная, касается не до всякихъ, а только до иныхъ явленій воли, которыя позволяется толковать «и такъ и сякъ,» потому-что они безконечны, а умъ нашъ, подводящій ихъ подъ нравственный законъ, ограниченъ. Такимъ образомъ, если вы спрашиваете, все ли равно ходить, или ѣздить, просто ли одѣваться или пышно, цвѣтно,— мы отвѣчаемъ *да* и *нѣтъ,* потому-что и эти дѣянія, повидимому безкачественныя, но все-таки проис-

текающія изъ какихъ-нибудь нравственныхъ источниковъ и побужденій, могутъ и должны получать извѣстную *цѣну* для вашихъ видовъ, безъ чего вы были бы равнодушны ко всему, — даже къ самой жизни, а предполагать цѣли и учреждать по нимъ свои поступки — это дѣло свободныхъ начинаній, въ которыхъ именно и проявляется жизнь вашего духа. Получаютъ же *цѣну* безкачественныя дѣянія отъ помысловъ и чувствованій, которыя васъ одушевляютъ, отъ принятыхъ вами правилъ, отъ вѣрованія, въ которомъ вы утверждены, отъ вашихъ отношеній условнаго быта, въ которомъ вамъ суждено жить и который требуетъ отъ васъ благоразумія, приличія, вкуса, наконецъ отъ совѣсти, которую вы воспитать въ себѣ умѣли. (Сравн. *индифферентисмъ* и *равнодушіе*).

АДРЕСЫ (франц.). Въ разныхъ европейскихъ государствахъ подданные позволяютъ себѣ объяснять свои нужды верховной власти въ Адресахъ, докладахъ, просьбахъ, что и не возбраняется, если только такія представленія основательны, скромны и поступаютъ законными путями. Но политическія партіи (гдѣ онѣ есть) сплошь употребляютъ адресы, какъ средства, дерзко высказывать всякія мысли, домогаться своекорыстныхъ видовъ и даже ниспровергать существующій порядокъ вещей, особливо настоять на смѣну министровъ. Это въ иныхъ государствахъ и есть нынѣшнее искаженное и во зло употребляемое значеніе адресовъ.

АДЪ, см. *Преисподняя.*

АЗАРДНЫЯ ИГРЫ (франц.) тѣ, въ которыхъ выигрышъ и проигрышъ зависятъ не столько отъ умѣнья игроковъ, сколько отъ удачи или слѣпаго случая. Правда, во всѣхъ играхъ участвуютъ до извѣстной степени смѣтливость и счастіе; но гдѣ перевѣсъ на сторонѣ послѣдняго фактора столь очевидѣнъ, что уму (въ честной игрѣ) совсѣмъ почти нѣтъ и работы, тамъ мы играемъ рѣшительно на — авось, что иногда безъ зазору совѣсти и можемъ позволить себѣ — на досугѣ и въ шутку. Но нѣтъ ничего предосудительнѣе, какъ обращать подобную забаву въ ремесло, да и такое, которое питаетъ низкія страсти, убиваетъ золотое время и подъ-конецъ разоряетъ насъ. Чтожъ касается до того правительства, которое привилегируетъ игорные домы, либо отдаетъ ихъ на откупъ, какъ оброчныя статьи, либо само учреждаетъ отъ себя и для себя, то это значитъ, что министры его стараются, просто, развращать и губить подданныхъ.

АКРОАМА, АКРОАМАТИЧЕСКІЙ (отъ греч. *ακροάομαι,*

вслушиваюсь, вникаю, внемлю, учусь). *Акроама* есть началоположеніе, дознаваемое только мыслію, въ отличіе отъ аксіомъ, которыя познаются посредствомъ созерцанія. — Происходящее оттуда, прилагательное *акроаматическій* имѣетъ двоякій смыслъ, смотря по тому, употребляется ли о самыхъ *ученіяхъ*, или о способѣ ихъ *преподаванія*. *Акроаматическія ученія* суть тѣ, которыя древніе философы не на письмѣ, а только изустно сообщали и притомъ не многимъ избраннымъ ученикамъ (*Эзотерикамъ*, *Акроаматикамъ*), слѣд. ученія тайныя. *Акроаматическое преподаваніе* есть то, гдѣ говоритъ только наставникъ, а ученики молча слушаютъ; оно противоположно *эротематическому*, *сократическому* преподаванію, гдѣ учащій обращается къ ученикамъ съ вопросами, на которые тѣ отвѣчать должны, или гдѣ слушателямъ позволяется въ свою очередь прерывать его вопросами. Не легко опредѣлить вообще, какой изъ этихъ способовъ лучшій. Тутъ все зависитъ отъ обстоятельствъ, особливо отъ учениковъ. Если они еще не образованы и не получили навыка въ мышленіи, то вторый способъ преподаванія будетъ для нихъ, безъ сомнѣнія, самый приличный, предполагая, что наставникъ умѣетъ употреблять его надлежащимъ образомъ.

АКСІОМА (отъ греч. ἀξιοῦν, оцѣнивать, обсуживать). Такъ называется въ *пространномъ* смыслѣ всякое положеніе, принимаемое нами за истинное, въ *тѣсномъ* смыслѣ непосредственно достовѣрное сужденіе, котораго доказывать и нельзя и не нужно. Такія сужденія, выраженныя словами и поставляемыя въ заглавіи науки, называются ея *началоположеніями*. Но математики употребляютъ слово *аксіома* въ *тѣснѣйшемъ значеніи*, отличая *теоретическія*, по себѣ очевидныя, положенія отъ *требованій*, какъ положеній *практическихъ*, которыхъ исполнимость также не нуждается въ доказательствахъ. Потому положеніе: двѣ величины, равныя третьей, равны между-собою, есть *аксіома*, а положеніе: всякая конечная прямая линія можетъ быть продолжена, — *требованіе:* ибо стоитъ только протянуть подобную линію въ мысляхъ, чтобы усмотрѣть возможность ея продолженія.

АКТЕРЪ (отъ лат. ago, egi, actum, дѣйствовать) тотъ, кто извѣстную партію драмы, созданной поэтомъ-трагикомъ, комикомъ, композиторомъ, хоревтикомъ представляетъ на сценѣ для доставленія эстетическаго удовольствія зрителямъ и слушателямъ, — лицедѣй. Предполагается, что лицедѣй, какъ и всякій артистъ, долженъ для сво-

его прекраснаго, но вмѣстѣ и труднаго и щекотливаго, званія быть рожденъ. Ученію, труду, упражненію, технической дрессировкѣ предоставляется талантъ его только развивать, направлять, совершенствовать. — Отличное образованіе, тѣлесное, умственное и общежитное, хорошій органъ, — естественная смѣтливость, наблюдательный умъ, богатая фантазія, способная возсоздать мысли поэта, отнюдь не замѣняя ихъ своими собственными, наконецъ самоотрѣченіе, умѣющее жить чужою жизнію — вотъ чего ожидаетъ и требуетъ взыскательная публика отъ актера-художника на сценѣ, подобно какъ ожидаетъ и требуетъ отъ него въ жизни, чтобы онъ не состоялъ въ роковомъ какомъ-то и необходимомъ разладѣ съ человѣкомъ, чтобы искусственныя привычки не обращались ему въ природу, игра въ дѣло и чтобы онъ умѣлъ владѣть своимъ сердцемъ болѣе, нежели своимъ талантомъ и тѣломъ. (Дальнѣйшія замѣчанія объ актерѣ смотри въ статьяхъ *Мимика* и *Мимическія представленія*).

АКТЪ, ы (отъ предыд.) означаетъ а) отдѣльную операцію какой-либо силы, *напр.* актъ мышленія, хотѣнія, плотскаго совокупленія, въ противоположность возможности, расположенію, способности мыслить, хотѣть, совокуплять-ся вообще; b) дѣйствіе или главный отдѣлъ драмы, въ концѣ котораго сцена обыкновенно для зрителей закрывается; c) записку о какомъ-либо дипломатическомъ или судебномъ дѣлопроизводствѣ, которая потомъ можетъ служить документомъ. Другія значенія этого слова, *напр.* значеніе торжественныхъ собраній учебнаго заведенія, или трудовъ Академіи, издаваемыхъ въ свѣтъ, сюда не относятся.

АЛЛЕГОРІЯ, (отъ греч. словъ *ἀλλὸ*, иное, и *ἀγορά*, рѣчь) иносказаніе, т. е. изображеніе, въ которомъ предметъ выражается посредствомъ другаго, на него похожаго или съ нимъ однороднаго. Явный смыслъ картины обыкновенно бываетъ чувственный, или, вообще говоря, историческій, основывающійся на естественномъ, принятомъ и обыкновенномъ значеніи и сочетаніи символовъ и содержитъ въ себѣ или возвѣщаетъ *особенный* предметъ, *фактъ*, происшествіе, истинное или вымышленное, вѣроятное, возможное, сокровенный же и при созерцаніи перваго оказывающійся смыслъ есть болѣе духовный и общій; онъ выходитъ уже за границу отдѣльныхъ случаевъ и фактовъ, къ которымъ изображеніе относится; онъ принадлежитъ царству идеальному. Такъ Вселенная, представляющая въ видимыхъ и живыхъ второобразахъ идеи божест-

вещнаго разума, была бы огромная аллегорія; такъ и всякое изящное искусство можно было бы въ извѣстномъ смыслѣ назвать *аллегорическимъ*, потому-что его произведеніе хочетъ въ индивидуальныхъ, ощутительныхъ знакахъ представить что-то высшее, идеальное; но въ строгомъ смыслѣ *аллегоріей* называется такое созданіе искусства, въ которомъ знаки изображенія связаны такъ, что *этою* именно *связью* и являютъ двоякій смыслъ, т. е. особенный и *общій*. Такое двоякое значеніе чувственнаго предмета или факта предполагаетъ и первоначальное сродство Особеннаго и Общаго, даже природы и духа, — сродство, по которому чувственное можетъ для насъ означать что-то духовное, могутъ идеалы быть представляемы въ индивидуальныхъ формахъ, — въ цвѣтахъ и тѣлахъ. Изъ этого видно, почему часто *аллегорическое* противопоставляютъ *историческому* (въ пространномъ смыслѣ), называя тутъ аллегорію по преимуществу произведеніемъ фантазіи, т. е. созданіемъ идеальнымъ. Правда, могутъ быть изображенія, которымъ основой служитъ собственно фактъ, заимствованный изъ исторіи; но подобныя изображенія, по себѣ уже весьма значительныя и интересныя, все еще влекли бы наши взоры къ индивидуальной сторонѣ, отчего потерялась бы и цѣль иносказанія, представлять въ чувственномъ и особенномъ духовный первообразъ, общую истину. И такъ пускай Особенное, служащее всегда основой аллегоріи, будетъ прямо предметомъ и порожденіемъ творящей фантазіи. Далѣе очевидно, почему иносказаніе можемъ встрѣчать только въ словесныхъ искусствахъ, — въ Краснорѣчіи и Поэзіи, а между изобразительными только въ Живописи и Пластикѣ, равно какъ и въ Мимикѣ, но отнюдь не въ Музыкѣ и Зодчествѣ. Натурально: преждерѣченныя только искусства способны своими средствами изображенія обличать двоякій смыслъ, — особенный и общій, а характеръ послѣднихъ по способамъ уже ихъ изображенія есть символическій; они по истинному существу своему, духовною стройностію основныхъ формъ видимаго и слышимаго міра намѣкаютъ сильно, хотя неопредѣлительно и смутно, намѣкаютъ на то, что въ человѣкѣ есть самого идеальнаго, — на помыслы, чувствованія и жизнь, выходящія за границу дѣйствительности, и притомъ Музыка на сердечныя ощущенія столь близкими къ нимъ звуками, а зодчество на внѣшнюю стройность жизни соотвѣтственнымъ облагороженіемъ мѣстности и околичностей. Но такимъ образомъ и въ преждерѣченныхъ искусствахъ есть

картины, которыхъ содержаніе принадлежитъ исторіи или преданіямъ и которыя, при всей исторической своей самостоятельности, допускаютъ общій смыслъ или дозволяютъ себя толковать «такъ и иначе» вовсе не мѣтя на иносказаніе. (Таковы Эротъ, Геркулесъ, Аполлонъ). Тутъ общій смыслъ выникаетъ, такъ сказать, самъ собою изъ индивидуальнаго, а въ Аллегоріи, по видимому, оказывается тому противное; вотъ почему Аллегорію противополагаютъ опять и символу, хотя рѣченія эти часто въ другомъ отношеніи употребляемы бываютъ, какъ однозначащія. Символъ — это болѣе отдѣльный предметъ, необразующій еще самостоятельнаго художественнаго произведенія, это знакъ, которымъ намѣкается на какой-либо предметъ, на какое-либо понятіе (*напр.* означеніе мира масличною вѣткой), — это олицетворенное понятіе; аллегорія — это цѣлая, обширная самостоятельная картина фигуръ и образовъ (и не историческихъ), которые въ общемъ дѣйствіи представляютъ однородную истину. Впрочемъ, она нерѣдко встрѣчается и какъ часть особеннаго, бо́льшаго художественнаго цѣлаго, именно въ Риторикѣ и Поэзіи, гдѣ въ категоріи *троповъ* и составляетъ пространную или растянутую *метафору*. Тутъ разрисовывается схожій предметъ, тутъ выражаются и побочныя представленія и свойства его, заимствуемыя отъ образа, коль скоро они сродны. Предполагается, что означающій образъ явственнѣе, сильнѣе и пріятнѣе выражаетъ предметъ. Такъ *напр.* «поэзія была въ Римѣ чужеземное растеніе» — метафора; а «римская поэзія изъ греческихъ сѣмянъ пересажена въ садъ Императоровъ, гдѣ этотъ цвѣтокъ долго и красовался» — аллегорія. — И эта фигура, такъ-какъ всѣ метафоры, преимущественно одолжена своимъ происхожденіемъ не одному только недостатку выраженій для извѣстныхъ предметовъ, а еще болѣе неудержимому побужденію восторженной души, выражать сильно и живо свои чувствованія, либо удовольствію, какое доставляется всякимъ сравненіемъ и упражненіемъ остроумія. Въ сказанномъ побужденіи фантазія, вспомоществуемая внутреннимъ чувствомъ, занята бываетъ либо тѣмъ, а) чтобы воплощать духовное (это самая естественная, первоначальная и существу Поэзіи самая соразмѣрная метафора и Аллегорія), либо тѣмъ, b) чтобы оживлять и одухотворять тѣлесное, либо тѣмъ, c) чтобы схожіе предметы одинаковой сферы связывать, обмѣнять и явленія въ природѣ олицетворять (*напр.* зарю въ лицѣ Авроры). На этомъ и основывается троякій родъ иносказаній. Но въ

восторженной душѣ сравненіе совершается столь быстро, созерцаніе столь живо, что образъ или подобный предметъ почти непримѣтно поступаетъ на мѣсто сравнивающаго. Оттого самое выраженіе бываетъ кратче, возбуждаетъ остроуміе читателя при представленіи образа и тѣмъ доставляетъ извѣстное удовольствіе, которымъ вездѣ сопровождается гармонія и единство нашихъ представленій. — Изъ этого вытекаютъ и главныя правила для употребленія иносказаній въ словесныхъ искусствахъ: 1) Аллегорія принадлежитъ ближайшимъ образомъ тревожному состоянію, въ которомъ все относится къ предмету душевныхъ потрясеній и считается его свойствомъ, причиною или дѣйствіемъ, а заботливое сравненіе или спокойное размышленіе невозможно; 2) потому она любитъ краткость выраженія и 3) вмѣсто представляемаго предмета схватываетъ образъ, котораго фантазія и не искала и который, однакожъ, обозначаетъ и сущность и дѣйствіе предмета чертами, болѣе яркими и сильными, чѣмъ собственное или обыкновенное выраженіе и который долженъ направляться по важности самой обработываемой поэтической мысли. — Но Аллегорія, какъ самостоятельное цѣлое или особенное произведеніе искусствъ, можетъ такимъ же самымъ троякимъ образомъ дѣйствовать въ большомъ видѣ; впрочемъ, тутъ открываются значительныя трудности, состоящія

a) Частію и преимущественно въ требованіи, чтобы изображаемый, разумѣется интересный, и благородный предметъ, легко и ясно просвѣчивался сквозь тонкую пелену разрисованнаго образа и чтобы потому эстетическое чувство скоро и непремѣнно открывало его;

b) Частію въ поучительномъ направленіи, какое легко принимаетъ аллегорія и тѣмъ склоняется къ прозѣ;

c) Частію въ томъ, что образы фантазіи, въ какіе художникъ обыкновенно облекаетъ общую мысль, сами по себѣ имѣютъ менѣе интереса и менѣе индивидуальны, нежели фактъ историческій.

Послѣ этого не удивительно, что истинная, мѣткая аллегорія такъ рѣдка и обыкновенно обработываема бываетъ съ особеннымъ усердіемъ во времена упадка искусствъ. Послѣдняго рода трудность часто заставляетъ въ изобразительныхъ художествахъ, для вразумительности, прибѣгать къ извѣстнымъ произвольнымъ и условнымъ символамъ и аттрибутамъ, которые чужды предмету и на которые мы смотримъ безъ дальняго участія. Но потому-то иносказательное изображеніе болѣе, чѣмъ какое-либо дру-

гое, можетъ обличать рѣдкое сочетаніе философскаго и поэтическаго таланта, а вразсужденіи выраженія мыслей рѣдкую изобрѣтательность и остроуміе тамъ, гдѣ Общему и Особенному, идеѣ и ея второобразу надлежитъ содѣлаться однимъ неразрывнымъ Цѣлымъ. Впрочемъ, оно должно, какъ произведеніе искусства, пріятно занимать всю душу, дѣйствуя не только на умъ достойною человѣчества и способною принимать ощутительныя формы, т. е. не слишкомъ отвлеченною мыслію, которая служитъ ему основой, но и трогать внутреннее чувство живымъ выраженіемъ, которое какъ бы охотно и само собою къ ней льнетъ и содѣлалось одушевленнымъ ея тѣломъ,— гдѣ она не таится, какъ темная загадка, но мелькаетъ или просвѣчивается вездѣ, въ каждомъ членѣ, проникая форму, является образованному въ воплощенномъ видѣ и живо трогаетъ его. Этой послѣдней цѣли достигаетъ Аллегорія лишь тогда, когда отъ ней, по возможности, устранены всѣ произвольные и условные знаки и аттрибуты, равно какъ и вообще все изысканное, — когда второобразъ являетъ внутреннее сродство съ идеей, когда Особенное, которымъ она изображаетъ Общее, само въ формахъ своихъ имѣетъ идеальность и возвышается надъ пошлою прозой житейскою, наконецъ, когда въ цѣломъ произведеніи господствуетъ животворное единство. — Въ примѣръ самостоятельной Аллегоріи всегда приводили извѣстную оду Горація ad navem, въ которой метафора «корабль государства» съ пропускомъ, даже, первообраза, т. е. государства возвышена на степень поэтическаго Цѣлаго подробною, иносказательною же отдѣлкою частей, принадлежностей, околичностей плаванія, каковы пристань, т. е. миръ и согласіе, или бурное море, т. е. междоусобная война; — далѣе приводили извѣстную повѣсть о трехъ перстняхъ; сюда же относятся и многія басни и притчи, потому-что не всѣ онѣ сами уже по себѣ поэтическаго достоинства, не всѣ и аллегоріи въ вышеозначенномъ смыслѣ, — птицы Аристофановы — потому-что во всѣхъ родахъ поэзіи иносказаніе являться можетъ. Примѣромъ аллегоріи въ изобразительномъ художествѣ, въ которомъ ея употребленіе вообще ограничено болѣе олицетвореніемъ, потому-что изобразительное искусство представляетъ въ ликахъ или фигурахъ, при чемъ часто имѣетъ нужду въ аттрибутахъ (припомните звѣроловку Діану, съ лукомъ, колчаномъ и гончими собаками) — примѣромъ такимъ служитъ Гвидова Фортуна, которую крылатый мальчикъ-шалунъ схватываетъ за

волосы. Сюда относились бы и аллегорическіе балеты и пантомимы. — Что, впрочемъ, иносказаніе чаще встрѣчается въ новѣйшемъ христіанскомъ искусствѣ, чѣмъ въ древнемъ, именно у Грековъ и Римлянъ — это кроется въ характерѣ и образѣ мыслей классическаго и христіанскаго міра и понятно въ особенности изъ разнаго религіознаго ихъ взгляда на вещи, потому-что тотъ болѣе отъ индивидуальнаго, чувственнаго восходилъ къ идеальному, а этотъ имѣлъ точкою исхода духовное, и для того, за недостаткомъ многосторонней миѳологіи, искусство должно было очувствленіе своихъ идей и изобрѣтеніе своихъ предметовъ предоставлять фантазіи. (Сравн. *миѳъ* и *символъ*).

АЛХИМІЯ (араб.) есть искаженіе или заблужденіе химіи, въ которое впадали иногда и любители мудрости, искавшіе *философскаго камня*. См. эту статью, а также *тайныя искусства и науки*.

АЛЧНОСТЬ, см. *жадность*.

АМНЕСТІЯ, см. *всепрощеніе*.

АМУЛЕТЪ (отъ лат., якобы, amolri, т. е. mala, отгонять) означаетъ вообще вещь, предотвращающую зло всякаго рода. Что подобныя вещи какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи дѣйствительно существуютъ,— это не подлежитъ сомнѣнію. Но суевѣріе точнѣе опредѣлило понятіе *амулета*, разумѣя подъ нимъ пустое или исписанное іероглифами и формулами вещество, которое для вышесказанной цѣли привѣшиваютъ себѣ на шею, либо носятъ при себѣ (*напр.* колечки, ладанки, бусы, вѣнки) въ томъ мнѣніи, что оно имѣетъ сверхъестественную, волшебную или чудодѣйственную силу, посредствомъ которой и надѣются получать желаемое; оттого съ амулетами всегда были сопряжены страшныя злоупотребленія, безчинства и обманы. Въ категорію амулетовъ вошли также *фетиши* и *магическіе квадраты*. (См. эти слова). По-арабски они называются и *талисманами*, хотя при этомъ словѣ вмѣстѣ думаютъ о чарахъ вообще, *напр.* о перстняхъ, посредствомъ которыхъ можно дѣлать себя невидимкой, мгновенно переноситься съ одного мѣста на другое, заклинать духовъ и т. п. — Но повсемѣстная вѣра въ подобныя вещи всегда имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ, а именно съ одной стороны любовь къ чудесному и таинственному, съ другой желаніе, безъ труда и размышленія, дѣлаться счастливымъ или, по крайней мѣрѣ, избывать злоключеній.

АМУРЪ И ПСИХЕЯ — извѣстная, въ Превращеніяхъ *Апулея* въ первый разъ разсказанная, потомъ нѣсколько-кратно повторенная, даже въ картинкахъ представ-

ленная, сказка о соединеніи души (Психеи) съ богомъ любви (Амуромъ) — аллегорія, надъ философскимъ смысломъ которой многіе попустому ломали себѣ голову. Самое естественное толкованіе то, что человѣческая душа до тѣхъ только поръ чувствуетъ себя счастливою, доколѣ остается въ состояніи дѣтскаго невѣдѣнія и невинности; какъ же скоро по естественному побужденію изъ этого состоянія выходитъ, то дѣлается злополучною; потомъ, тревожимая тоскою по утраченномъ раѣ, блуждаетъ, и не прежде, какъ послѣ разныхъ страданій и искушеній, возвращается къ высшему блаженству безсмертной жизни.

АНАЛИЗЪ (отъ греч. *αναλυειν*, разрѣшать) значитъ раздробленіе, растворъ, разложеніе. Оттого мы *анализируемъ* извѣстную мысль (понятіе, сужденіе, умствованіе), либо цѣлый рядъ мыслей, разлагая его на составныя части или стихіи; потому-то самому элементарная часть Логики, занимающаяся поясненіемъ первоначальныхъ дѣйствій ума и законовъ ихъ, названа *Аналитикой*. Но и всякое тщательное раздробленіе сложнаго, какъ даннаго условнаго, — раздробленіе, предпринимаемое на тотъ конецъ, чтобы узнать простѣйшія составныя его части, какъ условія, можно назвать *анализомъ*, а руководство къ тому или основанную на томъ теорію — *Аналитикой*, какъ и самые Химики разложеніе тѣлъ, а Французскіе рецензенты свои критическія извлеченія изъ нововышедшихъ книгъ называютъ *Анализами*. У математиковъ *Анализъ* также основывается на раздробленіи величинъ, но сюда не принадлежитъ. — Прилагательное *аналитическій* (ая, ое) получаетъ разныя значенія отъ тѣхъ существительныхъ именъ, къ которымъ придается. Такъ

а) *Аналитическія опредѣленія* суть тѣ, которыя данное уже понятіе разлагаютъ на его признаки, тогда-какъ *синтетическія* слагаютъ его или постраиваютъ. Оттого логики, проистекающую изъ подобныхъ опредѣленій, *ясность* понятій раздѣляютъ на *аналитическую* и синтетическую;

b) *Аналитическій методъ въ доказательствахъ* имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ точкою исхода служитъ намъ данное условное, чтобы отыскать начала, отъ которыхъ оно зависитъ, тогда, какъ *синтетическій* беретъ путь обратный. Тамъ мы *отступаемъ* или дѣлаемъ движеніе *попятное*, а здѣсь *простираемся впередъ*. Первый методъ называется также *изобрѣтательнымъ* или *эвристическимъ*, затѣмъ, что по нему неизвѣстное открываемо бываетъ изъ извѣстнаго.

с) *Въ Аналитическихъ сужденіяхъ* сказуемое непосредственно вытекаетъ изъ самаго уже понятія о подлежащемъ, въ которомъ оно кроется, какъ *напр.* кругъ = кривая линія, со всѣхъ сторонъ замкнутая, тѣло протяженно; *синтетическими* же называются сужденія, когда связь между подлежащимъ и сказуемымъ открывается не иначе, какъ при помощи третьяго понятія; такъ *напр.* мы приписываемъ тяжесть воздуху, потому-что онъ производитъ давленіе на ртуть въ барометрѣ. На этомъ основывается и различіе между *аналитическимъ* или *формальнымъ* и между *синтетическимъ* или *матеріяльнымъ мысленіемъ*. То называется и *просто мышленіемъ*, потому-что тамъ мысли относимы бываютъ только другъ къ другу или вѣдаются только между собою, и принадлежитъ въ *Логику*, какъ въ теорію чистаго, безпримѣснаго *мышленія*, а это называется *познаніемъ*, потому-что здѣсь мысли относимы бываютъ къ какимъ либо предметамъ, и принадлежитъ въ *Метафизику*, какъ *теорію вѣдѣнія*. (См. *Синтезъ*).

АНАЛОГІЯ (отъ ἀνά, по, и λογος, въ этомъ словосоставленіи, отношеніе) значитъ вообще соразмѣрность, сравненіе, пропорція. Но логики назвали такъ и особенный *родъ умствованій* и *доказательствъ*, которыхъ сущность состоитъ въ слѣдующемъ: если мы не можемъ познать вещь непосредственно, по крайней мѣрѣ, если познаемъ ее не совершенно, не со всѣхъ сторонъ; то мы сравниваемъ ее съ другими, похожими, къ тому же виду или роду принадлежащими (однородными) вещами и переносимъ нѣкоторыя свойства этихъ послѣднихъ, какъ уже извѣстныхъ, вещей на ту первую, какъ еще невѣдомую, или, по крайней мѣрѣ, не такъ еще извѣстную. Тутъ, слѣд. мы изъ дознаннаго или болѣе знакомаго угадываемъ невѣдомое или менѣе извѣстное; это-то и значитъ умствовать по аналогіи. Такъ изъ свойства Земли можно дѣлать заключенія о свойствѣ Луны, какъ ея спутника, или о свойствѣ Марса, какъ другой главной планеты нашей солнечной системы. Въ самомъ дѣлѣ мы такъ и умствуемъ, когда *напр.* эти свѣтила считаемъ также населенными, какъ и Землю. Что подобное умствованіе ненадежно, что слѣд. доказываемое тѣмъ положеніе не принадлежитъ къ достовѣрнымъ, несомнѣннымъ, аподиктическимъ, а только къ правдоподобнымъ, вѣроятнымъ — это видно съ перваго взгляда. Ибо тутъ мы поступаемъ по *началу всѣхъ аналогическихъ умствованій и доказательствъ:* если вещи извѣстнаго рода сходствуютъ между собою съ

*

нѣсколькихъ сторонъ; то онѣ, конечно, будутъ сходны и съ прочихъ, слѣд. со *всѣхъ*. Но такой необходимости нѣтъ; онѣ могли бы именно въ этомъ пунктѣ другъ отъ друга уклоняться. Вся Луна *напр.* могла бы быть не иное что, какъ перегорѣвшій волканъ, какъ бы окалина небеснаго тѣла, либо же незрѣлое еще свѣтило, которому должно образоваться далѣе, прежде, чѣмъ оно сдѣлается, подобно Землѣ, обитаемымъ для живыхъ тварей. Общую *форму аналогическихъ умствованій* можно изобразить такъ:

A есть b, c, d...

X сходствуетъ съ A въ b и c

Слѣд. вѣрно и въ d...

Здѣсь слѣд. A означаетъ извѣстное, а X относительно къ d... еще неизвѣстное, которое съ тѣмъ первымъ и сравнивается. Но это очевидно и доказываетъ вышеупомянутую невѣрность подобныхъ умствованій. Ибо, если X и A и сходствуютъ въ b и c (*напр.* два человѣка окладомъ лица); то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они сходствовали и въ d. (*напр.* образомъ мыслей, жизни и т. д.). Слѣдуетъ вмѣстѣ и то, что, если хотимъ такимъ образомъ заключать съ нѣкоторою вѣроятностію, мы не должны искать сходства вещей въ обстоятельствахъ, чисто случайныхъ, и никогда не заключать о совершенномъ равенствѣ. Кто *напр.* захотѣлъ бы изъ того, что два человѣка носятъ кафтаны одинаковаго сукна и цвѣта и покроя, заключать о равенствѣ ихъ помысловъ и чувствованій, тотъ ошибался бы сплошь въ своихъ догадкахъ. Взгляните только на полкъ гренадеровъ въ одинаковыхъ мундирахъ: нѣсколько изъ нихъ могли бы быть одинаковаго образа мыслей и чувствованій, но мундиръ этого не доказываетъ, хотя въ иныхъ случаяхъ (*напр.* у религіозныхъ сектъ, которыя по принятымъ уже правиламъ одѣваются одинаково) наружное однообразіе можетъ указывать на внутреннее. Слѣд. основывающаяся на Аналогіи всеобщность есть только сравнительная или относительная. Впрочемъ, *аналогически разсуждать* значитъ вообще то же, что судить о вещахъ по ихъ сходству, а *толковать аналогически* въ особенности то же, что изъяснять темное мѣсто въ книгѣ по сходству его съ другими, которыя яснѣе или которыхъ смыслъ уже опредѣленъ. Оттого и богословы говорятъ объ *аналогіи вѣры*, а юристы объ *аналогіи права*, хотя сужденія по такимъ аналогіямъ всегда шатки. Вѣрно ли заключеніе католическихъ учителей Церкви, что какъ въ природѣ вездѣ есть состоянія переходныя, то по этой аналогіи должно существовать и

чистилище, какъ вещь средняя между небомъ и адомъ?

АНАРХІЯ, см. *безначаліе.*

АНДРОГИНЪ (отъ *ανὴρ*, род. пад. *ανδρὸς*, мужъ, и *γυνη*, жена) есть человѣкъ обоеполый — Гермафродитъ (такъ названный отъ *Гермафродитоса*, сына *Гермеса* или Меркурія и *Аѳродиты* или Венеры, котораго тѣло срослось, какъ гласитъ сказаніе, съ тѣломъ возлюбленной, но въ объятіяхъ любви несчастной Нимфы Салмакиды). *Платонъ* въ своемъ *Пиру* заставляетъ поэта Аристофана, участвовавшаго тоже въ бесѣдѣ, выставить ипотезу, что первые люди были двойные (о четырехъ рукахъ, четырехъ ногахъ, съ двойными дѣтородными удами, съ глазами во лбу и въ затылкѣ) и притомъ троякаго рода, — мужескіе (*двойные мужчины*), женскіе (*двойныя женщины*) и двуполые = *Андрогины.* Первые рождены солнцемъ, вторые землею, третіе луною. Но какъ эти люди сдѣлались слишкомъ могущественными и богамъ непокорными, то Зевесъ разсѣкъ ихъ на двѣ половины, которыя, томясь въ разлукѣ, пламенно желали возсоединенія. Изъ этой мучительной тоски возникла любовь мужчинъ къ мужчинамъ, женщинъ къ женщинамъ и обоюдная любовь обоихъ половъ.— Все это, очевидно, сказка, поэтическій вымыслъ; но въ немъ кроются двѣ значительныя мысли. Вотъ *первая*! Въ началѣ мірозданія растворъ стихій, изъ котораго образовалась земля, былъ въ высочайшемъ разгарѣ раждающихъ и творящихъ силъ; потому онъ выводилъ изъ себя на позорище и всѣ созданія въ формѣ самой полной, самой удовлетворительной. Но какъ въ человѣкѣ, а равно и въ прочихъ тваряхъ, совершеннѣйшая форма есть ни мужеская, ни женская въ отдѣльности, а только изъ обѣихъ смѣшанная, или та и другая въ гармоническомъ сліяніи; то первоначально человѣку надлежало быть ни мужчиной, ни женщиной только, а существомъ обоеполымъ, Андрогиномъ, т. е. онъ долженъ былъ не только имѣть способность изводить изъ себя жизнь, но и способность дѣлать то совершенно одинъ, и только самъ чрезъ себя, собственнымъ своимъ лицемъ. Но онъ могъ сохранять эту способность лишь до тѣхъ поръ, доколѣ кипѣла въ немъ юная, полная, могучая, роскошная жизнь, которою, однакожъ, онъ, какъ существо отдѣльное, одинокое, почти отвлеченное, едва ли долго могъ красоваться; слѣд. какъ скоро жизнь до извѣстной степени въ немъ упала, оскудѣла, то должна была уменьшиться вмѣстѣ съ тѣмъ и способность, быть для нея довлительною; и если за всѣмъ тѣмъ надлежало ему про-

являть жизнь и расточать ее изъ нѣдръ своихъ, потому-что Творецъ «далъ ему животъ имѣти въ себѣ;» то онъ не могъ уже дѣлать это совершенно одинъ самъ чрезъ себя, а необходимо нуждался на сей конецъ въ посредствѣ. Природа его, которая едва ли могла уже вмѣщать въ себѣ жизнь безконечную, необъятную или была для ней неудовлетворительнымъ способомъ откровенія, разложилась на-двое, на половину мужчины и половину женщины. Съ этого разложенія единичной, нераздѣльной природы человѣческой, начинаются всѣ сказанія о распложеніи рода человѣческаго и разселеніи его по землѣ, словомъ, начинается его исторія.— *Вторая* мысль въ Аристофановомъ мнѣніи та, что человѣкъ одинокій есть какъ бы получеловѣкъ, и что грустное и тягостное это чувство безпрестанно побуждаетъ его, для пополненія недостаточнаго своего бытія, искать связи съ подобными себѣ, а въ отношеніи половомъ искать и связи съ другимъ поломъ, какъ второю половиной человѣчества. Но если эта склонность мужчины къ женщинѣ и наоборотъ есть самое естественное слѣдствіе неудержимаго влеченія разрозненныхъ, но родственныхъ сторонъ Андрогина къ вожделѣнному возсоединенію, то непостоянство въ любви, на которое свѣтъ такъ часто жалуется, должно приписать трудности, найти созданіе себѣ подобное, себѣ суженое. Какъ скоро женщина кажется намъ любезною, мы тотчасъ принимаемъ ее за ту половину, съ которою вѣрно составили бы одно счастливое цѣлое.— Точно ли есть Андрогины или Гермафродиты — это анатомико-физіологическій вопросъ, который сюда не принадлежитъ. Но во всякомъ случаѣ они не только для цѣлей природы нынѣ лишніе, но и тамъ, гдѣ появляются, суть уродливыя и жалкія заблужденія образующихъ силъ — глумливой природы. Въ заключеніе прибавимъ, что какъ ни трудно для художника выразить въ одной фигурѣ характеръ мужчины и женщины, Греческіе ваятели весьма удачно рѣшили эту задачу, представивъ своего Гермафродита — съ естественнымъ знаменемъ нашего пола и съ дѣвственными персями женскими — въ прелестнѣйшихъ формахъ.

АНЕКДОТЫ и АПОФТЕГМЫ. Мы беремъ здѣсь оба эти выраженія вмѣстѣ, потому-что древніе историко-философскіе сборники считали ихъ почти однозначащими въ извѣстіяхъ своихъ о древнихъ философахъ. Первое выраженіе (*ανεκδοτος*, отъ *α*, отриц. частицы и *εκδιδοναι*, издаю) значитъ что-то, еще несообщенное свѣту, а потомъ неизвѣстную еще до того времени,

любопытную исторійку, или острое словцо; второе выраженіе (*αποφθεγμα*, отъ *απὸ*, изъ, отъ и *φθεγγεσθαι*, говорю, сказываю) краткое, сильное, замысловатое, достопамятное изрѣченіе. Такихъ Анекдотовъ и Апофтегмъ, клонящихся то къ похвалѣ, то къ посрамленію мудрецевъ, множество находимъ мы у *Діогена Лаэрція* или Лаэртійскаго, у *Аѳенея* и другихъ. Еслибы только можно было полагаться на ихъ достовѣрность, они всегда пригодились бы исторіографу философіи, потому-что все-таки могли бы сообщить кой-какія намѣтки о характерѣ и общемъ образѣ мыслей значительнаго числа греческихъ любителей мудрости, особливо такихъ, отъ которыхъ не осталось сочиненій. Но, къ сожалѣнію, самая большая часть Лаэрціевыхъ и Аѳенеевыхъ анекдотовъ основывается на невѣрныхъ изустныхъ преданіяхъ, а иные изъ нихъ явно носятъ на себѣ печать вымысловъ. Итакъ, при употребленіи ихъ, для видовъ исторіи науки, надобно поступать весьма осторожно. Впрочемъ, есть изъ нихъ и достовѣрные, и хотя не самые поучительные, однакожъ все-таки забавные. Къ послѣднему разряду принадлежатъ въ особенности тѣ, которые разсказываются о старшемъ *Аристиппѣ* и о Циникѣ *Діогенѣ*.

АНОНИМЪ, (отъ *α*, отрицат. и *ονομα*, имя) значитъ безъименный. Но это выраженіе употребляютъ и о лицахъ, которыя только не называютъ себя по имени, потому-что хотятъ остаться неизвѣстными, — особливо употребляютъ о сочинителяхъ и рецензентахъ, которые по той же причинѣ умалчиваютъ имена свои. Противъ такой безъименности ничего возразить нельзя, потому-что нѣтъ общаго закона, который обязывалъ бы насъ объявлять свое имя, когда мы что-нибудь печатаемъ, или публично о чемъ-либо отзываемся. Но гдѣ ею прикрываются злоба и ложь, тамъ она въ высочайшей степени гнусна, безчестна, ненавистна. Безъименному писателю или рецензенту должно напротивъ, строжайше держаться правды: не даетъ ли онъ своею уже безъименностію знать, что здѣсь важность состоитъ не въ лицѣ, а въ вещи? Гдѣ, однакожъ, являются на сцену лица, тамъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны сказаться. Безъименное *напр.* свидѣтельство въ судѣ вовсе не имѣло бы силы (вѣсу), потому-что при оцѣнкѣ достовѣрности показанія личность свидѣтеля значитъ весьма много. Изъ сочиненій древнихъ философовъ нынѣ, правда, нѣтъ ни одного безъименнаго, потому-что всѣ приписываются какому-либо автору. Но какъ показаніе сочинителей часто ложно, *напр.* показа-

ніе мнимыхъ писаній *Пиѳагора* и нѣкоторыхъ разговоровъ *Платона*, и какъ мы истиннаго сочинителя ихъ не знаемъ; то они, по настоящему, безъименныя, или лучше сказать, *лжеименныя*, — псевдонимы.

АНТАГОНИСМЪ (отъ *αντὶ*, противъ, и *αγων*, бореніе) есть противоборство силъ; усматриваемое какъ въ духовномъ, такъ и въ тѣлесномъ мірѣ. Гдѣ оно имѣетъ мѣсто, тамъ существуетъ *реальная взаимность*, обнаруживающаяся въ *дѣйствіи* и *воздѣйствіи* или *противодѣйствіи;* тамъ, слѣд. бываетъ и съ обѣихъ сторонъ *дѣйствіе* и *страданіе*, потому-что если А обнаруживаетъ свое вліяніе на В, то А дѣйствуетъ, а В страдаетъ; если же В обращаетъ свою силу на А, то В есть дѣйствующій факторъ, а А страдающій. Это называется и *закономъ дѣйствія и воздѣйствія* или, что все равно, закономъ *антагонисма*, на которомъ основывается и вся жизнь вещей сопребывающихъ и одновременныхъ, *напр.* на антагонисмѣ желудка и снѣдей въ процессѣ питанія, на антагонисмѣ легкихъ и воздуха въ процессѣ дыханія, на антагонисмѣ мужскихъ и женскихъ дѣторолныхъ членовъ въ процессѣ рожденія и т. д. Но и смерть есть слѣдствіе антагонисма, потому-что, если *напр.* желудокъ принялъ въ себя слишкомъ много веществъ, либо принялъ вещества такія, которыя слишкомъ сильно на него дѣйствуютъ, такъ-что онъ не можетъ въ надлежащей мѣрѣ воздѣйствовать, или, какъ говорится, сварить; то это можетъ влечь за собою разрушеніе всего организма, слѣд. смерть. Но на этомъ антагонисмѣ почіетъ и вся система міра: не всегда ли и не вездѣ ли привлекательныя и отталкивательныя силы вступаютъ въ борьбу между собою? Не всегда ли и не вездѣ ли видимъ дѣйствія и воздѣйствія, повторяющіяся въ безконечность?

АНТИМОРАЛИСМЪ (отъ *αντι*, противъ, и mos, moris, нравъ) — всякая система, противная нравственности; слѣд. въ строгомъ смыслѣ сюда относились бы и *эвдемонисмъ*, потому-что учитъ только благоразумному поведенію въ свѣтѣ; и *детерминисмъ*, отрицающій свободу воли, какъ единственное основаніе нравственной жизни. Но по настоящему надлежало бы такъ называть только тѣ системы, которыя либо прямо отвергаютъ различіе между добромъ и зломъ, между правомъ и несправедливостію, или по крайней мѣрѣ представляютъ его въ видѣ чего-то только относительнаго, либо признаютъ его невѣрнымъ, сомнительнымъ, много уже правдоподобнымъ, потому-что у нихъ также нѣтъ вѣрныхъ признаковъ добра и зла, какъ нѣтъ вѣрныхъ знаменій истин-

наго и ложнаго, либо, наконецъ, утверждаютъ, что различіе то можно развѣ чувствовать, но что въ понятіяхъ и правилахъ изобразить его нельзя. Всѣ подобныя системы такъ явно противорѣчатъ морали, что должны быть рѣшительно и безусловно отвергаемы разумомъ. – – –

АНТИНОМІЯ, (отъ *αντὶ*, противъ, и *νομος*, законъ) собственно говоря противоборство законовъ, *напр.* тамъ, гдѣ позжій законъ содержитъ въ себѣ положенія, противныя положеніямъ прежняго, который еще не отмѣненъ. Такія антиноміи встрѣчаются во всякомъ почти положительномъ законодательствѣ, которое въ теченіе времени мало-по-малу образовалось, потому-что послѣдующій законодатель не довольно коротко былъ знакомъ съ прежними постановленіями, остающимися еще въ силѣ. Оттого необходимо по временамъ пересматривать и измѣнять всякое положительное законодательство, потому-что противорѣчія въ постановленіяхъ государственныхъ дѣлаютъ право ненадежнымъ, шаткимъ и открываютъ свободные пути ябедѣ. Но Кантова философія говоритъ *объ антиноміяхъ разума*, который запутывается въ неразрѣшимыя противорѣчія самъ съ собою всякій разъ, когда прилагаетъ свои высокія идеи и законы къ опыту, свои неограниченныя требованія къ условному міру. Вотъ, какъ эти антиноміи понимать надобно! — Логическій умъ, овладѣвая идеями, не ограничивается отрицательнымъ только вліяніемъ ихъ на первоначальный способъ, какъ возвѣщаютъ объ нихъ сердце, фантазія, преданія. Въ формѣ ихъ непзмѣримаго, вѣчнаго и безпредѣльнаго характера онѣ остаются еще для насъ непонятными; разсудокъ хочетъ постигнуть ихъ значеніе, а потому и ихъ подвергаетъ обыкновеннымъ своимъ химическимъ операціямъ,— *анализу* и *синтезу*. Такъ-какъ чувствованія и представленія первоначально даютъ намъ идеи въ смутномъ синтезѣ, то разсудокъ начинаетъ ихъ развитіе и уясненіе *анализомъ;* къ тому же не въ состояніи будучи вмѣстить въ себѣ необъятное ихъ существо, онъ долженъ по необходимости раздроблять ихъ на части и эти части превращать, пересозидать по своимъ законамъ въ мысли, т. е. въ понятія, сужденія и умозаключенія, и разлагая *напр.* неопредѣленную идею *вселенной,* долженъ составлять понятія о гармоніи всѣхъ дѣйствій природы, о ея порядкѣ и пр., разлагая идею *души* составлять понятіе о простотѣ ея, самостоятельности, безсмертіи и т. п., а развивая идею *Бога,* добывать понятіе объ отдѣльныхъ Его совершенствахъ. Изъ этихъ умопонятій раз-

судокъ образуетъ *сужденія*. Такъ *напр.* умопонятіе о безсмертіи души онъ можетъ выразить въ слѣдующихъ формахъ сужденія: душѣ нельзя разрушиться, ни уничтожиться со смертію тѣла; душа будетъ жить вѣчно и пр. Наконецъ, въ-третьихъ, идеальныя сужденія, выраженныя въ формѣ всеобщихъ предложеній, разсудокъ поставляетъ главными посылками при составленіи умозаключеній. Такъ *напр.* слѣдующее предложеніе: «все въ мірѣ подвержено своимъ неизмѣняемымъ законамъ» можетъ служить главною посылкою при обсуживаніи частныхъ явленій въ природѣ.

Разсудокъ, разлагая идеи на отдѣльныя и отчетливыя мысли, сообщаетъ имъ вразумительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ унижаетъ ихъ сущность, ограничиваетъ безпредѣльную ихъ силу.

По разложеніи идей разсудокъ долженъ привесть ихъ въ порядокъ, и слѣд. употребить второй пріемъ своей дѣятельности, — *синтезъ*. Но при первомъ сличеніи идей съ обыкновенными понятіями открывается между ими противоположность, распаденіе. И во 1-хъ относительно идеи *Истиннаго* разсудокъ замѣчаетъ во внѣшнемъ мірѣ только ограниченные порядки явленій, а идея вселенной указываетъ на безпредѣльную ея цѣлость; разсудокъ усматриваетъ во внутреннемъ нашемъ мірѣ бытіе временное, мимолетное, а идея души напоминаетъ намъ о ея безсмертіи; разсудокъ познаетъ причины только зависимыя и условныя, а идея Бога извѣщаетъ насъ о бытіи безусловномъ. Во 2-хъ идея *Изящнаго* выражаетъ стройное, гармоническое раскрытіе вселенной съ ея вещественной и духовной стороны, но въ понятіяхъ разсудка представляется ея разнообразіе безъ единства, и потому недостатки частностей безъ совершенства въ цѣломъ; по требованіямъ разсудка красота должна выражаться въ конечной, опредѣленной формѣ, между тѣмъ, какъ по взгляду разума, безконечная красота должна быть чужда всякой формы. Наконецъ, въ 3-хъ, идея *Благаго* требуетъ осуществленія высшихъ цѣлей добра въ жизни физической природы и существъ разумныхъ, между тѣмъ, какъ по обыкновенному-взгляду на міръ въ немъ повсюду представляются несовершенства, представляется борьба добра и зла; по требованіямъ разума Богъ долженъ быть исключительнымъ, единственнымъ благомъ для человѣка, какъ существа нравственно-разумнаго, а разсудокъ между тѣмъ поставляетъ счастіе человѣка въ достиженіи конечныхъ цѣлей.

При такомъ распаденіи логическихъ понятій и чистыхъ идей разсудокъ то всегда остается въ этихъ,

неразрѣшимыхъ для него, противорѣчіяхъ — *антиноміяхъ* — и здѣсь корень Скептицисма; то, желая выйдти изъ лабиринта, вступаетъ на путь односторонній; или отвергаетъ сторону бытія идеальнаго и впадаетъ въ натурализмъ, матеріализмъ и пр., или же, наоборотъ, отвергаетъ дѣйствительность бытія чувственнаго, впадая въ раціонализмъ, спиритуализмъ, пантеизмъ и пр. — Между тѣмъ одно только есть средство примиренія понятій разсудка съ идеями разума; разсудокъ столько же долженъ признать реальность идей, какъ и своихъ собственныхъ созданій логическихъ, но въ то же время отказаться отъ окончательнаго суда въ познаніи міра сверхчувственнаго и подчинить себя разуму; тогда идеи сообщатъ полноту, гармонію и жизнь понятіямъ разсудка и изъ надлежащаго синтеза и соприкосновенія тѣхъ и другихъ разовьются *законъ*, *искусство* и *наука*. Законъ примиритъ свободу и необходимость, благополучіе и добродѣтель, какъ средство и цѣль; искусство сблизитъ конечное съ безпредѣльнымъ, какъ форму и содержаніе; наука сочетаетъ условное съ безусловнымъ, какъ дѣйствіе съ причиной.

АНТИПАТІЯ, (отъ греч. *αντὶ*, противъ, и *παθος*, ощущеніе, страсть) есть отвращеніе, питаемое однимъ живымъ существомъ къ другому. Оно а) не чуждо уже царству Помоны и Фауны, гдѣ обнаруживается у двухъ, близко растущихъ кустарниковъ и деревцевъ, изъ которыхъ одно, либо и оба, по причинѣ скуднаго, но тому и другому равно нужнаго, питанія, не только хилѣютъ и чахнутъ въ безплодіи, но и совершенно гибнутъ. Оно b) не рѣдко и у животныхъ, *напр.* у собакъ и кошекъ, у которыхъ явленіе это естествоиспытатели старались изъяснить изъ испареній, обоюдно противныхъ и нестерпимыхъ для одной и другой породы. c) У человѣка — это невольно возникающее въ душѣ отвращеніе къ какому-либо лицу тамъ, гдѣ мы отъ его наружности, которая намъ не нравится или не говоритъ въ его пользу, позволяемъ себѣ дѣлать заключенія объ его характерѣ. Такого рода антипатія дѣйствуетъ не только наподобіе вдохновенія, но и наподобіе демонскаго наваждения. Но есть другая, основывающаяся на опытахъ, какіе дѣлаетъ внимательный наблюдатель въ обращеніи своемъ съ людьми, и посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ навыкъ, возбуждать въ себѣ, при взглядѣ на человѣка, ощущенія болѣе вѣрныя, болѣе правильныя, руководствуясь законами правдоподобія. Чѣмъ чаще и встрѣчался извѣстный случай и сбывался; тѣмъ увѣрительнѣе онъ, по рас-

четамъ здраваго смысла, сбудется и на этотъ разъ. Душа дѣлается, какъ бы, видимою въ тѣлѣ. Страсти оставляютъ въ немъ извѣстные слѣды, которые выказываются противъ нашей воли, безъ нашего вѣдома, обличая господствующій образъ мыслей и дѣйствій человѣка. Если тутъ извѣстные наружные знаки замѣчены были нѣсколькократно, либо замѣчены въ соединеніи съ «постылою» для насъ натурой, особливо такою, которая не только поперечитъ рѣшительно нашимъ правиламъ, но и мѣшаетъ еще какъ-нибудь нашему благосостоянію; то сказанные знаки, при всякомъ новомъ появленіи, возбуждаютъ чувство антипатіи. — Отвращеніе къ животнымъ и неодушевленнымъ предметамъ происходитъ частію такимъ же самымъ образомъ и отъ такихъ же самыхъ причинъ, какъ и отвращеніе къ людямъ, частію же отъ извѣстныхъ свойствъ, *напр.* отъ испареній и т. п., которыя для иного тѣлосложенія, обыкновенно раздражительнаго и хилаго, несносны. Разсудокъ, время, терпѣніе и постепенная привычка во многихъ случаяхъ способствуютъ къ ослабленію и преодолѣнію подобныхъ антипатій, но нерѣдко тщетными остаются и всѣ средства, которыя должно вообще употреблять не иначе, какъ съ осторожностію, потому-что основанія иного враждебнаго нашего расположенія къ ближнему часто для насъ самихъ вовсе непостижимы, часто же мы можемъ предчувствовать ихъ развѣ въ смутныхъ гаданіяхъ.

АНТРОПОЛОГІЯ (отъ греч. *ανθρωπος*, человѣкъ и *λογος*, ученіе) имѣетъ своею задачей изучить и разгадать человѣка сколько въ существенномъ его устройствѣ, столько же и въ необходимыхъ его отношеніяхъ къ общему порядку вещей. Это

1) Ея *понятіе*.

Она не обязывается сообщать намъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ лицахъ, какъ они являются намъ въ связяхъ житейскихъ, являются въ своихъ поступкахъ, склонностяхъ, въ характерахъ. Это дѣло собственныхъ опытовъ каждаго. Она не вѣдается и съ нравами, обычаями и политическою судьбою народовъ, предоставляя все это дѣописаніямъ вообще и исторіи просвѣщенія въ особенности. Человѣкъ вообще, частію какъ отдѣльное существо, частію какъ родъ въ идеѣ человѣчества, — вотъ предметъ, которымъ занимается Антропологія, разсматривающая всестороннія его явленія въ царствѣ знакомыхъ намъ существъ, его наружный и внутренній составъ, многоразличіе и единство его существа, силы и законы его бытія, равно какъ и на-

правленія этихъ силъ къ разнымъ кругамъ дѣятельности, съ которыми онъ находится въ соприкосновеніи. Это общее

2) *Содержаніе*

Антропологіи. Самый естественный и приличный

3) *Методъ*

Для ея изысканій есть методъ чистыхъ наблюденій, что, очевидно, есть дѣло не однихъ здравыхъ чувствъ, а и дѣло тщательныхъ соображеній ума, которому должно наблюдать сколько въ чистотѣ, отстраняющей всѣ игры фантазіи, всѣ выученныя понятія школьныя, столько же и въ полномъ объемѣ явленій.

4) *Мѣсто*

Въ ряду физическихъ и моральныхъ наукъ предоставлено Человѣкоученію не только самое почетное, но и первое. Ключъ къ природѣ даютъ намъ чувства, ключъ къ таинствамъ духа даетъ сознаніе. Анализъ чувствъ и сознанія составляетъ существенное занятіе Антропологіи. Высочайшій предметъ природы, которую мы знаемъ, есть человѣкъ, высочайшій предметъ духа равномѣрно отыскиваемъ или встрѣчаемъ мы только въ своемъ сознаніи. Словомъ, и физика и философія утверждаются своимъ корнемъ въ Антропологіи. Но не человѣкъ ли опять и собственный предметъ исторіи, которая получаетъ свое значеніе и свою цѣну только отъ знакомства съ нашимъ существомъ, съ его расположеніями, силами и дарованіями, съ его назначеніемъ, проистекающимъ изъ внутреннихъ законовъ? Слѣд. Антропологія есть какъ бы фокусъ высочайшихъ стремленій человѣка на поприщѣ наукъ, которыя всѣ такъ точно и тяготѣютъ къ ней, какъ въ человѣкѣ, въ этомъ образѣ и подобіи Божіемъ на землѣ,— сходятся всѣ радіусы міросозданія.

5) *Важность*

Раздѣляетъ Антропологія со всякимъ такимъ занятіемъ, со всякимъ упражненіемъ, которое изъ вихря суетъ и развлеченій свѣтскихъ возвращаетъ человѣка къ самому себѣ, которое лелѣетъ благороднѣйшія его силы, указываетъ ему верховную цѣль его бытія, — раздѣляя свою важность съ возвышенною наукой вообще, съ искусствомъ. Не она ли знакомитъ насъ съ самими собой, съ органическимъ и духовнымъ нашимъ устройствомъ и, раскрывая пружины, двигающія нашъ составъ, заставляетъ удивляться въ немъ творческой премудрости? Не она ли, указывая сѣмя безконечнаго развитія во внутренней нашей экономіи, учитъ насъ уважать свое лице, бояться осквернять или расточать свои физическія и душевныя силы, учитъ обработывать данныя способности, облагорживать свое

существо, парить къ высокой цѣли обѣтованнаго намъ, неземнаго наслѣдія? Изъ понятія объ Антропологіи вытекаетъ уже и

6) Ея *раздѣленіе* — на двѣ части, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ условія, а другая отношенія человѣческаго бытія. Та занимается человѣкомъ, какъ отдѣльнымъ существомъ, а эта человѣкомъ, какъ родомъ или человѣчествомъ; та разсуждаетъ (въ *Психологіи* и *Соматологіи*) о составѣ тѣлесной и духовной жизни и многоразличныхъ явленіяхъ ея, — о полахъ, возрастахъ, темпераментахъ и расположеніяхъ; эта разсуждаетъ о направленіяхъ общаго человѣческаго бытія къ тремъ возможнымъ сторонамъ его дѣятельности, слѣдя то за отношеніемъ человѣчества къ природѣ, то за отношеніями его къ самому себѣ, то, наконецъ, за отношеніями его къ жизни божественной.

АНТРОПОМОРФИСМЪ (отъ того же слова и *μορφη*, фигура, ликъ, образъ, обличіе) есть представленіе божественнаго въ человѣческомъ видѣ, — представленіе, весьма естественное, потому-что человѣкъ, ничего въ живой природѣ не зная совершеннѣе себя самого, по невольной аналогіи переноситъ свой ликъ на божественное, какъ совершеннѣйшее существо, коль скоро хочетъ изобразить его въ чувственной формѣ. Тутъ-то открывается разгулъ-фантазіи для созданія прекраснѣйшихъ Юпитеровъ Олимпійскихъ, Аполлоновъ Ватиканскихъ, Веперъ Медицейскихъ, для созданія интересныхъ демоновъ и фей. Да; антропоморфическое баснословіе Грековъ чрезвычайно благопріятствовало ихъ художествамъ. Между тѣмъ этотъ способъ, представлять божественное, сдвали устоитъ предъ судомъ разума: безпредѣльное не дозволяетъ вмѣщать себя ни въ какія конечныя формы, которыя всѣ для него тѣсны и которыя оно безпадно сокрушаетъ, и разумъ долженъ во всей силѣ признать Моисееву заповѣдь: «не сотвори тебѣ кумира, ни всякаго подобія,» потому-что тутъ Богъ низвлекается въ область чувственнаго міра, изъ чего проистекаютъ многобожіе, идолопоклонство и вообще грубѣйшее суевѣріе. За всѣмъ тѣмъ нельзя же человѣку и представляющему себѣ божественное и объ немъ говорящему, не дѣлать того по-своему, по-человѣчески; не «человѣкъ ли мѣрилю для всѣхъ вещей?» Вотъ почему *утонченный* или *благородный* Антропоморфисмъ не безъ причины отличили отъ того *грубаго*, который Богу дѣйствительно присвоиваетъ и человѣческій образъ и страсти человѣческія, недостойныя ни величія, ни святости Его существа!

АПАТІЯ, см. *безстрастіе.*

АПАГОГИЧЕСКОЕ доказательство (отъ *απαγειν*, отводить, оттого *απαγογη*, отводъ, по-лат. deductio, еще же опредѣлительнѣе, deductio ad absurdum). Мы употребляемъ доводъ *апагогическій*, когда не подтверждаемъ прямо того, что должно быть доказано, а когда обращаемъ сперва мысль на противное тому положеніе, въ намѣреніи поставить на видъ его нелѣпость, а потомъ дѣлаемъ обратное заключеніе о справедливости того, что утверждаемъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ тою основною мыслію, что положеніе, ведущее къ нелѣпымъ, и потому ложнымъ слѣдствіямъ, удалено отъ истины на столько же градусовъ, на сколько антиподы отстоятъ другъ отъ друга. Но этотъ родъ доказательствъ легко употребляется софистами во зло, потому-что нелѣпость могла бы быть мнимою, а не явною ложью. Притомъ же изъ лживости одного сужденія не слѣдуетъ еще истина другаго, ему противоположнаго, развѣ контрастъ между ими такого рода, что одному изъ нихъ должно быть справедливымъ. Оттого *непрямые* доводы надобно употреблять съ большою осмотрительностію. Но нѣтъ сомнѣнія, что они противорѣчіе между однимъ сужденіемъ и другимъ представляютъ въ самомъ рѣзкомъ видѣ; за то положительные или непосредственные, прямые доводы и достовѣрнѣе ихъ и удовлетворительнѣе. Тѣ отвращаютъ наши заблужденія, а эти обогащаютъ насъ познаніями. (См. *доказательства*).

АПОДИКТИЧЕСКІЙ, ая, ое, (отъ *αποδειχνυμι*, указывать, доказывать). Логика называетъ *аподиктическимъ*, во 1-хъ, такое сужденіе, которое сопровождается чувствомъ его необходимости, что бываетъ всякій разъ, когда сужденіе надлежащимъ образомъ подтверждено; во 2-хъ, доказательство, противоположенное другому, которое на своей сторонѣ имѣетъ только силу вѣроятности. Слѣд. *аподиктическимъ вѣдѣніемъ* называется вообще вѣдѣніе несомнѣнное, въ высочайшей степени достовѣрное, неопровержимое, съ которымъ сопряжено сознаніе всеобщей, повсемѣстной и необходимой его значительности и силы, — такое, которому противнаго вы не можете себѣ и представить. Къ такому идеалу стремится всякая наука, особливо философія, но рѣдко достигаетъ его, а по мнѣнію скептиковъ, никогда его и не достигаетъ. Потому *Аподиктика* (какую напр. писалъ затѣйливый *Бутервекъ*) имѣла бы своей выспренней задачей утвердить непоколебимое вѣдѣніе, и тѣмъ доказать скептикамъ какъ бы на самомъ дѣлѣ, что вѣдѣніе этого

рода точно *есть*. — Одни философы и допускали его, но только допускали при наглядныхъ предметахъ (какъ въ математикѣ), другіе давали ему мѣсто и при всякихъ неоспоримыхъ мысляхъ. Наконецъ, Кантъ говоритъ и объ *аподиктической*, безусловной *заповѣди*, какъ о совокупности всѣхъ требованій строгой Морали или практическаго разума, которымъ всякій изъ насъ безпрекословно покоряться обязанъ.

АПОЛОГІЯ (отъ *ἀπό*, прочь и *λογος*, слово) есть такая рѣчь, которою мы отражаемъ мнимое обвиненіе, взводимое на насъ самихъ, либо на другаго. Такія рѣчи были писаны *Платономъ* и *Ксенофономъ* въ *защищеніе* ихъ наставника — Сократа, чтобы оправдать его по крайней мѣрѣ въ глазахъ потомства. Но *Апологъ* есть просто разсказъ, особливо замысловатый, которымъ общая какая-нибудь истина представляется въ чувственной формѣ. Таковы Езоповы басни, притчи Евангельскія, такова «пресловутая» сказка *Менения Агриппы*, которою онъ умѣлъ усмирить бунтъ Римской черни.

АПОТЕОЗЪ (отъ *ἀποθεουν*, боготворить, обожать) значитъ вообще превращеніе человѣческаго существа въ божеское. Какъ первое есть существо конечное, а это второе мы необходимо представляемъ себѣ безпредѣльнымъ; то подобное претвореніе можетъ очевидно быть только мнимымъ, мечтательнымъ. Но по ограниченнымъ взглядамъ древности, особливо языческой, которая чрезъ-мѣру расплодила и вочеловѣчила своихъ боговъ, всего естественнѣе было полагать, что и людей можно производить въ чинъ боговъ, — вѣрованіе, которому много способствовала благодарность, много способствовала и лесть. Но и это заблужденіе, подобно многимъ другимъ, все же имѣло своей основой какую-нибудь да истинную мысль, а именно ту, что божественное и человѣческое не вовсе чужды другъ другу, и что, слѣд. мужъ мудрый и доблестный, что благодѣтель своего рода уподобляется Богу. Оттого героямъ приписывали самимъ неземное происхожденіе; ихъ считали сынами Зевеса или полагали, что божественное въ нихъ отразилось. Тутъ ничего уже не было естественнѣе, какъ попасть на ту мысль, чтобы подобныхъ людей, обыкновенно по смерти ихъ, обоготворять, чтобы учреждать въ честь имъ игры и празднества, сооружать имъ алтари и храмы, приносить жертвы и моленія. Но превозносить человѣка такимъ образомъ не значитъ ли въ той же мѣрѣ ронять божественное? Странно, что древность оказывала божескія почести не только царямъ и могучимъ богатырямъ, но и по-

этамъ, *напр.* Гомеру, оказывала ихъ основателямъ вѣроисповѣданія, даже инымъ философамъ, *напр.* счастливцамъ *Пивагору* и *Платону*.

АППЕЛЛЯЦІЯ (отъ appellare, взывать) означаетъ обращеніе или воззваніе къ высшему судьѣ, если приговоръ низшаго неудовлетворителенъ, либо несправедливъ. Она предполагаетъ нѣсколько инстанцій, изъ которыхъ одна исправляетъ ошибки другой. — *Аппелляція* или воззваніе къ такъ называемому *здравому смыслу человѣческому* не въ дѣлахъ житейскихъ, гдѣ голосъ его весьма важенъ, а въ дѣлахъ науки, именно философіи, есть пустая формула, которою мы сознаемся, что никакихъ уже другихъ твердыхъ основаній или достаточныхъ причинъ представить не можемъ. *Аппелляція* или воззваніе къ *Богу* значитъ не иное что, какъ клятвенное увѣреніе въ нашей невинности, тамъ, гдѣ она ни на одномъ судѣ человѣческомъ не признана.

А-ПОСТЕРІОРИ, А-ПРІОРИ, (по латинск. слово-производству, сзади и спереди) суть техническія рѣченія въ философіи, относящіяся къ ученію о происхожденіи человѣческихъ представленій и познаній. Тѣ изъ нихъ, которыя слывутъ заимствованными изъ опыта, называются мыслями *а-постеріори*, потому-что слѣдуютъ за наблюденіями, а другія, о которыхъ полагаютъ, что умъ человѣческій развиваетъ ихъ самъ изъ себя, независимо отъ опыта, называются представленіями и познаніями *а-пріори*, потому-что они предшествуютъ наблюденію и его, какъ бы, предвосхищаютъ. Первыя называются и *эмпирическими*, а вторыя *чистыми* или *трансцендентальными*. Что мы въ состояніи не только представлять себѣ что-нибудь *а-пріори*, но и дѣйствительно познавать, — это доказывается необходимою всеобщностію и повсемѣстною годностію иныхъ мыслей. Но и тутъ умъ нашъ все же не иначе, какъ опытомъ долженъ быть возбуждаемъ къ дѣятельности, которою ихъ пораждаетъ, и слѣд. такія созданія его не могутъ считаться за чуждое ему, или сознанію его навязанное, а тѣмъ менѣе за врожденное достояніе.

АРАБЕСКИ (*Морески, Гротески*) — особеннаго рода украшенія въ изобразительныхъ искусствахъ, названныя такъ Французами отъ Арабовъ, Мавровъ, Сарацынъ, которымъ исламизмъ, какъ извѣстно, запрещалъ изображать людей и животныхъ, чтобы удалить самую тѣнь идолопоклонства, и которые, вѣроятно, въ подражаніе Египетскимъ іероглифамъ, употребляли на прикрасу плоской поверхности своихъ домовъ, стѣнъ, карнизовъ, потолковъ, утварей, — то рисованныя,

то рѣзныя, то лѣпныя или *обронныя* растенія и деревья съ ихъ стволами, вѣтвями, листьями, цвѣтами и плодами, осмѣливаясь иногда вовлекать даже солнце, луну и звѣзды въ свой циклъ художественный. Римляне, менѣе стѣсняемые своимъ вѣроисповѣданіемъ, прибавили къ тому и фигуры геніевъ, людей, животныхъ, но въ самомъ фантастическомъ, самомъ страшномъ сочетаніи разнороднѣйшихъ предметовъ. Это видно на ихъ картинахъ, которыя открыты сперва въ древнихъ подземельяхъ или пещерахъ (въ *гротахъ*) между развалинами Титовыхъ купалень въ Римѣ, а послѣ въ Геркуланумѣ и Помпеѣ. Онѣ и прослыли *Гротесками,* нашли себѣ вскорѣ удивительныхъ подражателей въ лицѣ самихъ *Рафаелей,* далеко превзошедшихъ свои образцы, и съ тѣхъ поръ такъ полюбились нашему романтическому вѣку, что мы встрѣчаемъ нынѣ затѣйливые и милые *Арабески* на коврахъ, салфеткахъ, подушкахъ Гобеленевыхъ фабрикъ и въ пяльцахъ дорогихъ нашихъ рукодѣльницъ, такъ-что видимъ и слышимъ уморительные *гротески* въ танцахъ, въ музыкѣ, въ драматическихъ пьесахъ. — Эстетика допускаетъ эти свободныя игры фантазіи, а) если только онѣ изображаютъ что-нибудь характеристическое, если b) не чрезъчуръ уже пестры, уродливы, безобразно вычурны и если, наконецъ, с) гармонируютъ съ цѣлымъ художественнымъ произведеніемъ, которому должны служить каймою или прикрасой.

АРГУМЕНТЪ. См. доказательство.

АРИСТОКРАТІЯ (по греч. словопроизводству *αριστος,* лучшій, и *κρατειν,* управлять, владѣть, господствовать). Такъ называется правленіе отличнѣйшихъ, превосходныхъ, самыхъ доблестныхъ мужей. Но это лестное и почетное названіе, первоначально присвоенное образованнымъ и достаточнымъ гражданамъ, вскорѣ утратило свое нравственное значеніе, удержавъ за собою одинъ политическій характеръ, т. е. характеръ только правленія *немногихъ,* именно богатыхъ вельможъ, которыхъ вездѣ считаютъ десятками, а не сотнями. — Когда верховная власть не въ рукахъ Самодержавія, тогда она раздѣлена между свободными, разумѣется взрослыми, мужчинами, которыхъ число бываетъ либо болѣе, либо гораздо менѣе половины всего народонаселенія. Въ послѣднемъ случаѣ правленіе называется *Аристократіей,* въ первомъ Демократіей. Но слово *Аристократія* часто употребляется для означенія не образа правленія, а только извѣстнаго класса лицъ, или политической партіи, играющей важную

роль въ государствахъ всякаго рода. — — —

АРТИСТЪ (отъ лат. ars, artis, ремесло, искусство, художество). Къ тѣмъ совершенствамъ, какихъ мы, по идеѣ изящнаго искусства, требуемъ отъ его произведеній, долженъ *Артистъ* имѣть способность, — дивный даръ, изображать совершенную и полную жизнь въ равновѣсіи духовной и чувственной ея стороны, въ сліяніи мысли и ея формы. Потому высочайшія дѣйствія души, особливо тѣ, посредствомъ которыхъ мы способны и пораждать въ себѣ идеи и представлять ихъ въ наглядныхъ символахъ, — разумъ и фантазія, оживляемые и любовію и глубокимъ чувствомъ, должны тутъ въ неразрывной связи обнаруживаться съ такою силою, чтобы внутренняя жизнь, прямо человѣческая, легко находила приличное свое выраженіе, занимательная мысль — соотвѣтственную одежду. Подобное свойство души, котораго господствующимъ органомъ должна быть фантазія, возбужденная чувствомъ Безконечнаго, — подобная счастливая гармонія выспреннихъ силъ духа есть дѣло не одной свободы, не одного трудолюбія и напряженій; она не достигается и ясными познаніями. Оригинальный характеръ художественнаго произведенія предполагаетъ самородное творчество въ Артистѣ, — *геніальность*, которая ему врожденна, какъ расположеніе, и которой свобода даетъ развитіе или образованіе, (см. *геній*). — Виды, степени и направленія свободнаго творчества — въ Ваятелѣ и Поэтѣ, въ Живописцѣ и Музыкантѣ, въ Актерѣ и Зодчемъ — безконечно многоразличны. Но, какъ всякому Артисту, по силѣ господствующей въ немъ идеальной фантазіи, свойственны особенные восторженные взгляды, которые показываютъ ему самую значительную сторону вещей въ природѣ и въ жизни человѣческой и посредствомъ которыхъ онъ созидаетъ въ мысляхъ новый міръ, либо облагораживаетъ данный до совершенства идей; то и самое настроеніе внутренняго чувства, въ которомъ возникаетъ совершенное или изящное издѣліе искусства, есть всегда *вдохновенное* (см. *вдохновеніе*). Въ этомъ поэтическомъ состояніи проявляется намъ высшая, отличная, благодѣтельнымъ какимъ-то демономъ возбужденная натура Артиста въ томъ, что онъ творитъ почти по инстинкту, по какой-то необходимости, при которой совершенно исчезаютъ всякіе виды на внѣшнія отношенія, на свое собственное лице, исчезаетъ всякое одностороннее размышленіе, хотя все еще сохраняется трезвенность высшаго рода и постоянное вниманіе къ сво-

*

ему идеалу. Этого мало: онъ творитъ — въ часы божественныхъ явленій — нѣчто такое, что внутреннимъ своимъ значеніемъ можетъ смѣло противопоставлять себя всякому отдѣльному произведенію природы, какъ непосредственный отпечатокъ идеи, оплодотворяющей его душу. Въ этой-то рѣдкой гармоніи, сознающей и слѣпой, невольной дѣятельности, съ какою Артистъ исполняетъ на дѣлѣ законъ, не заботясь объ немъ, — представляетъ намъ идеалы, не сознавая идеи въ отдѣльности или независимо отъ ея образа, — въ этомъ состоитъ дивное, неразгаданное существо генія, а не менѣе и въ таинственномъ, глубокомъ его развитіи, не менѣе и въ тѣхъ быстрыхъ, раннихъ его проявленіяхъ, за которыми невозможно слѣдить ни намъ, ни ему самому. Но геніальность Артиста заключаетъ въ себѣ и счастливую внѣшнюю организацію, именно тѣхъ чувствъ, которыми мы схватываемъ и изображаемъ совершенныя формы явленій, къ предметамъ которыхъ относится фантазія, заимствуя отъ нихъ, какъ бы, элементы или основу своихъ созданій въ цвѣтахъ и словахъ, въ тѣлахъ и звукахъ; за тѣмъ Артисту нужны и нѣкоторые пріобрѣтенные, хотя природою уже облегчаемые ему, технические навыки, — нужны упражненія въ наблюденіи природы и жизни и въ употребленіи особенныхъ средствъ къ изображенію поэтическихъ мыслей; вотъ, однакожъ, и все, чему только можно *научиться* въ искусствѣ! Этими навыками и познаніями овладѣваетъ геніальный умъ при осуществленіи своихъ прекрасныхъ призраковъ и употребляетъ ихъ свободно, однакожъ все сообразно съ возвышенною цѣлью — представить себѣ и намъ предъ глаза то, что успѣлъ совершить въ рабочей храминѣ досужаго своего творчества. — Артистъ-механикъ или ремесленникъ не имѣетъ ничего, кромѣ этихъ только навыковъ; Артистъ-*щеголь* слѣдуетъ лишь признанному правилу, но не внутреннему влеченію; Артистъ только съ талантомъ производитъ блестящія частности, отрывки, но не цѣлое; онъ легко и удачно, даже оригинально и въ новыхъ видахъ умѣетъ слагать данное; но полная, богатая, могучая сила, которая движется и торжествуетъ въ произведеніяхъ самобытныхъ, органическихъ, образцовыхъ, безсмертныхъ, — эту божественную силу мы видимъ только въ Артистѣ-геніѣ. (См. *искусство*).

АРХЕЙ (отъ греч. *αρχαιος, αρχειος*), собственно значитъ старый, древній, ветхій. По другому словопроизводству — отъ *αρχη* — значитъ начало, источникъ жизни, душу міра, — господствующій духъ

(spiritus rector). Но это словоупотребленіе перешло къ намъ отъ Алхимиковъ и Каббалистиковъ, которые ревностно старались уловить Архея, т. е. отыскать коренное вещество, посредствомъ котораго можно было бы все производить, все превращать. Но у Фан-Гельмонта и Парацельса Архей имѣетъ *тѣсное* значеніе гнѣздящагося въ желудкѣ демона, который причиняетъ всѣ перемѣны въ организмѣ, распоряжаетъ всѣми его отправленіями, исцѣляетъ болѣзни и пр. — словомъ, имѣетъ значеніе жизненной силы. Каждая отдѣльная часть тѣла имѣетъ еще, по ихъ мнѣнію, собственнаго своего удѣльнаго Архея, т. е. особенную свою основу бытія и дѣятельности.

АРХИТЕКТОНИКА (отъ греч. *ἀρχιτεκτονειν*, строить, созидать, сооружать) собственно значитъ зодчество, Архитектуру. А какъ зодчій сперва начертываетъ планъ, по которому послѣ и выводитъ строеніе, то подобно ему поступаетъ и мыслитель при сооруженіи *системы*, которая, какъ и всякое другое зданіе, состоитъ частію изъ *матеріи*, или, что все равно, изъ запаса потребныхъ свѣдѣній, частію изъ той *формы*, въ которую облекаетъ ее мудрый зиждитель. Но въ существѣ не составляютъ ли одного связнаго цѣлаго всѣ наши познанія, постепенно распространяющіяся и пріобрѣтаемыя, которыя впослѣдствіи и распредѣляетъ именно *Архитектоника* на малые округи или отдѣлы, для удобнѣйшаго обозрѣнія и обработанія каждаго изъ нихъ и которыя содержатся какъ тѣсно связанныя части общей имъ науки? Это подчиненіе частей единству цѣлаго производится посредствомъ такой классификаціи, которая — въ общемъ чертежѣ — указываетъ каждой изъ нихъ приличное мѣсто въ системѣ познаній вообще, изъ чего потомъ оказывается и отношеніе каждой къ прочимъ наукамъ, какъ частямъ той же самой системы.

Разность классификацій зависитъ въ наукахъ отъ избираемыхъ вами точекъ зрѣнія, или зависитъ отъ того, обращаете ли вы свое вниманіе на предметъ, либо на источникъ познанія, — на отношеніе ли наукъ къ разнымъ цѣлямъ нашей дѣятельности, или на зависимость ихъ отъ внѣшней власти. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ *напр.* о *наукахъ словесныхъ* и *существенныхъ* или *реальныхъ*, во второмъ объ *опытныхъ* и *разумныхъ*, въ третьемъ о *теоретическихъ* и *практическихъ*, или объ *умозрительныхъ* и *прикладныхъ*, въ четвертомъ о *естественныхъ* и *положительныхъ*, или *свободныхъ* и *связанныхъ*. Итакъ, въ сказанныхъ точкахъ зрѣнія содержатся начала

или основанія логическихъ раздѣленій. Но одного какого-нибудь изъ началъ сего рода никогда не будетъ достаточно для такой полной классификаціи, въ которой всякая отрасль познанія, мало-по-малу отдѣлившаяся отъ прочихъ, получившая особенное обработаніе и возникшая въ видѣ особенной науки, находила бы приличное мѣсто, либо на ряду съ другими, либо имъ подчиненное. Вотъ почему надобно разныя начала раздѣленія искусно смѣшивать между собою, наблюдая притомъ, чтобы близкія или однородныя части не слишкомъ уже широко были раздвигаемы. Такъ только происходитъ *архитектоническая система наукъ*, разсматриваніе которой доставляетъ уму человѣческому такое же почти наслажденіе, какое мы имѣемъ, разсматривая съ холма обширную, населенную и благоустроенную страну, причемъ легко открываемъ и такія мѣста, которыя преимущественно нуждаются еще въ воздѣланіи, болѣе тщательномъ.

АРХИТЕКТУРА. См. *Зодчество.*

АСКЕТИКА или АСЦЕТИКА (отъ *ασκησις*, упражненіе) есть та прикладная часть философическаго и христіанскаго правоученія, которая разсуждаетъ о *средствахъ достигать добродѣтели* удаленіемъ препятствій на пути къ ней и образованіемъ нравственнаго чувства и характера, а это и возможно лишь тогда, когда мы не только въ благочестивыхъ размышленіяхъ, но и въ благихъ начинаніяхъ и подвигахъ *упражняемся*, потому-что и къ нравственности человѣкъ имѣетъ только расположеніе, которое, подобно всякому другому, нуждается въ развитіи и воспитаніи, но которому мѣшаютъ преимущественно извнутри чувственныя побужденія и склонности человѣка и возникающія изъ нихъ страсти. Итакъ, страсти должно прежде всего укрощать, дабы человѣкъ могъ получить господство надъ самимъ собой, что Пиѳагорейцы называли *очищеніемъ сердца* или *обузданіемъ* природы и что преимущественно имѣла цѣлію введенная въ ихъ школѣ дисциплина. Но *изувѣрная аскетика* не удовольствовалась обузданіемъ природы; она требовала, чтобы человѣкъ *истребилъ* ее совершенно — умышленными изнуреніями, насильственными лишеніями, чтобы подавилъ въ себѣ всѣ, какъ естественныя такъ и общежительныя побужденія и склонности, невинныя и благотворныя. Но какъ это и невозможно и для разумныхъ цѣлей бытія не нужно, то добродѣтели *Браминовъ*, *Гимнософистовъ*, *Талапойновъ*, *Бонзовъ*, *Терапевтовъ*, *Дервишей* суть только мнимыя совершенства нравственныя.

АСТРАЛЬНЫЙ МІРЪ (отъ *αστρον* или astrum, звѣзда) есть звѣздное небо, которое иные Θеософы различаютъ подъ названіемъ втораго неба отъ перваго, т. е. отъ атмосферы съ ея облаками и воздушными жителями, и отъ третьяго, простирающагося позади, объ-онъ-полъ звѣздъ, гдѣ престолъ Всевышняго. Но какъ сама земля наша съ ея атмосферой есть также небесное свѣтило или находится посреди звѣзднаго неба, и какъ Богъ не можетъ имѣть никакого опредѣленнаго мѣстопребыванія ни въ мірѣ, ни внѣ его; то астральный міръ съ его огненными духами есть не иное что, какъ самая, изъ безчисленныхъ міровыхъ тѣлъ состоящая, вселенная, о которой никто не знаетъ, имѣетъ *ли* и *гдѣ* имѣетъ она свои границы. (См. *земля, небо, міръ*).

АСТРОЛОГІЯ (отъ *αστρον* или astrum, звѣзда и *λογος*, ученіе) и *Астрономія* (отъ того же слова и *νομος*, законъ) первоначально значили одно и тоже, — звѣздовѣдѣніе, звѣздословіе, потому-что древнѣйшіе Астрономы были вмѣстѣ и звѣздочеты и наоборотъ. Съ наблюденіями и съ пріобрѣтенными посредствомъ ихъ познаніями о свѣтилахъ небесныхъ соединяли мнимую науку или мнимое искусство толковать по звѣздамъ. Гораздо позже первая отдѣлилась подъ именемъ Астрономіи отъ второй, которой присвоено названіе Астрологіи. Итакъ, что касается

1) до *Астрономіи*, то хотя нынѣ она причисляется частію къ математическимъ, частію къ физическимъ наукамъ, однакожъ у древнихъ входила въ составъ и философіи, потому-что философы въ космологическихъ своихъ умозрѣніяхъ находили весьма естественный поводъ, знакомиться короче съ дивными созданіями твердн, преимущественно, однакожъ, занимаясь физическою частію Астрономіи, потому-что математическая требуетъ огромныхъ выкладокъ и измѣреній, требуетъ продолжительныхъ и точныхъ наблюденій, и слѣд. мало даетъ простора умозрѣніямъ. Но потому-то философы эти выставляли касательно звѣзднаго неба или совокупнаго мірозданія гипотезы, сплошь нелѣпыя и смѣшныя. Ибо нынѣ Астрономія, при помощи высшаго анализа, до того распространена и усовершенствована, что получила первенство почти предъ всѣми другими науками. Но не смотря на то, что она въ одномъ отношеніи есть самая выспренняя наука, открывающая намъ виды въ бездну міровъ, она съ другой стороны есть и самая уничижительная для человѣческой гордости, показывающая намъ ничтожность нашего мѣстожительства и неизмѣримую

глубину нашего невѣдѣнія. Къ тому-жъ она отнюдь и не удовлетворяетъ человѣческаго ума вразсужденіи самоважнѣйшихъ задачъ, касающихся нашего бытія и назначенія; она, много уже, даетъ намъ предчувствовать, что, кромѣ видимаго, есть что-то невидимое, но можетъ того, кто совершенно предался исчисленіямъ и измѣреніямъ чувственнаго міра, легко вести и къ невѣрію, какъ это и случилось съ знаменитымъ *Лаландомъ*. Посему отъ подобныхъ заблужденій можетъ предохранить человѣка только философія, изслѣдывающая глубины самаго духа человѣческаго. Но она предохраняетъ и отъ другаго заблужденія, которому одолжена своимъ происхожденіемъ

2) *Астрологія*, потому-что эта мнимая наука или это мнимое искусство основывается на такомъ началоположеніи, которое само по себѣ справедливо, но которое дѣлается ложнымъ въ толкахъ того, кто непомѣрно его расширяетъ и неумѣстно прилагаетъ. Это началоположеніе гласитъ: всѣ вещи въ мірѣ состоятъ между собою въ естественной связи, а слѣд. и небо и земля. Небесныя и земныя вещи (заключаютъ тутъ далѣе) состоятъ въ такой симпатіи, что перемѣны первыхъ прообразуютъ перемѣны вторыхъ, и что слѣд. можно напередъ узнать и предсказать не только будущія происшествія на нашей планетѣ вообще, *напр.* погоду, урожай и т. п., но и самую судьбу людей, если только тѣ перемѣны толковать умѣемъ. Положимъ, *напр.* что двѣ планеты въ то время, когда человѣкъ родится, вступаютъ въ оппозицію, либо конъюнкцію — созвѣздіе это значитъ, что родившійся подъ нимъ человѣкъ будетъ имѣть такую-то или такую-то судьбу. Но подобное заключеніе слишкомъ опрометчиво, потому-что судьба людей зависитъ отъ тысячи гораздо ближайшихъ причинъ и даже состоитъ подъ вліяніемъ свободы отдѣльнаго лица и другихъ, съ которыми оно связано (родственниковъ, наставниковъ и воспитателей, друзей и враговъ цѣлаго общества, государства, церкви и пр.). Еслибы это было не такъ, то всѣ, подъ извѣстнымъ созвѣздіемъ родившіеся должныбъ были имѣть одинаковую участь, чему, однакожъ, противорѣчитъ опытъ. Къ тому-жъ астрологи, при истолкованіи разныхъ созвѣздій, позволяютъ себѣ столь произвольныя умоположенія, что наука ихъ кажется намъ гораздо еще вздорнѣе всѣхъ теорій мірозданія, выдуманныхъ древними философами — естествоиспытателями, не говоря уже о томъ, что она ведетъ къ ученію о предопредѣленіи, а съ тѣмъ и къ бездѣйствію. За всѣмъ тѣмъ покушались-было

въ новѣйшія времена пустить опять въ ходъ и эти старыя бредни; но врядъ ли удастся, потому-что самая нынѣшняя Астрономія дѣйствуетъ въ подрывъ Астрологіи.— Можно также сказать, что астрологъ хочетъ по настоящему читать земныя вещи въ книгѣ неба, исписанной звѣздами. Жаль только, что тѣ письмена суть іероглифы, къ которымъ ключа никто еще не нашелъ. — Но *Астрологіей обратною* можно было бы назвать затѣи тѣхъ, которые хотѣли изъ земнаго быта вещей угадать состояніе вещей на небѣ. Въ этихъ затѣяхъ видно еще болѣе дерзости, потому-что здѣсь опорою могутъ служить только крайне отдаленныя аналогіи.

АТОМЪ, *Атомистика. Атомъ* (отъ греч. *τομη*, дѣленіе, и *α*, отриц. част.) есть что-то нераздѣльное вообще. Но слово это имѣетъ еще въ особенности двоякій смыслъ: оно значитъ 1) *отдѣльную вещь*, которая хотя можетъ быть раздѣлена, но которая тутъ перестаетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ была, какъ это *напр.* бываетъ тогда, когда мы разлагаемъ животное тѣло; слѣд. она въ томъ только смыслѣ нераздѣлима, что ей надлежитъ оставаться тою же самою вещію; оттого она по-латинѣ называется individuum. 2) *Основное тѣло*, или *стихійное существо*, которое конечно само по себѣ можетъ имѣть части, но части столь крѣпко связанныя, что никакая другая сила не можетъ этой связи одолѣть, слѣд. не можетъ и разложить вещь на части, а съ тѣмъ и разрушить ее. Слѣд. она хотя не безусловно, однакожъ относительно проста, потому-что болѣе простаго ничего нѣтъ и что все прочее изъ нея сложено. — *Атомистика*, (отъ предыдущ.) или, что все равно, механическая теорія природы полагаетъ, что *данное* основное начало вещей, — матерія, въ пространствѣ протяженная и его наполняющая, состоитъ изъ безконечнаго множества *атомовъ*, которые движутся въ разныхъ направленіяхъ и съ разными степенями скорости, и либо совершенно одинаковы, либо разнокачественны. — Но могутъ ли Атомы, какъ все еще части цѣлаго, какъ все еще, по своему понятію, тѣла сложныя и дѣлимыя, быть первыми началами и потому способствовать къ изъясненію природы? Если они однородны, то это изъясненіе невозможно потому уже, что трудно понять, какимъ образомъ изъ неодинаковаго внѣшняго вида и неодинаковаго движенія могутъ происходить качества, ощутительно разныя; но допустимъ и разныя качества въ атомахъ, — механическій философъ все же не въ состояніи объяснить образованіе отдѣльныхъ тѣлесныхъ фигуръ. Онъ

говоритъ: «атомы, движущіеся въ разныхъ направленіяхъ другъ близъ друга и другъ около друга, слипаются или сцѣпляются между собою, по причинѣ ихъ разныхъ формъ.» Но можетъ ли онъ въ своихъ началахъ показать причины, почему эти атомы движутся другъ близъ друга, сцѣпляясь между собою такъ именно, а не иначе? Слѣд. у него происхожденіе отдѣльной фигуры есть чисто дѣло *случая*. Этого мало: ему трудно дать отчетъ даже и въ томъ, что атомы движутся, потому-что въ его понятіяхъ всякое движеніе есть только механическое, только слѣдствіе толчка, механически же происходитъ толчокъ опять отъ другаго толчка въ безконечность, слѣд. движеніе такое не имѣетъ въ себѣ исходной или *начальной* точки. А правильность въ образованіи различныхъ фигуръ? Для этого требовалось бы, чтобы извѣстные атомы всегда и вездѣ одинаково двигались и другъ къ другу прилипали. Наконецъ, какъ у атомиста безконечное множество началъ природы, но нѣтъ начала единства; то по его теоріи непонятно, какимъ образомъ природа являетъ собою не просто машину, снабженную только движущею силою, а *одно* связное, стройное цѣлое, — живое, органическое существо, въ которомъ развитіе совершается извнутри по однообразному закону, тогда, какъ въ Атомистикѣ все-только наружная связь, все-только механисмъ.

Итакъ, если механическій философъ не можетъ изъ своихъ началъ построить внѣшній міръ, особливо потому-что въ его теоріи нѣтъ *начала* движенія, нѣтъ основанія *правильности*, нѣтъ *единства* и *жизни*; то неудивительно, если другіе философы, сверхъ матеріяльнаго начала, приняли еще, для изъясненія природы, начало невещественное, простое, и это послѣднее, *безусловное* начало есть *живая сила*, которая *динамическими* своими дѣйствіями притягиванія и отталкиванія зиждетъ и сохраняетъ самую матерію съ ея атомами, какъ производными и условными началами явленій.

АТТИТЮДЫ, см. *Мимика*.

АТТРИБУТЪ (отъ лат. attribuere, — butum, придавать, присвоивать, приписывать) а) въ самомъ общемъ смыслѣ = всякое, особливо почетное свойство или титло, кому-либо приписываемое; b) въ логикѣ и по строгому философскому словоупотребленію *атрибутами* или принадлежностями называются такіе признаки, которые, какъ слѣдствія признаковъ *существенныхъ*, всегда приличествуютъ понятію; такъ *напр.* сказуемое «движимость» присвоивается

понятію человѣка, какъ слѣдствіе его существеннаго признака — животнаго тѣла; с) въ изобразительныхъ искусствахъ, особливо въ Ваяніи родъ символа, которымъ означается предметъ или понятіе и притомъ *придаточный*, дополнительный символъ, т. е. такой предметъ, который, какъ знакъ понятія или историческаго обстоятельства, связывается съ фигурою на тотъ конецъ, чтобы этою связью совершенно выразить ея значеніе или облегчить ея уразумѣніе. Но употребленіе аттрибутовъ въ изобразительномъ искусствѣ и необходимость ихъ основывается на ограниченности его какъ касательно выраженія духовныхъ свойствъ и понятій, особливо тамъ, гдѣ надлежитъ не представить ихъ въ видѣ *свойствъ*, а олицетворить, такъ и въ изображеніи и обозначеніи индивидуальныхъ обстоятельствъ и историческихъ фактовъ, которые сами по себѣ къ видимому изображенію неспособны. Ибо знаки изображенія, употребляемые Пластикой, сами уже по себѣ слишкомъ индивидуальны, чтобы означать что-либо духовное или общее и слѣд. не такъ понятны и опредѣлительны, какъ слова въ Поэзіи, которая, потому, имѣя способы прямо и вполнѣ высказать все то, на что прочія пластическія искусства только намѣкаютъ, ни въ какихъ дополнительныхъ символахъ не нуждается. Чтожъ касается до этихъ внѣшнихъ средствъ, служащихъ къ изъясненію смысла фигуръ, т. е. до самыхъ аттрибутовъ, то они бываютъ 1) *существенные*, когда имѣютъ внутреннюю необходимую связь или дѣйствительное сходство съ означаемымъ понятіемъ и, либо по себѣ взимаемые, указываютъ уже на что-то, между собою связанное, (*напр.* пчела на трудолюбіе, макъ на сонъ), либо, сліянные съ фигурой въ одно цѣлое, сообщаютъ ей такое именно значеніе, какое ей получить надлежитъ (когда *напр.* змѣиные волоса придаются фуріямъ, крылья геніямъ, сосцы Изидѣ); такія сокращенныя выраженія смысла пластическихъ созданій и сильны и общепонятны; 2) *случайные, произвольные, условные*, когда они на историческомъ какомъ-нибудь основаніи, или по извѣстному соглашенію — не многихъ — присвоены фигурамъ, какъ *напр.* якорь надеждѣ, сова Минервѣ. Въ выборѣ тѣхъ и другихъ аттрибутовъ художники сплошь зависятъ болѣе или менѣе отъ вкуса и характера своей націи, получая отъ нея сумму обрядовыхъ символовъ уже въ ея языкѣ, въ религіи, въ поэзіи, которые они принуждены бываютъ употреблять для точнѣйшаго изъясненія своихъ фигуръ, по причинѣ всеобщей ихъ вразумительности, и даже предпо-

читать собственнымъ своимъ изобрѣтеніямъ, слѣд. самая большая часть аттрибутовъ тутъ въ извѣстномъ смыслѣ условная. Посему гораздо счастливѣе тотъ художникъ, котораго нація въ выборѣ своихъ символовъ легко и вѣрно подмѣчаетъ внутреннюю связь вещей, именно же внутреннее сходство и сродство духовныхъ и чувственныхъ предметовъ; его аттрибуты будутъ значительнѣе. Но въ этомъ отношеніи между изображеніями древняго и новаго искусства важная разница. Первое, именно искусство Грековъ, имѣющее своею основой наглядный образъ мыслей, который въ чувственномъ находилъ и представлялъ духовное, и въ живой, тѣснѣйшей связи съ природою очень хорошо постигалъ глубокій смыслъ ея (отъ чего и созданія его получали призракъ необходимаго и наивнаго), — искусство Грековъ и въ аттрибутахъ своихъ естественно, сильно, значительно; новѣйшіе же, которыхъ взгляды основываются болѣе на соображеніяхъ смысла, рѣзко отдѣляющихъ духовное отъ тѣлеснаго и слѣд. имѣютъ менѣе поэтической стороны, которыхъ потому и самое искусство въ существѣ болѣе духовное, а съ тѣмъ и болѣе аллегорическое, принуждены бываютъ, для духовнаго этого начала, искать символа во всѣхъ сферахъ и чаще прибѣгаться условному, по большей части многозначашему и холодному. Греческій и Римскій художникъ, котораго фигуры сами уже по себѣ были такъ индивидуальны и непосредственно выразительны, имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи и для изъясненія ихъ множество значительныхъ и красивыхъ аттрибутовъ, освященныхъ ему его религіей и заповѣданныхъ ему его миѳологіей. Истинное искусство весьма осторожно поступаетъ съ придаточными символами, и по крайней мѣрѣ, никогда не употребляетъ ихъ на то, чтобы посредствомъ ихъ только угадывать настоящее значеніе первенствующей фигуры, которой, напротивъ, слѣдуетъ всегда самой возвѣщать или высказывать свой *характеръ*, сколько то возможно посредствомъ постановки, физіономіи, строенія тѣла, особливо же посредствомъ жестовъ и минъ. Не молнія и перунъ, а величественная осанка и благородно-негодующій взоръ отличаютъ Фидіева Зевеса. Итакъ, пускай аттрибуты не играютъ самостоятельныхъ ролей, развѣ видимое изображеніе было бы скучно, пошло, либо оскорбляло эстетическое чувство зрителя, либо видимое дѣйствіе не изъяснялось бы еще само собою; во всѣхъ другихъ случаяхъ пускай дополнительные символы употребляются только какъ прикрасы, какъ подобныя ве-

щи, но и тутъ надобно наблюдать, чтобы въ выборѣ ихъ видны были замысловатость и вкусъ, чтобы они отличались ясностію и безпзысканностію и чтобы состояли съ главнымъ образомъ въ надлежащей гармоніи, сообщая тѣмъ художественному произведенію необходимое для него *единство*.

АФОРИСТИЧЕСКІЙ, АФОРИСМЫ (отъ греч. *αφορίξειν*, отлучать, отдѣлять, отрывать, отторгать). *Аформстическимъ* называется преподаваніе въ краткихъ положеніяхъ, которыя, по крайней мѣрѣ на взглядъ, не имѣютъ тѣсной внутренней связи, а потому и сами получаютъ значеніе *афоризмовъ*, выражающихъ немногими словами многое. Этотъ способъ преподаванія называютъ и *отрывистымъ*, *разрывчатымъ* или *рапсодическимъ*, въ противоположность *связному* или *плавному*. Если цѣлая наука излагается въ афоризмахъ, то и они должны состоять въ тѣсной связи, и тутъ рѣченіе это значитъ не иное что, какъ параграфы учебной книги. — Впрочемъ, афоризмы часто употребляются и для прикрытія неспособности, либо лѣни, именно тѣмъ, кто или не можетъ, или не хочетъ мыслить связно. Та рыхлая форма, какъ думаютъ, придаетъ его преподаванію видъ геніальности.

Б.

БАЛОВСТВО имѣетъ мѣсто по большей части при воспитаніи дѣтей, когда съ ними обходятся слишкомъ нѣжно, когда чрезъ-чуръ уже заботливо остерегаютъ ихъ отъ напряженій, простудъ, разгорячепій и опасностей всякаго рода, когда любятъ ихъ съ тою обезьянскою горячностію, которая душитъ ихъ непомѣрными ласками, потворствуетъ самымъ глупымъ затѣямъ, снисходятъ ко всякимъ слабостямъ и проказамъ и даже упреждаютъ малѣйшія ихъ желанія, чѣмъ самымъ такъ портитъ ихъ, что они дѣлаются хилыми, либо лѣнтяями, либо трусами, во всякомъ же случаѣ крайне своенравными и въ обществѣ несносными. Но можетъ и взрослый человѣкъ избаловаться — отъ снисходительности тѣхъ, съ которыми приходится ему имѣть дѣло, отъ всегдашнихъ удачъ въ предпріятіяхъ, отъ незаслуженнаго счастія.

БАРЕЛЬЕФЪ, см. *Рельефъ*.

БАРИНЪ, БОЯРИНЪ, БОЛЯРИНЪ, см. *Господинъ*.

БАСНЯ, происходящая отъ глагола *баять*, т. е. разсказывать, какъ французское fable и латинское fabula отъ лат. глагола fari, for и греческаго *φαω*, говорю, первоначально означаетъ собственно всякую рѣчь, также разговоръ, повѣсть, разсказъ, истинный или вымышленный. Но нынѣ слово это употребляется преимущественно о выдуманныхъ повѣстяхъ, сказаніяхъ, миѳахъ; оттого миѳы древняго міра мы назвали *баснями*, а миѳологію *баснословіемъ*. Но въ Эстетикѣ, преимущественно же въ Поэзіи, басня имѣетъ еще два особенные смысла. Во 1-хъ, она означаетъ самостоятельный родъ стихотвореній, которыя называютъ и *Апологами* и (по имени мнимаго ихъ изобрѣтателя) *Эзоповыми баснями*. Этотъ родъ Поэзіи принадлежитъ главными своими чертами къ эпическому роду, хотя иные эстетики охотнѣе причисляютъ его къ драматическому, потому-что онъ не только разсказываетъ, но и наставляетъ (хотя, разумѣется, отрицательно); онъ, слѣд. былъ бы родъ стихотвореній смѣшанный. Его можно назвать и аллегорическимъ, потому-что онъ извѣстное поученіе (сплошь практическое, сплошь какое-либо правило житейской мудрости — *нравоученіе басни*) облекаетъ въ чувственные покровы, — въ фактъ, заимствуемый изъ одушевленной или неодушевленной природы. Но этотъ фактъ разсказываетъ баснописецъ, — причемъ онъ можетъ заставить и животныхъ, даже растенія чувствовать, мыслить и говорить по-человѣчески — и присоединяетъ къ своему разсказу заключающійся въ немъ урокъ, либо прямо (въ началѣ или въ концѣ басни), либо предоставляя то самому слушателю или читателю, что еще и лучше. Впрочемъ, его рѣчь можетъ быть связанная и свободная, монологическая и разговорная, но по большей части такъ близко подходитъ къ прозѣ, что, по мнѣнію иныхъ эстетиковъ, басня находится на границахъ между прозой и поэзіей, принадлежа своею опредѣленною цѣлію первой, а средствами второй и что слѣд. баснописецъ есть поэтъ-философъ. Конечно, то же самое можно было бы сказать и о многихъ другихъ повѣстяхъ, романахъ, даже объ иныхъ драматическихъ сочиненіяхъ. Но причина, почему баснописецъ-моралистъ, карая, но вмѣстѣ и щадя или и опасаясь людей, всего охотнѣе избираетъ свои лица изъ безсмысленной природы и ею замѣняетъ или представляетъ разумную, какъ въ зеркалѣ, заключается, безъ сомнѣнія въ томъ, что лица тѣ имѣютъ постоянный характеръ, неизмѣняемый естественный типъ,

что, слѣд. мы тотчасъ знаемъ какъ ихъ толковать и чего отъ нихъ ожидать должно. Тутъ нравоученіе есть только наглядное примѣненіе великихъ законовъ природы къ отдѣльному случаю. — Впрочемъ, что Басня терпитъ столько же шуточный, какъ и серьёзный тонъ, что, слѣд. она допускаетъ остроуміе, юморъ и сатиру — это доказываютъ прекрасные примѣры сего рода, ниспровергающіе всякую одностороннюю теорію, которая хотѣла бы заключить баснописца въ тѣсныя свои рамы. — Совершенно въ другомъ смыслѣ означаетъ слово Басня не самостоятельное произведеніе въ цѣломъ, а главную ткань этого цѣлаго, эпическаго или драматическаго. Оттого тутъ говорятъ о *баснѣ эпопеи*, о *баснѣ драмы*. Эта басня можетъ быть либо чисто вымышленною, либо заимствованною изъ Исторіи. Но въ послѣднемъ случаѣ Исторія подаетъ только основную матерію къ происшествіямъ и къ характерамъ героевъ. Все остальное есть созданіе воображенія, при чемъ поэту надлежитъ держаться только законовъ красоты, а слѣд. и соразмѣрности въ формѣ; иначе твореніе его не могло бы нравиться.

БДѢНІЕ противополагается спанью, сну, а слѣд. и грезамъ, или сновидѣніямъ. (См. *сонъ* и *грезы*). Потому человѣкъ называется *бдящимъ*, когда ясно сознаетъ себя, такъ-что можетъ по произволу направлять свои мысли и стремленія. Однакожъ и здѣсь есть многоразличныя постепенности и среднія состоянія, каковы дремота и просонки. Въ состояніи бдѣнія человѣкъ имѣетъ общій съ другими міръ, а въ состояніи спанья свой особенный, потому-что, при бездѣйствіи внѣшняго чувства, внутреннее или воображеніе морочитъ его дивною фантасмагоріей, которую онъ исключительно видитъ и ощущаетъ. Только въ бдительномъ или бодрственномъ состояніи человѣкъ можетъ обнаруживать свободную дѣятельность; во снѣ онъ какъ бы скованъ. Для того взрослому человѣку, доколѣ онъ здоровъ, надлежитъ болѣе бодрствовать, чѣмъ спать, чтобы онъ не просыпалъ своего времени, а могъ пользоваться имъ для свободныхъ трудовъ. Итакъ, *бдительность*, если только она не происходитъ отъ безсонницы, какъ слѣдствіе болѣзненнаго состоянія, есть добродѣтель, которой противополагается сонливость, какъ порокъ. Впрочемъ, слово то употребляютъ еще и въ особенномъ нравственномъ смыслѣ, называя человѣка *бдительнымъ*, если онъ внимателенъ къ своему нравственному состоянію, и приписываютъ тутъ ему еще и *бдительную* или бдящую *совѣсть*, а въ

противномъ случаѣ *спящую* или *дремлющую*. См. *совѣсть*. Такъ вообще и силы называются *бдящими* (или живыми), если онѣ въ дѣйствіи, въ противномъ случаѣ *спящими* или *дремлющими* (также мертвыми). — Изъ этого понятны и фигуральныя рѣчи о *бдительной власти, стражѣ*, о *бдительномъ надзорѣ* и *о дремлющихъ* водахъ, пустыняхъ, дубровахъ.

БЕЗБОЖІЕ, - - - см. *Вольнодумство*.

БЕЗБРАЧІЕ, — бытъ неженатаго мужчины и незамужней женщины, можетъ быть или *добровольное, либо вынужденное*. Въ древности были уже философы, которые безбрачіе предпочитали супружескому состоянію, каковы Эпикурейцы, которые, однакожъ, подобно другимъ холостякамъ, дѣлали то по уваженію къ пріятностямъ жизни, либо боясь оковъ брака. - - - Но, далѣе, въ западномъ христіанствѣ возникла мысль, что безбрачіе есть даже похвальное, богоугодное дѣло и что въ особенности духовенству должно жить внѣ брака, пока наконецъ безженство духовныхъ лицъ, которое сначала было добровольное, и мало по малу сдѣлалось обычаемъ, въ 11 вѣкѣ Папою Григоріемъ VII поставлено въ церковную принудительную обязанность, причемъ властолюбивый Іерархъ слѣдовалъ болѣе внушеніямъ политики, нежели внушеніямъ морали: ибо ему хотѣлось тѣмъ самымъ отторгнуть духовенство отъ гражданскаго общества и подчинить исключительно своему владычеству, чтобы употреблять его орудіемъ своего могущества даже противъ государей. Но философія тогда только можетъ считать безбрачіе долгомъ, когда кто-либо не въ состояніи содержать семейство. Безъ того долгъ всякаго взрослаго и здороваго мужчины вступать въ супружество, хотя этотъ долгъ и не принудительный, а только такой, который предоставляется совѣсти каждаго. Но западная католическая Церковь сверхъ того запутывается еще въ явное противорѣчіе съ самой собою, когда съ одной стороны считаетъ бракъ *таинствомъ*, слѣд. чѣмъ-то *святымъ*, а съ другой таинство это возбраняетъ духовенству, какъ что-то, званію его неприличное, для сана его унизительное, слѣд. *скверное*. Въ смыслѣ политическомъ не всегда ли важно для государства сохраненіе общества распложеніемъ рода? Не часто ли оно для этой цѣли штрафуетъ холостяковъ или, по крайней мѣрѣ, старается препятствовать ихъ роду жизни отнятіемъ извѣстныхъ выгодъ и преимуществъ, либо наложеніемъ извѣстной подати? Конечно, если тѣмъ оно хочетъ поощрить къ бракамъ, то немногіе дозъ-

волятъ склонить себя такимъ образомъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ опасныхъ шаговъ въ жизни. Если же то родъ наказанія, то оно несправедливо, потому-что государство столько же маловластно воспрещать свободный союзъ сердецъ, какъ и наказывать того, кто (можетъ быть, по весьма уважительнымъ, но неизвѣстнымъ причинопобужденіямъ) жениться не хочетъ. Если налоги на холостяковъ назначаются въ приданое бѣднымъ невѣстамъ, то спрашивается: кто въ правѣ вынуждать у кого-либо благодѣяніе? Но природа уже позаботилась о томъ, чтобы холостая жизнь не входила во всеобщій обычай, если только правительство уменьшеніемъ благоденствія не отягчаетъ супружескаго быта.

БЕЗВКУСІЕ есть, собственно говоря, то, что потеряло свой смакъ, какъ *напр.* выдохшееся пиво. Затѣмъ Безвкусіе переносится въ умственную область, потому-что слово *вкусъ* означаетъ столько же органическое чувство, сколько и способность души. Въ этомъ отношеніи *безвкуснымъ* называется то, что не льститъ нравственно-эстетическому чувству, и что, слѣд. дѣйствуетъ на душу отталкивая или *претя*, когда бываетъ ей предлагаемо, каковы *напр.* плоская острота, мужицкая шутка, безсмысленное вранье и т. п. Оттого *безвкусное* часто употребляется вмѣсто *нельпаго*. (См. *Вкусъ*).

БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ, БЕЗМЕЗДНОЕ. (См. *Возмездіе, Воздаяніе*).

БЕЗДѢЙСТВІЕ есть блаженство празднолюбцевъ, которые потому называютъ его *сладкимъ* (il dolce far niente), хотя по настоящему оно, какъ источникъ скуки, есть сущая пытка для человѣка образованнаго. (См. *лѣнивый* и *скука*). Но Эпикуръ присвоиваетъ этотъ родъ блаженства и своимъ богамъ, которые, по его мнѣнію, ведутъ совершенно бездѣйственную жизнь въ промежуткахъ міровъ и которые слишкомъ дорожатъ своимъ покоемъ, чтобы заниматься другимъ чѣмъ-нибудь, а не собой самими, хотя и эти опять занятія состоятъ не во внутреннемъ какомъ-либо *дѣйствіи* на самихъ себя или другъ на друга, а только въ *страдательномъ* чувствѣ своего бытія, въ созерцаніи своихъ совершенствъ и въ непрерываемомъ наслажденіи ими,—въ вѣчномъ *кейфѣ*.

БЕЗЗАКОННЫЙ принимается въ двоякомъ смыслѣ, означая а) такого человѣка, который живетъ беззаконнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ-будто бы не состоялъ ни подъ какимъ закономъ, ни божескимъ, ни человѣческимъ; b) того, кто объявленъ живущимъ внѣ закона, т. е. лишеннымъ его покровительства.— — —

БЕЗКОНЕЧНОЕ часто поставляется вмѣсто только *неопредѣленнаго* или *неопредѣлимаго, напр.* когда говоримъ о *безконечной* высотѣ горы, о *безконечномъ* множествѣ живыхъ тварей на нашей планетѣ, о *безконечномъ* ея разстояніи отъ ближайшей неподвижной звѣзды и т. п. Это значеніе слова можно было бы назвать *эстетическимъ*, служащимъ основой эстетической оцѣнкѣ величины, при которой мы никогда и не думаемъ о точномъ ея опредѣленіи, потому-что смотримъ только на ея впечатлѣніе. (См. *Высокое, Выспреннее*). Отъ этого значенія слова должно различать другое, которое имѣетъ оно у *логиковъ*, называющихъ безконечнымъ и Отрицательное, потому-что они помѣщаютъ вещь какъ бы въ безграничную пустоту, если объ ней говорятъ только, что она не то, либо иное, не присоединяя потомъ къ отрицательному опредѣленію еще и положительнаго (А не В). Но въ *метафизическомъ* смыслѣ называютъ *безконечнымъ* то, что относительно своего протяженія — въ пространствѣ — или относительно своей длительности — во времени — или относительно своей дѣятельности, силы, напряженія — динамически — не имѣетъ границы. Если *напр.* о мірѣ говоримъ, что онъ безконеченъ, то здѣсь имѣемъ въ мысляхъ и пространственную и временную его безграничность. (См. *Міръ, Пространство, Время*). Если же безконечность приписываютъ Богу, то свойство это относятъ ко всѣмъ прочимъ, слѣд. ко всей полнотѣ божеской сущности, бытія и дѣятельности (см. *Богъ*). Какъ конечное не можетъ схватить, обнять безконечнаго, либо измѣрить постепеннымъ синтезомъ даннаго; то намъ и нельзя опредѣлить собственное отношеніе конечнаго къ Безпредѣльному. Слѣд. если мы представляемъ подобное отношеніе въ видѣ какого-то отпаденія или истеченія, то это — фигуральныя только рѣченія, просто тропы. Безконечность есть, такъ сказать, бездна, въ которую хотя можно все глубже погружаться думами, но которой изслѣдовать нельзя.—Подвигаться или отступать въ *Безконечность* также значитъ не то, что подвигаться или отступать въ *неопредѣленную* даль. То движеніе бываетъ тамъ, гдѣ извѣстный рядъ дѣйствительно не имѣетъ перваго, либо послѣдняго члена, какъ *напр.* рядъ чиселъ, когда вы считаете впередъ, (1, 2, 3 . . .), или назадъ ($\frac{1}{1}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ . . .). Это второе движеніе имѣетъ мѣсто тогда, когда первый, или послѣдній членъ не попускаетъ только себя опредѣлить, какъ это было бы *напр.* тогда, когда бы вы спрашивали, какое изъ

свѣтилъ небесныхъ первое, или послѣднее. — Въ математикѣ *безконечными* или *безпредѣльными* называются такія величины, которыя по произволу можно принимать за безконечно-большія или безконечно-меньшія всякой данной суммы. Впрочемъ, это математическое значеніе слова здѣсь до насъ далѣе не касается. Но Психологія и Мораль приписываютъ человѣку *побужденіе къ Безконечному* тамъ, гдѣ онъ порывается далѣе данныхъ предѣловъ. Это стремленіе было бы противно разуму, еслибы человѣкъ не хотѣлъ признавать никакой границы, ни физической, ни нравственной. Ибо какъ законъ права, такъ и законъ добродѣтели часто, даже тамъ, гдѣ природа не поставила намъ предѣловъ, ограничиваютъ насъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, потому-что мы не все то смѣемъ или должны дѣлать, что дѣлать только можемъ. Но, если означенные порывы направлены къ нашему усовершенію, то они сообразны съ разумомъ, который именно и требуетъ отъ насъ, чтобы мы въ развитіи и образованіи всѣхъ своихъ расположеній и способностей никогда не останавливались, а всегда подвигались впередъ. Такимъ образомъ наша усовершимость дѣйствительно простирается въ безконечность, потому-что мы всегда можемъ къ идеалу совершенства только приближаться, слѣд. никогда достигать его не можемъ.

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ имѣетъ мѣсто или тогда, когда кто-либо невиненъ, или когда виновный не можетъ быть открытъ, либо представленъ, или по крайней мѣрѣ не можетъ въ своей винѣ быть уличенъ. Слѣд. виновный всегда *случайнымъ* только *образомъ* удерживаетъ за собою титло *безнаказаннаго*, хотя *подлежитъ карательному суду*, или учинилъ нѣчто, *достойное наказанія*. Напротивъ того, невинный по *праву* пользуется *безнаказанностію*, потому-что изъятъ отъ *карательнаго суда*, или не сдѣлалъ *ничего* такого, что *заслуживало бы наказаніе*. Итакъ гораздо бо́льшій соблазнъ для разума, когда невинный наказывается, нежели когда виновный избываетъ наказанія. Это и значитъ изрѣченіе: лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго наказать. Потому не надобно никогда осуждать и карать обвиняемаго прежде, нежели его вина будетъ совершенно доказана, — къ чему принадлежитъ, между прочимъ, и его признаніе, хотя оно одно недостаточно для того, чтобы объявить его виновнымъ, — особливо, еслибы законъ присудилъ смертную казнь за преступленіе, въ которомъ онъ былъ обвиненъ, потому-что по совершеніи казни нельзя уже помыш-

лять ни о какомъ вознагражденіи или возстановленіи въ прежнемъ состояніи. Если виновному, уже осужденному, прощается наказаніе, то онъ дѣлается неподлежащимъ карательному закону, что можетъ, однакожъ, послѣдовать только въ силу *права помилованія*. (См. это слово).

БЕЗНАЧАЛІЕ, (*Анархія*, отъ греч. *α*, не, безъ, и *αρχη*, начало) есть то, обыкновенно непродолжительное, состояніе государства, въ которомъ *положительно* установленная верховная власть отсутствуетъ, либо дѣйствія свои прекратила, въ которомъ слѣд. гражданское общество, связанное договоромъ соединенія, приближается къ разстройству или къ быту естественному. Обыкновенныя ближайшія слѣдствія такого положенія вещей суть *междоусобія*, а ныпѣйшія — паденіе государства. Это, безъ сомнѣнія, крайне опасное состояніе, — это родъ горячки, въ которую впадаетъ государственный организмъ. — — Сопротивленіе тутъ вызываетъ сопротивленіе, насиліе — насиліе и такимъ образомъ враждующія партіи часто стараются превзойти другъ друга вопіющими несправедливостями, жестокими поступками и безщаднымъ ниспроверженіемъ всего того, что взлелѣяно было нравственностію, законами, науками, религіей, искусствами, трудолюбіемъ. Но достовѣрно то, что въ государствѣ благоустроенномъ и хорошо управляемомъ, — въ государствѣ, котораго подданные отличаются и неиспорченными, простыми правами, Анархія отнюдь невозможна, потому-что тутъ нѣтъ той острой закваски, которая одна и можетъ растворять элементы государственнаго состава. Зло это отвратить могутъ развѣ мудрость и сила тѣхъ, кому собственное стремленіе, либо право, либо, просто, судьба указали дѣятельную роль въ политическихъ буряхъ. — Недавно перенесли понятіе *Безначалія* и на самыя науки, именно на *философію*, и потому говорили о *философскомъ анархизмѣ*. Но какъ въ области наукъ, именно же въ области любомудрія не слѣдуетъ быть предержащей власти или начальственному авторитету, то сказанное рѣченіе надобно понимать въ смыслѣ несобственномъ. Оно значитъ, что наукѣ еще недостаетъ извѣстныхъ началъ, принимаемыхъ всѣми за истинныя. Въ такомъ положеніи точно и находится философія; но спрашивается, выйдетъ ли она когда-либо изъ него, потому-что тутъ всякій мыслитель болѣе, или менѣе идетъ своею дорогой? Да спрашивается и еще, точно ли это такая великая бѣда, какъ многіе думаютъ? По крайней мѣрѣ единодержавіе какой-нибудь

школы, всегда имѣющей въ себѣ что-либо одностороннее и ограниченное, есть бѣда еще горшая. — Какъ скептицисмъ мѣтитъ на уничтоженіе всякой философской системы, и потому не признаетъ никакого начала (*αρχη*) въ философіи, то его также можно назвать философскимъ анархисмомъ. (См. *Скептицисмъ* и *Скептическіе доводы*). —

БЕЗОБРАЗІЕ. Безобразное противополагается не тому, что имѣетъ какой-либо образъ, наружный видъ, какое-нибудь обличіе, — оно противополагается благолѣпному, *благообразному*, прекрасному (см. эти слова). Сколько это послѣднее для сердца привлекательно, столько же Безобразное, дурное, которое въ высокой степени не нравится на взглядъ и оскорбляетъ эстетическое чувство, оказываетъ на сердце дѣйствіе отталкивательное. Есть лица, формы, даже звуки и цвѣта, изъ которыхъ одни естественнымъ образомъ нравятся, а другіе противны; но можетъ иной предметъ быть хотя не прекраснымъ, однакожъ и не дурнымъ; тутъ онъ не возбуждаетъ ни удовольствія, ни скорбныхъ ощущеній; тутъ онъ въ эстетическомъ отношеніи есть предметъ безкачественный, сердцу чуждый. Слѣд. Безобразное должно въ особенномъ уже своемъ составѣ или устройствѣ имѣть нѣчто противное, отвратительное, т. е. въ немъ должно быть уничтожено для непосредственнаго созерцанія или для воображенія единство и согласіе духовной и чувственной стороны, идеи и соотвѣтственной формы.

Безобразіе *либо* а) производится природою, т. е. возникаетъ изъ погрѣшности образовательныхъ ея силъ, такъ-что — уродливыя — порожденія ихъ разительно уклоняются отъ нормальныхъ типовъ своего рода или вида (*физическое безобразіе*), *либо* b) причиняется вліяніемъ буйныхъ страстей, т. е. проистекаетъ изъ заблужденій свободной воли, такъ-что ея исчадія — дѣянія — далеко уклоняются отъ законовъ разума, (*безобразіе нравственное*), *либо*, наконецъ, с) бываетъ совокупнымъ дѣйствіемъ тѣхъ и другихъ причинъ, являясь тутъ въ полномъ развитіи гнусности, и притомъ только у человѣка, въ которомъ именно и встрѣчаемъ высочайшую красоту тѣлесную. То, что въ природѣ сообразно съ своею цѣлію, кажется намъ дурнымъ лишь тамъ, гдѣ мы смотримъ на явленіе, какъ на что-нибудь отторгнутое отъ цѣлаго, или гдѣ сравниваемъ его съ образованіемъ человѣческимъ. Такъ дурное получаетъ характеръ относительнаго, и является въ разныхъ *степеняхъ*, потому-что разстройство формы, въ какомъ оказывается Безобразіе, можно представлять себѣ усилен-

нымъ во всѣ стороны, по всѣмъ направленіямъ, — въ безконечность, — можно *напр.* дурное лице придачею, либо отнятіемъ одной, другой черты, искаженіемъ той, другой мины, изобразить еще гаже; потому *идеаловъ дурнаго,* собственно говоря, быть не можетъ.

По этой относительности Безобразнаго должны быть различны и *впечатлѣнія* его на человѣка, опредѣляемыя болѣе тѣлеснымп расположеніями, склонностями, предразсудками, невольнымъ сцѣпленіемъ представленій, привычками и свойствомъ духовнаго образованія на сторонѣ зрителя, нежели положительнымъ безобразіемъ: ибо, если короткое знакомство съ калекой или уродомъ открываетъ въ немъ умъ и благородные помыслы, приправляемые еще выраженіемъ пріятныхъ движеній; то и *красавица* въ этомъ случаѣ подъ-конецъ свыкнется съ *чудовищемъ*, котораго любезность можетъ закрывать неуклюжее тѣлосложеніе до того, что оно дѣлается едва замѣтнымъ, такъ-какъ порокъ, съ другой стороны, можетъ искажать и красивую наружность, особливо лице, на которомъ часто кладетъ печать омерзѣнія. — Есть неразгаданныя *идіосинкрасіи* (см. это слово), есть отвращенія отъ нѣкоторыхъ предметовъ, внушаемыя единственно боязнію за себя, либо за близкихъ сердцу, а не самымъ наружнымъ видомъ вещи: ибо мы знаемъ, что большая часть предметовъ, возбуждавшихъ сперва омерзѣніе, можетъ подавать случай къ удовольствію, какъ скоро опасенія наши разсѣяны опытомъ или разсудкомъ. Случайное соображеніе, мечтательное сцѣпленіе представленій весьма часто причиняютъ въ душѣ пустую тревогу. Вотъ причина большей части нашего страннаго отвращенія отъ гадовъ и иныхъ насѣкомыхъ, дѣйствительно красивыхъ, но омерзительныхъ и страшныхъ для того, кто случайно получилъ вздорныя мысли о возможномъ отъ нихъ вредѣ. Кто умѣетъ пренебрегать отталкивательными впечатлѣніями дурнаго, гдѣ повелѣваетъ то долгъ, и кто явленія, кажущіяся ему враждебными, умѣетъ понимать и цѣнить въ ихъ отношеніи къ цѣлому, тотъ имѣетъ душу высокую.

Безобразное отвратительно само по себѣ, но по живой связи съ прекраснымъ оно можетъ и нравиться и, принятое въ обширный кругъ жизни, способствовать къ образованію красотъ высшаго рода; тутъ душа, стѣсняемая въ своихъ движеніяхъ дурнымъ, переходитъ къ свободному чувству удовольствія, либо употребляетъ это дурное на тотъ конецъ, чтобы въ шуткахъ или смѣшномъ оборотѣ представить его ничтожность. Если міръ или

живая вселенная, — божественный идеалъ прекраснаго, терпитъ въ своихъ нѣдрахъ и дурное, растворяя его въ безконечномъ движеніи гармоническаго цѣлаго; то для чего и второобразу вселенной, — произведенію *изящнаго искусства* не принимать въ себя и дурныхъ сторонъ вещи и не подвергать ихъ отдѣлкѣ то серьёзной, то шуточной? Только никогда дурное не можетъ быть изображаемо *ради самаго себя*. Напротивъ того, гадкое исключается изъ области искусства, именно потому, что оно искусство *свободное*, а гадкое невольнымъ чувствомъ отвращенія навязывается душѣ, подавляя свободное удовольствіе.

Наконецъ, что касается до *приложеній* дурнаго, то они разнообразятъ по разности искусствъ. Искусство, дѣйствующее не столько для внѣшняго чувства, сколько для воображенія, — т. е. Поэзія можетъ дѣлать изъ Безобразнаго и употребленіе самое обширное, именно въ тѣхъ родахъ, которые не назначены опять для видимаго изображенія, слѣд. въ эпическомъ и лирическомъ родѣ, преимущественно же въ первомъ, который подвижныя свои картины представляетъ на смотръ только воображенію, тогда-какъ поэзія драматическая, представляющая свои созданія въ настоящемъ или живомъ видѣ — на сценѣ — въ изображеніи дурнаго несравненно ограниченнѣе. Но по этой же самой причинѣ изъ искусствъ, изображающихъ *видимыми* знаками, Живопись и рисованье доставляютъ Безобразному гораздо болѣе простора, чѣмъ Ваянье, потому-что тѣ даютъ намъ только *призраки*, которыми противорѣчія видимыхъ формъ не такъ крѣпко держатся, какъ въ Ваяньи, основанномъ на изяществѣ *формы*, и что Живопись по крайней мѣрѣ въ своихъ, болѣе обширныхъ картинахъ, способна принимать и болѣе противоположностей.

БЕЗОПАСНОСТЬ есть такое состояніе, въ которомъ мы не боимся никакого зла, или по возможности защищены отъ опасностей. Если мы ограждены отъ золъ или опасностей естественныхъ (*напр.* отъ заразительныхъ болѣзней, отъ пожаровъ, отъ наводненій и т. п.), то можно назвать это *безопасностію физическою;* но бываетъ безопасность и другихъ родовъ, т. е. частію *юридическая*, частію *нравственная*. Та имѣетъ мѣсто тогда, когда наши права на жизнь и собственность ограждены отъ нарушеній. Это должно производиться посредствомъ государства. — — Вотъ на чемъ основывается и различіе между *частною* и *общественною безопасностію*, хотя при этихъ рѣченіяхъ имѣютъ въ мысляхъ и

безопасность физическую, потому-что долгъ государства — посильно доставлять и эту послѣднюю. «Юридико-политическая безопасность есть потребность всѣхъ, народа и частныхъ лицъ и сословій. Безъ нея всѣ блага отправлены; мы худо наслаждаемся тѣмъ, что боимся утратить, что можетъ каждую минуту быть у насъ похищено; мы тутъ живемъ лишь въ-половину.» — — — — Но отъ *безопасности правовластной* надобно различать *нравственную*, которая опять бываетъ двоякаго рода, потому-что можно, *во-первыхъ*, называть въ нравственномъ отношеніи безопаснымъ того, кто въ добрѣ такъ укрѣпился, что ему нечего уже бояться возврата на прежній путь нечестія, что онъ для искушеній неприступенъ. Но подобная сила и стойкость характера — весьма рѣдкое явленіе. Оттого моралисты не безъ причины предостерегаютъ отъ этой мнимой безопасности, какъ отъ состоянія, весьма соблазнительнаго, ненадежнаго и крайне опаснаго. Кто стоитъ, тотъ пускай бережется, какъ бы не упасть. Но можно, *во-вторыхъ*, сказать и о человѣкѣ порочномъ, что онъ въ нравственномъ отношеніи безопасенъ, потому-что совѣсть его замерла, такъ-что онъ не узнаетъ уже своихъ пороковъ, которые неудержимо влекутъ его къ погибели. — Залогъ, росписка, порука, которыя мы даемъ вѣрителю тоже для его *безопасности* или для обезпеченія его ссуды, сюда не относятся.

БЕЗСМЕРТІЕ есть вѣчная, сознаніемъ личности сопровождаемая длительность души по смерти тѣла, въ неразрывно сопряженномъ съ тѣмъ состояніемъ возмездія по заслугамъ каждаго. Вѣра въ безсмертіе, или вопросъ: безсмертны ли мы? и притомъ по разуму даннаго здѣсь опредѣленія, составляетъ самоважнѣйшій предметъ человѣческихъ изысканій. Отъ отвѣта на этотъ вопросъ, или, что все равно, на вопросъ: есть ли въ свѣтѣ что-нибудь прочное, постоянное, вѣчное, надъ временемъ и пространствомъ возвышенное, неизмѣняемое, гармонически въ составѣ своемъ связанное? зависитъ и сохранность и разрушеніе всего того, что для насъ,— существъ духовно-нравственныхъ— почтенно и свято, — всего истиннаго, всего великаго, благаго, изящнаго, — добродѣтели, сана человѣческаго, религіи. Если нѣтъ безсмертія, то мудрецъ, ищущій свѣта истины, есть безумецъ, доблестный мужъ, который внемлетъ гласу совѣсти своей болѣе, нежели внушеніямъ чувственности — жертва обмана, страдалецъ, который уповаетъ, что *тамъ* приведены будутъ въ согласіе всѣ нестройныя явленія здѣшней жизни,—простакъ,

герой, который нравственнымъ цѣлямъ жертвуетъ своею жизнію — жалкій мечтатель, — поклонникъ истиннаго Бога-служитель суевѣрія; напротивъ того, лишь тотъ, кто изъ полной чаши пьетъ радости жизни, кто заглушаетъ въ себѣ гласъ совѣсти, рушительницы его блаженства, кто слѣдуетъ только влеченію низкихъ вожделѣній и страстей, — лишь эгоистъ, который хладнокровно попираетъ счастіе своихъ ближнихъ, какъ скоро ихъ погибель доставляетъ ему удовольствіе или выгоду, — такой лишь человѣкъ прослыветъ прямымъ мудрецомъ, если только послѣ этого можно еще говорить о мудрости. Но тутъ не совлекается ли человѣчество своего сана? Тутъ можетъ ли быть рѣчь о законѣ и законномъ порядкѣ? Не упадаетъ ли тутъ человѣкъ ниже животнаго? Ибо, какъ на землѣ ни наказывается всякое зло, ни награждается всякое добро послѣдствіями нашихъ поступковъ; то не можетъ быть вовсе никакого побужденія стремиться къ нравственному усовершенію и приносить добродѣтели такія жертвы, какихъ она требуетъ и требовать должна. Безъ вѣчности, съ которою состоятъ въ связи идеи истиннаго, изящнаго и благаго, онѣ не иное что, какъ призраки, къ которымъ умный человѣкъ усомнится простирать руки свои. И, какъ даже при вѣрѣ въ безсмертіе не находимъ ничего удовлетворительнаго, такъ-что въ самыя счастливыя минуты ея глубокая, неизъяснимая тоска влечетъ насъ въ туманную даль, какъ въ истинную отчизну; то жизнь вовсе не стоила бы того, чтобы мы переносили ея напасти, и ни кого нельзя было бы винить, если бы онъ вмѣсто того, чтобы мужественно встрѣчать предстоящія ему страданія, сбрасывалъ съ себя въ прахъ тяжелую ношу жизни. Продолжается ли наше бытіе по смерти, или нѣтъ — это, конечно, все равно для человѣка въ томъ отношеніи, что ему и въ послѣднемъ случаѣ нечего бояться смерти, потому-что, если онъ не продолжаетъ существовать, то все же онъ ничего не знаетъ о своемъ небытіи; но для плана его жизни, для цѣлей, которыя онъ слѣдитъ, для предпріятій, которымъ посвящаетъ свои силы и свое время, — словомъ, для того, разумную ли вести ему жизнь, или чувственную, — для святыхъ, завѣтныхъ его желаній весьма много значитъ способъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ, который навязывается всякому добросовѣстному человѣку, коль скоро пробуждается въ немъ разумъ, коль скоро онъ начинаетъ размышлять о своей будущности, — вопросъ, которымъ занимались величайшіе мыслители

всѣхъ вѣковъ едва ли не болѣе, нежели вопросомъ о бытіи Божіемъ. Правда, вѣра въ безсмертіе имѣетъ аналогію съ вѣрою въ Бога, и подобно этой послѣдней, состоитъ въ связи со всѣми нашими высшими потребностями, расположеніями, дѣяніями, надеждами, со всею нашею судьбою или по крайней мѣрѣ непосредственно къ нимъ относится, причемъ одна подкрѣпляетъ другую, либо одна на другую наводитъ; однакожъ скорѣе можно было бы исповѣдывать безсмертіе безъ Бога, чѣмъ Бога безъ безсмертія. Вѣра въ жизнь вѣчную касается нашего лица и потому тѣснѣе связана съ нашимъ сознаніемъ; она касается, съ другой стороны, такого свойства и такого состоянія или быта, котораго мы не можемъ ни усматривать чувствами, ни обнимать смысломъ, ни измѣрять циркулемъ и масштабомъ; она вторгается въ сверхчувственную область чистыхъ умозрѣній. Но и въ этой области, неприступной для строгихъ, аподиктическихъ доказательствъ, которыя тутъ были бы столько же нелѣпы, сколько нелѣпы были бы и затѣи того, кто вздумалъ бы ходить по морю и плавать на сушѣ, надобно же оградить святую, благодатную вѣру въ жизнь за гробомъ противъ матеріялистовъ, и потому найти нѣчто такое, на чемъ намъ можно было бы только и здѣсь утвердиться. Спрашивается: есть ли такой *камень вѣры?* — Слѣдующія замѣчанія пускай послужатъ нужнымъ руководствомъ къ рѣшенію задачи:

Какъ человѣкъ самъ есть двойственное существо, такъ онъ съ двухъ же точекъ можетъ разсматривать и обсуживать вещи. Если мы съ физической точки бросаемъ взглядъ на міръ; то, неизбѣжно впадая вообще въ натурализмъ и безбожіе, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ отметать и вѣру въ безсмертіе. Здѣсь мы знаемъ лишь то, что представляется нашимъ чувствамъ, чего не видитъ глазъ, не слышитъ ухо, не осязаетъ рука, и пр.; то мечта, вздоръ, химера. Если умозрѣніе наше и осмѣливается даже сдѣлать шагъ впередъ и подняться, много уже, до отвлеченнаго понятія о законѣ природы, потому-что порою все-таки навязывается вопросъ о послѣднемъ, самостоятельномъ основаніи этого закона, предъ которымъ мы, какъ древніе предъ судьбою, въ безмолвномъ благоговѣніи преклоняемъ колѣна; то возникаемъ *илозоизмъ,* (см. это слово), оживотворяющій матерію, или пантеизмъ, и міръ обращается въ чудовище, которое «вѣчно пережевываетъ или отрыгаетъ свои внутренности» — вѣчно творитъ новыя существа для того только, чтобы, по истеченіи краткаго срока, опять

поглощать ихъ безъ дальнихъ видовъ на прочность ихъ благосостоянія. Тѣнь безсмертія, которое тутъ еще допускаютъ, состоитъ въ пантеистическомъ, безсознательномъ сліяніи духа по смерти тѣла съ душею вселенной, гдѣ не наше уже *Я*, а какая-то другая, для него посторонняя и ему чуждая сила, хотя *въ немъ* и *чрезъ* него, однакожъ *для* себя самой живетъ и дѣйствуетъ. По разуму такихъ ограниченныхъ, низшихъ взглядовъ на міръ, человѣкъ есть не иное что, какъ смышленое животное, которое при смерти раздѣляетъ участь всего земнаго, т. е. распадается въ прахъ и пепелъ, чтобы другимъ новымъ созданіямъ вѣчно возрождающейся природы дать пищу, а со временемъ, можетъ быть, возникнуть и самому опять въ видѣ такого же созданія, хотя безсознательному, тысячекратно разложенному и съ другими веществами перемѣшанному. Да и могло ли бы то быть иначе, когда мы съ этой точки видимъ, что человѣкъ происходитъ только какъ животное, что онъ, подобно ему раждается, растетъ, развивается, движется, плодится, — хвораетъ, старѣетъ, умираетъ и истлѣваетъ? Какъ можетъ мелочной естествоиспытатель на анатомическомъ театрѣ, какимъ въ глазахъ его становится міръ Божій, находить и подмѣчать что-нибудь высшее? Дивныя способности человѣка, — душа, умъ, фантазія, сердце, воля — это у него слѣдствіе совокупнаго дѣйствія физическихъ силъ жизни; совѣсть — это вложенный въ насъ инстинктъ, потому-что человѣкъ, руководимый только чувственностію, разрушалъ бы самъ себя, дѣлалъ бы необходимое и благотворное сожитіе съ подобными себѣ невозможнымъ и лишалъ бы себя отраднаго того чувства, что онъ поступалъ справедливо, что дѣйствовалъ, какъ должно. По разуму своему, человѣкъ есть только первое и почетное животное, которое рѣшаетъ уже свою задачу, когда старается дѣлать для себя жизнь физически, сколько возможно, пріятнѣе, на что Богъ, вѣдь, и далъ ему высшія способности, и когда ловитъ всякую, представляющуюся ему, радость, потому-что грозитъ близкая смерть, а со смертью всему конецъ. Чтобы еще болѣе усилить и укрѣпить этотъ эпикурейскій взглядъ на жизнь, который у милосердой природы проситъ уничтоженія или вѣчнаго забытья, какъ дара, онъ вездѣ отыскиваетъ причины сомнѣваться въ нескончаемомъ существованіи своей души, и, какъ главная задача: безсмертны ли мы? ведетъ къ безчисленнымъ побочнымъ или соприкосновеннымъ вопросамъ, на которые умъ человѣческій не можетъ отвѣ-

чать совершенно удовлетворительно; то у него не бываетъ недостатка въ спеціяльныхъ возраженіяхъ. Онъ спрашиваетъ: если душа все же должна быть въ тѣлѣ, то не должно ли ей занимать въ немъ мѣсто и быть чѣмъ-то пространственнымъ, слѣд. сложнымъ и потому подлежать общей участи всего скоротечнаго, всего тлѣннаго? Не должно ли ей, состоящей во взаимодѣйствіи съ тѣломъ, быть самой чѣмъ-то тѣлеснымъ? и, какъ она имѣетъ представленіе о сложномъ, быть самой сложною, протяженною? Не развиваются ли душа и тѣло, не ослабѣваютъ ли и силами въ одно и то же время, и не доказываетъ ли рожденіе человѣка физическимъ актомъ, что духъ однороденъ съ плотію? Еслибы душа была проста, то какъ возможно было бы изъяснить ея дѣйствіе на тѣло? Если есть безсмертіе, то должно ли въ немъ участвовать и тѣмъ людямъ, которые своими способностями ниже животныхъ, или оно есть удѣлъ только лучшихъ, избранныхъ, облагодатствованныхъ? Имѣемъ ли мы хотя малѣйшую аналогію, хоть одинъ примѣръ, чтобы существо, возникшее во времени, оставалось вѣчнымъ? Еслибы мы были безсмертны, то не получили-ль бы отъ Бога высшаго удостовѣренія и ручательства въ одномъ изъ величайшихъ таинствъ бытія, и т. п.? Очевидно, что на томъ пунктѣ, на который поставилъ себя матеріялистъ въ наукѣ, онъ, при всѣхъ нашихъ возраженіяхъ, можетъ еще держаться тѣмъ долѣе, что и самъ допускаетъ своего рода безсмертіе, поставляя его въ упорномъ пребываніи атомовъ, изъ которыхъ состоятъ тѣло и духъ, и которые природа только разлагаетъ и переначиваетъ, но не уничтожаетъ, — въ негибнущихъ типахъ своихъ родовъ и видовъ, — въ прочности совершенныхъ нами дѣлъ и ихъ послѣдствій для будущности, — въ славѣ нашего имени, — въ памяти, оставляемой нами родственникамъ, соотчичамъ, потомкамъ, — въ размноженіи нашего рода, нашего семейства посредствомъ рожденія и воспитанія. — Но здѣсь возникаетъ другой, весьма важный вопросъ: ужели эта точка зрѣнія, съ которой пошлая эмпирія смотритъ на вещи, есть единственная, съ которой можно простираться въ изслѣдованіяхъ и стремиться къ познаніямъ высшаго рода? Ей ли принадлежатъ изысканія о безсмертіи? Не такъ ли точно высшіе взгляды, на которые намъ указываетъ духъ нашъ, — не такъ ли точно они для его сферы истины, какъ истинна эмпирическая точка зрѣнія для жизни чувственной? — Эта высшая точка, съ которой мы можемъ бросать взоры за могилу,

дѣйствительно существуетъ для всякаго человѣка: ибо не всякъ ли носитъ и лелѣетъ въ себѣ непоколебимое сознаніе духовнаго и нравственнаго порядка вещей, равно какъ и гордое чувство, что онъ ему принадлежитъ? Этотъ новый порядокъ жизни есть міръ прекраснаго, истиннаго и святаго, съ высшимъ его законодательствомъ, въ которомъ мы здѣсь уже и можемъ жить не *для* вѣчности только, но и *въ* лонѣ ея, и живемъ дѣйствительно, да и жить должны, если хотимъ достигнуть своего назначенія, исполнить безусловную заповѣдь долга и сохранить санъ свой. Человѣкъ, какъ говоритъ намъ священнѣйшее наше чувство внутреннее, есть гражданинъ двухъ міровъ; упираясь ногами въ землю, онъ возноситъ свою главу въ страны заоблачныя, — въ царство нравственно-разумныхъ духовъ, которое вѣщаетъ ему въ явленіяхъ природы сильно, хотя и безмолвно, и мы не можемъ имѣть сознанія о самихъ себѣ, какъ о нравственно-разумныхъ веществахъ, не возводя благоговѣйныхъ и вѣщихъ взоровъ къ звѣздамъ и не чувствуя глубоко, что должно еще быть жизни на томъ берегу бурной рѣки временъ, что я принадлежу этой жизни, дабы, по совлеченіи стѣсняющихъ меня ветхихъ покрововъ плоти, дѣйствовать съ новыми силами, въ высшихъ кругахъ, съ очищенными понятіями. Если въ каждой груди внемлется нравственный законъ; то долженъ существовать и такой порядокъ вещей, съ которымъ онъ связанъ, котораго открываетъ онъ тайны, которому мы принадлежимъ, въ который нѣкогда вступить имѣемъ. На этихъ высшихъ взглядахъ, вслѣдствіе которыхъ мы надъ видимымъ міромъ съ мимолетными его явленіями признаемъ царство духовъ, царство Божіе, основывается какъ вообще истина религіи, такъ и въ особенности истина вѣры въ безсмертіе. Охваченные вещественною жизнію, мы находимся въ долинѣ, окруженной высокими горами и взоры наши пригвождены къ ближайшимъ предметамъ чувствъ. Тѣ первые взгляды возносятъ насъ на высоту и виды наши расширяются въ вѣчность; мы уподобляемся великому вождю Израильскаго народа, который видѣлъ Обѣтованную землю только издали, но все же не съ тою достовѣрностію, которая не оставляла въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ съ народомъ своимъ достигъ великой и прекрасной цѣли, для которой не жалѣлъ своей жизни. Уповаемъ столь же крѣпко и мы на жизнь по смерти, потому-что одна Софистика только можетъ постановлять различіе между вѣдѣніемъ и вѣрою въ подрывъ или во

вредъ послѣдней, какъ-будто бы предметы ея были менѣе надежны и тверды, чѣмъ предметы перваго. Ибо наше вѣдѣніе происходитъ не иначе, какъ изъ умозаключеній и длиннаго ряда понятій, часто изъ многочисленныхъ, запутанныхъ и трудныхъ изысканій, для которыхъ имѣемъ нужду въ орудіяхъ чувствъ, а не рѣдко и въ другихъ еще инструментахъ. Но очевидно, что заблужденіе здѣсь тѣмъ легче, чѣмъ посредственнѣе наше чувственное познаніе, какъ и дѣйствительно опытъ и, подвинувшаяся впередъ наука, доказываютъ, что мы нынѣ о предметахъ этого познанія судимъ совсѣмъ не такъ, какъ судили мудрецы, жившіе за 1000 слишкомъ лѣтъ. Не глазъ, не ухо, не осязаніе составляютъ способность и силу къ самымъ отправленіямъ этимъ, — они къ тому служатъ только орудіями. Но эти способы, снаряды и пріемы при сверхчувственныхъ предметахъ совсѣмъ и не нужны и негодны, — мы познаемъ, мы вѣдаемъ ихъ непосредственно, какъ и самихъ себя познаемъ, различая отъ внѣшняго міра; — мы слышимъ гласъ совѣсти, мы внемлемъ призывные звуки «съ того свѣта.» Одно убѣжденіе есть математическаго рода, другое нравственнаго, но одно также несомнѣнно, какъ и другое, даже послѣднее, какъ непосредственное, еще непоколебимѣе перваго, которое всегда остается непрямымъ, искусственнымъ. И такъ вѣра въ безсмертіе можетъ возникать только съ открытіемъ духовнаго міра, который мы носимъ въ груди своей, которому мы принадлежимъ, — возникать тамъ, гдѣ мы во внутреннемъ чувствѣ сознаемъ благовѣстіе, необманчивый гласъ Божій и устраняемъ все то, чѣмъ его исказила фантазія. Если только утверждена возможность и дѣйствительность вѣчной жизни, то намъ нѣтъ дальней нужды до того способа или вида, въ какомъ ей должно представляться. Богу не благоугодно было сообщить намъ подробностей великаго таинства: это было бы что-то противорѣчащее всей нашей, чувственностію ограниченной, природѣ, какъ уже она устроена и слѣд. что-то невозможное; это познаніе ссорило бы человѣка съ настоящими его положеніями, лишало бы добродѣтель прекраснѣйшей цѣны безкорыстія, и предвѣдѣніемъ подрывало бы чаемое блаженство. Но, хотя мы въ точности и не знаемъ «каково на томъ свѣтѣ,» однакожъ можемъ совершенно успокоиться на счетъ будущаго нашего состоянія, когда въ смиренномъ упованіи «сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ предадимъ» вѣчной любви, знаменующейся въ здѣшней жизни повсюду и

на всякомъ человѣкѣ. Потому и сомнѣнія, проистекающія изъ недостатка ясныхъ познаній, пускай насъ не смущаютъ. Если только мы, на основаніи разумныхъ причинъ, должны вѣровать въ свое безсмертіе, то насъ не могутъ уже безпокоить и многоразличные вопросы маловѣровъ, *напр.* какъ изъяснить то, что душа по видимому начинаетъ свое существованіе вмѣстѣ съ тѣломъ, что она вмѣстѣ съ нимъ образуется и претерпѣваетъ упадокъ силъ? Что станется съ душами дѣтей, кретиновъ, съумасшедшихъ? Получимъ ли мы новое, примѣрно, эѳирное тѣло? На какомъ мѣстѣ указано намъ будетъ назначеніе наше, — на землѣ ли или на другихъ планетахъ, или въ промежуткахъ міровъ? Согласимся, что однѣ изъ этихъ вещей для насъ непостижимы, а другія питаютъ развѣ любопытство сколько суетное, столько же и соблазнительное; но символы нашего непрерывнаго развитія, какіе представляетъ намъ природа въ своемъ обновленіи весною, во всходѣ сѣмянъ, въ превращеніи гусеницы, въ развитіи и рожденіи зародыша и т. п. сильно подкрѣпляютъ нашу вѣру, такъ-что мы, духовно познавая высшее и сверхчувственное, убѣждаемся, что развѣ тотъ можетъ отвергать вѣчную жизнь, кто совершенно погрязъ въ тинѣ чувственности, — убѣждаемся въ безсмертіи тѣмъ тверже, чѣмъ выше и выше по ступенямъ добродѣтельной жизни восходимъ на высоты чистой нравственности, съ которыхъ всѣ можемъ бросать смѣлые взоры за предѣлы міра. —

Но, если конечные духи должны вѣчно преспѣвать или подвигаться впередъ въ своихъ совершенствахъ и блаженствѣ; то какъ человѣку въ этомъ состояніи «стать когда-либо вровень» съ своимъ назначеніемъ? Не осужденъ ли онъ тутъ безостановочно мчаться къ недостижимой цѣли? — Правда, конечныя существа никогда не дойдутъ до обладанія идеалами высочайшаго, безусловнаго блага, къ которымъ могутъ лишь приближаться. Однакожъ, если тотъ, кто не перестаетъ жить, въ каждомъ будущемъ періодѣ своего существованія достигаетъ той степени совершенства, къ которой онъ и призванъ и способенъ; то онъ выполнилъ свое назначеніе и можетъ спокойно оставаться въ томъ отрадномъ состояніи, которое стяжалъ благоуспѣшными трудами и бореніями, потому-что бездѣйствіе не согласуется съ устройствомъ разумнаго существа, которое для творенія добра получило потребныя силы. Но «законъ постепеннаго или безпрестаннаго усовершенія тожъ не имѣетъ мѣста у Бога?» Такъ; но изъ этого не слѣ-

дуетъ ничего для существа конечнаго, которое всегда остается усовершимымъ.

Если, такимъ образомъ, можно представить ясныя доказательства вѣры въ безсмертіе, то тѣмъ самымъ показана и честная, отрадная для всякой благородной души надежда на будущее свиданіе за гробомъ, потому-что, если мы продолжаемъ жить съ личнымъ самосознаніемъ, то намъ нельзя не памятовать и милыхъ сердцу, нельзя не искать обращенія и бесѣды съ ними. Эта надежда вселена въ насъ вѣчною любовію, которою зиждется и сохраняется міръ; она проистекаетъ изъ столь прекраснаго и благороднаго тайника, что указываетъ на святость горняго порядка вселенной; наши сношенія безъ такого возсоединенія были бы на землѣ несообразны съ цѣлію; она неразрывно связана съ представленіями разума о будущемъ мірѣ, который безъ возсоединенія съ нашими любимцами души не могъ бы доставить ей полнаго блаженства.

Но противъ личнаго, столь вождѣленнаго для насъ, безсмертія всегда возставали пантеисты, у которыхъ смерть есть не иное что, какъ растворъ или разложеніе нашего Я, возвращеніе его въ общую жизнь вселенной, сліяніе съ Богомъ. У нихъ отдѣльныя существа лишены самостоятельнаго характера и не имѣютъ вѣчнаго бытія; это — только безпрестанно возобновляющіяся и безпрестанно опять исчезающія откровенія Абсолютнаго. Но если, по ихъ теоріи, отвергается личное безсмертіе, а допускается только негибнемость родовъ и видовъ; то разница между добромъ и зломъ, между добродѣтелью и порокомъ относительно послѣдствій для будущей жизни рушится. Тутъ нѣтъ уже собственно возмездія, которое предполагаетъ безконечную длительность нашего лица и то сознаніе, что воспослѣдовавшее новое состояніе находится въ виновной связи съ предшествовавшимъ нравственнымъ поведеніемъ. У Пантеистовъ добрые и злые одинаковымъ образомъ возвращаются въ общую жизнь вселенной, чтобы уступить свое мѣсто другимъ лицамъ, которыя съ прежде-бывшими не связаны тожествомъ самосознанія. Но такое безсмертіе относительно къ личному нашему благосостоянію не такъ же ли ужасно, какъ и совершенное уничтоженіе? Если-жъ мы вѣруемъ, что души праведныя сливаются съ Богомъ, то, конечно, различіе между добромъ и зломъ остается въ своей силѣ; но тутъ нѣтъ уже такого преспѣянія въ высшемъ развитіи и богоподобіи, которому мы сами способствовали бы своими усиліями, — нѣтъ благодатной самодѣятельности

духа, на мѣсто которой постулаетъ страдательное наслажденіе небесными благами. А совмѣстны ли съ этой теоріей и тѣ постепенности совершенства и блаженства, которыя необходимо должны быть опредѣляемы мѣрою добродѣтели въ здѣшней жизни и для которыхъ Сынъ Божій указываетъ множество обителей въ домѣ Своего Отца Небеспаго?

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, оказавшихся необходимыми на тотъ конецъ, чтобы отыскать точку зрѣнія и средства къ рѣшенію задачи, не трудно будетъ изложить и важнѣйшія доказательства нашего безсмертія. Они, по природѣ своей, суть частію *историческія*, частію *философическія*.

I. *Историческія* доказательства ссылаются на изрѣченія великихъ мыслителей, благороднѣйшихъ друзей добродѣтели всѣхъ вѣковъ и на изрѣченія религіозныя. Хотя первые два авторитета ничего болѣе не доказываютъ, какъ только то, что разумъ человѣческій во всѣ времена и у всѣхъ, несовершенно дикихъ и грубыхъ народовъ, доходилъ до этой вѣры; однакожъ все-таки весьма достопримѣчательно явленіе, показывающее, какимъ образомъ онъ такъ рано уже принялъ направленіе къ сверхчувственному. И мысль, въ которой согласовались столь многіе геніи, должна непремѣнно имѣть на своей сторонѣ большой вѣсъ по той же простой причинѣ, по которой мы при рѣшеніи интереснаго дѣла обыкновенно опираемся на большинство голосовъ. Сверхъ того, *Сократы*, *Платоны*, *Сенеки* многократно подкрѣпляютъ свою вѣру весьма сильными доводами. Что касается до послѣдняго авторитета, то нѣтъ ни одной религіи, которая бы догмата о безсмертіи, какъ предмета вѣры, не представляла то смутнѣе, то яснѣе въ символахъ, либо въ отчетливыхъ понятіяхъ. Но самыя опредѣлительныя и самыя высокія мысли о ней находятъ Христіане въ книгахъ Новаго Завѣта.

II. Что касается до *философическихъ доводовъ*, то они суть: А) *метафизическіе*, В) *телеологическіе*, С) *нравственно-теологическіе*.

А) *Метафизическое* доказательство перваго рода гласитъ: душа есть отнюдь простая или совершенно-невещественная, чисто-духовная субстанція, хотя въ продолженіе настоящей жизни связана съ сложнымъ и матеріяльнымъ существомъ, — органическимъ тѣломъ. Посему смерть можетъ постигать это только тѣло, т. е. разлагать или разрушать его составъ, а не душу: ибо что вовсе не сложно, то и не разложимо, не разрушимо; слѣд. душѣ должно жить вѣчно. Но

это мнимое доказательство основывается на множествѣ невѣрныхъ, произвольныхъ предположеній касательно собственнаго существа души, субстанціяльнаго и невещественнаго; да и при допущеніи этихъ предположеній не слѣдуетъ еще необходимо то, что изъ нихъ выводить думаютъ, — не слѣдуетъ сознаніе самого себя и свободная дѣятельность. А не могла ли бы душа, хотя не какъ существо, а какъ сила, всегда конечная, мало-по-малу ослабѣть, истощиться, угаснуть, исчезнуть и не разлагаясь на части?

Но нельзя не призадуматься надъ *другимъ* метафизическимъ доказательствомъ безсмертія. Если душа наша есть реальная, воплощенная, вочеловѣчившаяся идея Верховнаго Существа, и потому цѣль сама для себя или цѣль самостоятельная; то можетъ ли утратиться или исчезнуть въ божественномъ сознаніи человѣкъ, когда тѣло его распадается въ прахъ?

В) За всѣмъ тѣмъ и общепонятнѣе и сильнѣе *телеологическій* доводъ, основывающій безсмертіе на *аналогіи* со всею прочею природою, на устройствѣ и явленіяхъ духа человѣческаго и на разсматриваніи теперешняго порядка вещей. Вотъ онъ!

О свойствахъ и назначеніи всякаго существа мы безошибочно судимъ по силамъ его дѣятельности, по ихъ цѣлямъ и границамъ, относительно къ тому состоянію или кругу, въ которомъ онѣ развертываются. Если это существо переходитъ разныя состоянія или сферы дѣйствій, и если мы усматриваемъ, что способности его всякій разъ соразмѣряются періодамъ его жизни или спѣянія, то заключаемъ, что оно было назначено для этихъ перехожденій и называемъ его развитіе *постепеннымъ*. Если, сверхъ непосредственнаго запаса силъ, достаточныхъ для теперешняго его быта, мы замѣчаемъ, что оно имѣетъ и другія, которыя были бы излишни для данныхъ потребностей и которыя указываютъ на иной порядокъ жизни; то естественнымъ образомъ догадываемся, что твари суждено не оставаться въ настоящемъ быту, а подвигаться къ тому, къ которому приноровленъ избытокъ способовъ. Такъ мы судимъ, что насѣкомое, отрощающее крылья, не назначено къ тому, чтобы пресмыкаться по землѣ или вести безчувственную жизнь въ ущельяхъ стѣны, а назначено порхать въ свое время по воздуху. Безъ этого дальнѣйшаго назначенія удивительный механисмъ крыльевъ и прочіе снаряды были бы безполезны и нелѣпы. Такъ же точно мы можемъ разсуждать и о человѣкѣ, доколѣ онъ живетъ растительною только жизнію въ утробѣ матери. Онъ и

здѣсь снабженъ прекраснымъ снарядомъ органовъ, — глазами, ушами и другими нѣжными чувствами, которыя, хотя получаютъ питаніе, но еще свернуты и не имѣютъ упражненія или употребленія въ теперешнемъ ихъ заточеніи. Положимъ, что какой-нибудь мыслящій зритель, вовсе незнакомый съ дѣлами человѣчества, видитъ тварь, столь странно устроенную и поставленную въ положеніе, по видимому вовсе несоотвѣтственное многосложному ея составу: онъ будетъ либо недоумѣвать при видѣ огромныхъ расточеній искусства и труда, либо догадываться, что тварь, снабженная такими многоразличными, но бездѣйственными способностями, назначена была для круга, болѣе обширнаго, въ которомъ ея силы должны вполнѣ развернуться. Величайшее разнообразіе и притомъ прекраснѣйшая соразмѣрность частей и органовъ твари, ихъ искусное приноровленіе къ любопытному пріятелищу ихъ жизни и питанія воспретили бы ему считать все это дѣломъ случая или промахомъ артиста. Но если мы, въ продолженіе этого неопредѣленнаго ея быта, предположимъ, что онъ видитъ, какъ малютка, послѣ немногихъ удачныхъ усилій, сбрасываетъ свои оковы, вырывается изъ темницы на свѣтъ, развертываетъ дремлющія свои силы, дышитъ въ воздухѣ, любуется цвѣтами, звуками и всѣмъ прекраснымъ разнообразіемъ природы, то вдругъ его сомнѣнія проясняются; особенное свойство избранной твари представляетъ ее въ полномъ видѣ; вся тайна *перваго* періода разоблачается при открытіи новой сцены. Хотя въ этомъ *второмъ* періодѣ тварь нѣкоторымъ образомъ провождаетъ преимущественно жизнь *животную*, т. е. хотя она чувствуетъ и желаетъ, однакожъ вслѣдствіе разныхъ покушеній пріобрѣтаетъ извѣстные и опыты, а при постепенномъ развитіи силы *воображенія* созрѣваетъ, мало-по-малу, къ *высшей* жизни, къ искусствамъ *изобразительнымъ* или подражательнымъ и къ такимъ, въ которыхъ требуется болѣе крѣпость и проворство, нежели острота ума. Въ слѣдующемъ *умственномъ* періодѣ *смыслъ* ея, двигавшійся прежде того въ низшей сферѣ, начинаетъ уже подводить предметы подъ извѣстныя понятія; онъ судитъ объ ихъ отношеніяхъ, составляетъ планы, выводитъ слѣдствія и изъ предшествующихъ, такъ же, какъ изъ настоящихъ приключеній, угадываетъ будущія. При этомъ переходѣ состояній и при соотвѣтственномъ образованіи, она, наконецъ, возрастаетъ въ существо нравственное, общежительное, политическое. Это послѣдній періодъ, до котораго она достигаетъ на зем-

номъ своемъ поприщѣ. Каждый періодъ есть приготовительный для послѣдующаго; всякая жизнь не только упражняетъ данныя силы, но и улучшаетъ предстоящій бытъ твари; въ зародышѣ мы видимъ будущаго младенца, въ младенчествѣ отрока, юношу и т. д.; вообще во всемъ низшемъ видимъ прообразованіе высшаго, болѣе совершеннаго. Но крайній ли это періодъ развитій природы? Конечный ли это актъ великой драмы, послѣ котораго она предаетъ дѣйствующее лице вѣчному забвенію? Оно явно надѣлено избыткомъ такихъ силъ, которыя не имѣютъ полнаго упражненія и простора, даже въ послѣднемъ, явленіи и не достигаютъ той зрѣлости или того совершенства, къ которому онѣ способны и потому указываютъ на какую-то высшую сцену, въ которой ему суждено выдержать иной характеръ, важнѣе прежняго. Если такія силы и расположенія существуютъ, то не въ-правѣ ли мы догадываться, по аналогіи, что оно назначено для новой роли на величественномъ и торжественномъ зрѣлищѣ, гдѣ благороднѣйшія способности его будутъ имѣть соразмѣрное дѣйствіе, гдѣ начатое природою должно довершиться?

Если примемъ въ соображеніе, съ одной стороны, *жажду познаній*, столь естественную уму человѣческому въ каждомъ періодѣ его развитія, а съ другой, безчисленныя *суеты житейскія*, подъ бременемъ которыхъ изнемогаетъ масса рода человѣческаго, то окажется, что въ нынѣшнемъ состояніи невозможно ожидать удовлетворенія сколько благороднаго, столько же и непасытимаго любовѣдѣнія. Да и самая любовь къ добродѣтели, къ друзьямъ, къ отчизнѣ, — благородная симпатія съ родомъ человѣческимъ, столь естественная великимъ душамъ, — рѣдко сопряжены съ необходимыми средствами и случаями выказывать ихъ на дѣлѣ, такъ-что нравственный источникъ, — благороднѣйшія силы и побужденія думыхъ едва ли можетъ найти въ саши,—даже счастливыхъ обстоятельствахъ приличную мѣту, которая у многихъ подавлена бѣдностію, недугами, напастями. — Вспомните притомъ, что никакія сокровища, никакія *наслажденія* земныя несоразмѣрны желаніямъ и способностямъ души; что послѣ высочайшихъ удовольствій сердце все влечется къ новымъ въ безконечность; прибавьте ко всему этому и то, что отрадное *желаніе безсмертія*, тайное отвращеніе отъ небытія и неудержимые порывы духа къ совершенству соединены съ невѣроятностію или невозможностію достигнуть идеаловъ *здѣсь-долу*, и потомъ сознайтесь, что благоустроенная

эта машина, что этотъ огромный запасъ внутреннихъ силъ указываетъ на вѣчность, ожидающую человѣка за гробомъ. Не съ тѣмъ же вложены въ сердце человѣка эти могучія силы, эти богоподобныя расположенія и склонности, чтобы тлѣть въ душномъ нѣдрѣ настоящаго бытія, чтобы никогда не проявляться въ совершенномъ видѣ и не выступать на обширное поприще безсмертія, — не съ тѣмъ вложены, «чтобы, подобно проглоченнымъ алмазамъ, медленно пилить земную нашу оболочку» — не съ тѣмъ къ грязному кому земли прилѣплѣно созданіе съ прозрачными, но безполезными крыльями, чтобы сгнить въ родимой глыбѣ, не взвившись ни разу на этихъ крыльяхъ эѳирныхъ.» Если природа-художница даетъ окончательную отдѣлку низкимъ своимъ созданіямъ и приводитъ всякую другую тварь въ совершенную зрѣлость ея бытія, то оставитъ ли она недоконченнымъ главное свое издѣліе? Если она доводитъ растительную и животную сторону въ составѣ человѣка до полнаго развитія и послѣдняго назначенія, то не ужели попуститъ, чтобы цвѣтъ его жизни увялъ навсегда, чтобы умственные, нравственные и божественные дары погибли безвозвратно, когда низшая уже природа безсмертна, когда во всемъ обширномъ царствѣ Божіемъ ничто не пропадаетъ, а только превращается, когда изъ мнимой смерти, *напр.* гусеницы, сѣмени, брошеннаго въ землю и всей природы зимою, возникаетъ все новая жизнь въ другихъ, высшихъ, болѣе благородныхъ формахъ?

Эти подробности ведутъ насъ къ заключенію, что теперешній бытъ, даже и при наилучшемъ положеніи вещей, есть только *утроба* нашего существованія, гдѣ благороднѣйшія начала нашей природы, такъ сказать, связаны или отрѣзаны отъ соотвѣтственнаго круга дѣйствій и слѣд. назначены къ будущему неограниченному состоянію, въ которомъ они, освобожденныя отъ оковъ, развернутся вполнѣ. Совершеннѣйшій смертный, въ мрачной юдоли естественнаго быта, есть только начатокъ того, чѣмъ будетъ тогда, когда воспаритъ въ горнія страны, къ безсмертію. Безъ отношенія къ сему состоянію, человѣкъ былъ бы уродъ въ великомъ семействѣ Божіемъ. Но допустивъ и эту мысль, онъ все еще удерживаетъ характеръ образцоваго созданія; его сокровенныя способности всѣ соразмѣрены гармоніи и постепенному ходу природы; его благородныя усилія и томленія въ минуты разлуки съ жизнію суть его порывы къ *отрожденію*, къ *пакибытію*, — къ свѣту, къ свободѣ, къ совершенству, а смерть — ис-

ходъ изъ темницы, его разлученіе съ подобными ему узниками и введеніе въ сонмъ доблестныхъ предшественниковъ и въ обитель Отца Небеснаго. Съ расторженіемъ земныхъ оковъ и при сокрушеніи вратъ темничныхъ, онъ будетъ со всѣхъ сторонъ открытъ истинѣ, добродѣтели и прекрасному спутнику ихъ— блаженству. Вникнемъ, однакожъ, въ одну интересную часть аналогіи: какъ въ утробѣ мы получаемъ первоначальное устройство, первоначальную форму и существенные начатки нашего бытія, которые потомъ и выносимъ на свѣтъ, развивая въ послѣдующихъ періодахъ жизни, такъ наше расположеніе и состояніе за гробомъ будетъ зависѣть отъ поведенія и характера нашего въ *теперешнемъ* быту. Мы здѣсь то самое въ маломъ видѣ, чѣмъ будемъ послѣ въ большомъ. Первыя грубыя основанія разума и добродѣтели должны быть положены въ настоящей жизни для того, чтобы эти очерки усовершенствовались и облагородились потомъ до ликовъ херувимскихъ.

Это не только блюдетъ и назидаетъ добродѣтель, но и сильно поощряетъ къ ней. Кто ревностно слѣдитъ за откровеніями разума и жаждетъ нравственныхъ совершенствъ, тотъ дивно будетъ одушевленъ на своемъ поприщѣ полною увѣренностію: что сцена не закроется жизнію; что его боренія, проистекающія отъ слабости природы и отъ силы привычекъ, обратятся въ торжество; что его шествіе по пути мудрости и благости будетъ поспѣшнѣе и пріятнѣе; что благородныя стремленія его къ неземному, — къ совершенству и безсмертію доблестныхъ помысловъ— найдутъ соотвѣтственный предметъ и упражненіе въ сферѣ обширной, безпредѣльной. — — —

C) Вѣра въ Бога даетъ доказательству безсмертія еще новую опору, потому-что такъ называемый, *нравственно-теологическій* доводъ утверждается на правдивости, премудрости, благости, на всемогуществѣ и правосудіи Божіемъ. *Живъ Богъ — жива душа моя.*

aa) На *правдивости Божіей.* Богъ обѣтовалъ людямъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ жизнь вѣчную, которую обѣщаетъ имъ и чрезъ ихъ разумъ и пр. Онъ, котораго мы не можемъ представлять себѣ иначе, какъ правдивымъ, не преминетъ это обѣтованіе свое и свято исполнить.

bb) На *премудрости Божіей.* Ничего Вѣчный не творилъ безъ цѣли и вездѣ съ мудрою бережливостію избраны простѣйшія средства для совершенія возможно-великихъ дѣлъ. Чувственная тварь выполняетъ свое назначеніе въ од-

номъ лишь явленіи своемъ; ея гибель служитъ природѣ для новыхъ формъ жизни. Не такова душа, сотворенная съ расположеніями для горняго порядка міра, — со способностями, назначенными для вѣчности. Тогда-какъ животныя, при своемъ счастливомъ, мѣткомъ и завидномъ инстинктѣ, всегда дѣлаются тѣмъ, чѣмъ быть имъ должно,— душа наша ни въ какое время не выполняла своего послѣдняго назначенія; потому каждый шагъ въ познаніяхъ и добродѣтели содержитъ въ себѣ все новое условіе высшаго, дальнѣйшаго преспѣянія на пути къ безошибочному вѣдѣнію, къ святости помысловъ, къ богоблаженству, которыхъ неотступно *требуетъ* отъ насъ осуществленіе верховнаго блага безусловною заповѣдью практическаго разума. Совмѣстно ли было бы съ премудростію Бога, если бы Онъ хотѣлъ предать уничтоженію душу, которой не могутъ сокрушить никакія силы природы и которая къ небытію питаетъ непреодолимое отвращеніе? Можетъ ли Онъ поступать подобно тому неразумному вертоградарю, который срубалъ бы новонасажденное дерево прежде, чѣмъ оно успѣло принести плоды и достигло своего назначенія? Безъ предположенія безсмертія естественная тоска человѣка по небесной отчизнѣ есть злая насмѣшка, разумъ, который научаетъ его предвѣдѣнію смерти, — жестокая для него пытка, прекраснѣйшія его дарованія — самая глупая расточительность; безъ допущенія безсмертія, тотъ безумецъ, кто высшія свои способности образуетъ далѣе и употребляетъ для другихъ какихъ-либо цѣлей, а не для цѣлей чувственнаго благополучія; безъ допущенія безсмертія замираетъ всякое побужденіе къ благороднымъ поступкамъ.

cc) На *благости Божіей*, оказывающейся повсюду въ царствѣ природы. Если же Богъ благъ, то Онъ не могъ въ бѣдное сердце человѣческое вложить томительное желаніе безсмертія, не могъ возбудить эту надежду, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ и благаго произволенія, исполнить и удовлетворить ее. Да если бы не было вѣчной жизни, то какъ и можно было бы назвать Бога любовію, когда такъ много страждущихъ и несчастныхъ, которые только въ вѣчности чаютъ и могутъ найти вознагражденіе за то, что здѣсь претерпѣли? Съ любовію Бога несовмѣстна даже смерть, если она значитъ другое что-нибудь, а не переселеніе въ лучшій міръ, не расторженіе узъ земныхъ, не торжественный входъ въ царство свѣта, свободы, безопасности и совершенства. Животное она постигаетъ въ безсознательномъ его со-

стоянiи, человѣка же, который ежедневно ее видитъ, убиваетъ она нѣсколько-кратными ударами.

dd) На *всемогуществѣ Божiемъ*. Если Богъ всемогущъ, то Онъ, безъ сомнѣнiя, «возможетъ» и дѣйствительно даровать животъ вѣчный разумнымъ своимъ тварямъ, въ которыя поселилъ къ нему и расположеніе и стремленіе. Если бы не было безсмертiя, то всякій самоубiйца могъ бы ускользнуть отъ заслуженнаго наказанiя.

ее) На *правосудiи Божiемъ*. Къ вѣрованію въ жизнь вѣчную приводится и тотъ, кто разсматриваетъ отношеніе добродѣтели и благополучiя, которымъ надлежитъ состоять въ гармонiи между собою. Хотя помыслы добродѣтельнаго не должны управляемы быть чувственными причинопобужденiями наградъ и наказанiй; однакожъ нравственный порядокъ и Божіе правосудіе требуютъ, чтобы при новомъ составѣ другой жизни принималось въ уваженіе нравственное достоинство людей, чтобы добродѣтельный въ новыхъ внѣшнихъ отношенiяхъ положительно ободряемъ и утѣшаемъ былъ благотворными, помысламъ его соотвѣтствующими послѣдствiями, а порочный былъ вразумляемъ страданiями, лишенiями, ограниченiями. Въ настоящей жизни праведный Iовъ часто терпитъ напасти, гоненiя, притѣсненiя, тогда-какъ злодѣй, позволяющiй себѣ для цѣлей своихъ всякое средство, какъ бы оно гнусно ни было, достигаетъ высочайшихъ почестей и торжествуетъ надъ страждущею добродѣтелью. Можетъ ли въ царствѣ правосуднаго Бога драма жизни оканчиваться побѣдою порока? Мы должны-бъ были потерять вѣру въ правосудіе Божіе и въ достоинство добродѣтели, еслибъ порочный могъ безнаказанно посмѣваться священнымъ законамъ Божiимъ, и еслибъ, съ другой стороны, въ будущей жизни не возстановлялась вожделѣнная гармонiя, которую онъ приводитъ въ разстройство. Должно быть времени, когда испытанная приверженность къ добродѣтели освобождается отъ тяжкихъ страданiй и награждается чистыми, невозмущаемыми радостями, а торжествующiй порокъ карается.

Если жизнь за могилой есть состояніе возмездiя, опредѣленнаго нашему здѣшнему поведенію; то необходимо слѣдуетъ вѣра въ Бога, какъ въ судію міра, который совершенно знаетъ заслуги всякаго разумнаго существа, и по своему необманчивому и праведному суду учреждаетъ его внѣшнее состояніе «на томъ свѣтѣ.» Какъ Богъ одинъ совершеннѣйшимъ своимъ разумомъ проникаетъ въ тайныя помышленiя своихъ тварей и вполнѣ можетъ оцѣнить и чистоту этихъ помышле-

ній, и крѣпость воли и участіе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ; какъ Богъ только по свободному своему произволенію управляетъ силами природы и можетъ привесть судьбу внѣшнихъ отношеній будущаго быта въ гармонію съ нашими дѣяніями; то въ Немъ одномъ мы и должны признать святаго судію міра, который и судитъ лишь по закону нравственно-благаго, возвѣщающагося въ совѣсти, хотя, безъ сомнѣнія, не упуститъ притомъ изъ виду ни данныхъ человѣку пособій, ни внѣшнихъ, для творенія добрыхъ дѣлъ благопріятныхъ обстоятельствъ, ни сообщенной, большей или меньшей мѣры умственныхъ дарованій. Отъ того, кто получилъ болѣе внутреннихъ силъ и внѣшнихъ пособій, взыщется болѣе, нежели отъ того, кому тѣхъ, либо другихъ даровъ и преимуществъ недоставало.

Объ особенныхъ распоряженіяхъ въ будущемъ состояніи мы въ теперешней нашей земной жизни не можемъ имѣть никакихъ ясныхъ понятій. Правда, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отдаленныхъ сверхчувственныхъ, таинственныхъ вещахъ, имѣетъ и фантазія свои права и свой голосъ; однакожъ разрисовывать напередъ, при помощи этой очаровательницы, перспективу будущей жизни по своему вкусу,— это вовсе не безгрѣшная Поэзія; это безумная и опасная игра; она влечетъ къ фантастическимъ грезамъ, которыя легко могутъ имѣть вредное, даже разрушительное вліяніе на жизнь настоящую. Только непосредственно изъ разумнаго назначенія человѣка пробуждаются на этотъ счетъ кой-какія вѣщія предчувствія. Какъ конечная цѣль нашей жизни не состоитъ въ чувственномъ благополучіи; то мы и не смѣемъ переносить въ другую жизнь картины сонливаго, безчувственнаго покоя, грубаго плотоугодія и другихъ пошлыхъ, недостойныхъ мыслей. Отъ мудраго и святаго промысла мы можемъ надѣяться, что воспослѣдуетъ состояніе, болѣе совершенное, что нынѣшнія страданія, бѣдность, болѣзнь, безжалостныя гоненія, смерть упразднятся, препятствія къ добру будутъ устранены, духовныя силы укрѣпятся, человѣкъ вступитъ въ тѣсную связь съ прославленными небожителями, что онъ расширенными познаніями, облагороженною волею, очищеннымъ чувствомъ внутреннимъ все болѣе будетъ сближаться съ Богомъ, и, какъ дѣятельный служитель и споспѣшникъ святыхъ его цѣлей, возрастать и выситься въ небесныхъ совершенствахъ и блаженствѣ.

Но если добродѣтельный получитъ соотвѣтственную награду, то

порочнаго постигнетъ кара. Какъ для перваго смерть есть начало, такъ для втораго — конецъ благополучія. Грѣхъ и здѣсь уже влечетъ за собою, какъ естественное слѣдствіе, тревогу совѣсти, раскаяніе, муку сердечную. Это вполнѣ возчувствуетъ нечестивецъ въ другой жизни, когда яснѣе узнаетъ свое непотребство, когда припомнитъ, сколько онъ упустилъ случаевъ къ нравственному своему усовершенію, когда увѣрится, что святый Творецъ отнюдь «не радуется и не благоволитъ о неправдѣ, радуется же и благоволитъ объ истинѣ.» Къ этому не преминутъ присоединиться и положительныя, небеснымъ правосудіемъ назначенныя наказанія, при распредѣленіи которыхъ окажутся въ своей силѣ святыя мысли милосердаго Бога, всегда обращаемыя на усовершеніе и благодатствованіе Его созданій. Онъ будетъ и награждать и наказывать съ тѣмъ, чтобы способствовать къ достиженію великой, всемірной цѣли, для которой сотворилъ разумныя существа. Какогожъ именно рода тѣ наказанія? — вотъ чего мы, по ограниченности своихъ познаній опредѣлить не можемъ! Только изъ идеи Божія правосудія слѣдуетъ, что они въ точности будутъ соразмѣрены степенямъ виновности. По тѣсной связи нашихъ поступковъ *здѣсь* съ будущимъ состояніемъ, какъ принадлежащимъ къ одному и тому же нравственному порядку міра, порочные будутъ *тамъ* всегда чувствовать гибельныя послѣдствія своихъ беззаконныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, вѣчную награду добродѣтели въ будущей жизни не должно считать необходимымъ слѣдствіемъ первоначальнаго права, а только слѣдствіемъ Божія благоволенія къ добродѣтели. Все доброе, что только дѣлаетъ человѣкъ, самый даже благородномыслящій и великодушный, есть его обязанность, есть должное повиновеніе закону разума, а не заслуга предъ Богомъ. Незаслуженная, безпредѣльная любовь создала человѣка; та же самая незаслуженная безпредѣльная любовь расточаетъ добродѣтельному въ будущей жизни новыя благодѣянія и назначаетъ ему въ удѣлъ вѣчное блаженство, которое есть только даръ, а не достодолжная какая-нибудь плата за трудъ, за услуги, не выполненіе какого-либо правовластнаго или законнаго притязанія. Только уравненіе страждущей добродѣтели благодатными послѣдствіями, — только дѣятельное признаніе безусловнаго ея превосходства надъ порокомъ — вотъ чего можно ожидать только отъ святаго правосудія небеснаго! Но кто заблудился бы до того, что осмѣлился бы, на основа-

нiи или въ силу скудныхъ, несовершенныхъ, ничтожныхъ своихъ добродѣтелей, требовать вѣчнаго блаженства?

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, согласимся, что сомнѣніе въ вѣчномъ бытіи представляетъ намъ лишь противорѣчія, а вѣра разрѣшаетъ самыя докучливыя загадки, — что въ ней одной мы находимъ покой, блаженное довольство и святую гармонію. (См. *Жизнь, Смерть, Воскресеніе, Душепереселеніе*).

БЕЗСМЫСЛІЕ встрѣчаемъ въ рѣчахъ и сочиненіяхъ, когда слова, употребляемыя говорящимъ или пишущимъ таковы, что съ ними нельзя связать никакой порядочной или дѣльной мысли; тутъ имъ недостаетъ, какъ-бы смысла, т. е. опредѣленнаго значенія, просто, *толку;* они — *безсмыслица.* Но мы называемъ безсмысленными и людей, когда они такъ изъясняются, какъ-будто бы не имѣли смысла.— Этотъ естественный недостатокъ Логики неизбѣженъ, 1) въ особенности тамъ, гдѣ совершенно угасаетъ сознаніе, вообще же 2) въ состояніи того *бездумья,* которое или по превозмогательству фантазіи неспособно удерживать представленія, или вслѣдствіе тѣлесной слабости не можетъ приводить ихъ въ ясность, — бездумья, въ которомъ человѣкъ не вникаетъ въ содержаніе и въ способъ сочетанія своихъ мыслей, слѣд. судитъ опрометчиво, на-объ-умъ, и даже вслѣдствіе такихъ безпорядочныхъ, кривыхъ, безтолковыхъ сужденій учреждаетъ свои поступки. Но есть Безсмысліе и поддѣльное, умышленное, которымъ комическіе писатели нарочно падѣляютъ простаковъ для произведенія дѣйствій смѣшнаго; есть Безсмысліе и мнимое; это обыкновенно то, которое лѣнтяи, невѣжды и глумливые любятъ отыскивать въ глубокомысленныхъ отвлеченностяхъ философовъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что тому, кто теменъ и не отчетливъ самъ для себя, трудно быть вразумительнымъ и толковымъ для другихъ.

БЕЗСТРАСТІЕ, Апатія, есть отсутствіе сильныхъ и привычныхъ пожеланій, — состояніе, въ которомъ человѣкъ не принимаетъ на себя или не претерпѣваетъ никакого дѣйствія данныхъ предметовъ. Этого-то Безстрастія требовали стоики и скептики отъ своего мудреца, который, какъ «прямой герой — страстьми недвижимъ.» Но тутъ, однакожъ, открывается нравственная точка зрѣнія, съ которой означеннаго требованія принять и одобрить нельзя, какъ потому, что не всякая же страсть предосудительна и гнусна, такъ и потому, что надобно-таки и тутъ

дѣлать еще различіе въ томъ, основывается ли Безстрастіе на слабости внутреннято чувства и желательной способности, недоступной сильнымъ вожделѣніямъ и отвращеніямъ, или на крѣпости свободной воли, которая постоянно и умышленно возбраняетъ имъ входъ въ душу. Если вы хотите въ послѣднемъ случаѣ назвать Безстрастіе *бодрымъ*, мужественнымъ, а въ первомъ *вялымъ*, бездѣйственнымъ, то очевидно, что бодрое, *удалое* только можетъ имѣть нравственную цѣну и что потому его только и слѣдовало бы требовать отъ мудреца. Чтожъ касается до вялаго, часто называемаго счастливою флегмой, то оно иному, — который потому и бываетъ въ почетѣ, хотя его и не стоитъ, — даетъ *видъ* или *призракъ* мудрости, потому-что оно такъ же, какъ и бодрое, если еще не вѣрнѣе, предохраняетъ страстнаго человѣка отъ безумныхъ порывовъ.

БЕЗЧЕСТІЕ. Человѣкъ безчестный не только не дорожитъ хорошими объ немъ отзывами другихъ, но и поступаетъ вообще такъ, какъ-будто не имѣлъ никакого понятія о чести и срамѣ, позволяя себѣ все дурное, все гнусное; оттого трудно его и вразумлять. Что сдѣлаете вы съ человѣкомъ, равнодушнымъ къ похвалѣ и порицанію? Такая безчестность справедливо называется и подлостію. — Если иныя ремесла, называютъ *честными*, либо *безчестными*, а затѣмъ и лица, посвятившія себя имъ, то подобное мнѣніе основывается чисто на предразсудкѣ, потому-что и занятіе живодера, чистильщика отхожихъ мѣстъ, палача, какъ оно ни гадко, все-жъ не позорно и потому не должно-бъ было лишать человѣка гражданской чести. Только подлые промыслы дѣйствительно срамятъ мошенника, ростовщика, непотребную женщину и т. п. Но какъ мы сами себя безчестить можемъ, такъ точно могутъ безчестить насъ и другіе. Лжецъ, пьяница, злостный банкрутъ и пр. уменьшаютъ почтеніе къ себѣ отъ другихъ, потому-что не уважаютъ сами себя, слѣд. не помышляютъ о своей внутренней чести, которая основывается на санѣ существа разумнаго и нравственнаго и которой, собственно говоря, отнюдь нельзя другимъ уронить. Но можетъ иной быть осрамленъ относительно ко *внѣшней* репутаціи или къ *доброму имени*. Это бываетъ и тогда, когда другой поступаетъ со мною, какъ съ вещію, и тогда, когда говоритъ про меня дурное, чего доказать не можетъ, и тогда, когда съ умысломъ отказываетъ мнѣ въ чествованіи, положительными законами присвоенномъ моему званію въ государствѣ. Но

если кто точно унизилъ въ себѣ санъ человѣческій и если потому не поступаютъ уже съ нимъ, какъ съ лицемъ; если то, что не перестаютъ разглашать объ немъ дурнаго, правда, если онъ подвергается нареканію и лишеніямъ за то, что не умѣлъ поддержать своего званія или достоинства своего сословія: то ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ онъ не только не смѣетъ жаловаться на причиняемое ему безчестіе, которое заслужилъ, но и справедливо наказывается, — именно тѣмъ, что всего чувствительнѣе трогаетъ благороднаго человѣка, — именно посрамленіемъ. Доколѣ оно не уничтожаетъ человѣка въ глазахъ тѣхъ, съ которыми онъ все-же-таки жить еще долженъ, доколѣ оно уязвляетъ только гордость и тщеславіе и состоитъ болѣе въ отнятіи извѣстныхъ почетныхъ преимуществъ, нежели въ лишеніи чести; дотолѣ оно весьма сообразно съ своею цѣлію и весьма дѣйствительно, особливо когда присуждаемо бываетъ тому, чье честолюбіе хотятъ возвысить и за проступки, прямо происходящіе изъ высокомѣрія и суетности и направленные противъ чести другаго. — А не можетъ ли позоръ убить человѣка! Нѣтъ: кто довелъ себя до постыднаго наказанія, у того честь, вѣрно, не была прежде идоломъ. — Но не ужели и то не правда, что позоръ есть большее зло, чѣмъ смерть, и что должно его бояться пуще самой смерти! Правда; но разумъ все-таки охуждаетъ поступокъ того, кто, рѣшившись не пережить своего безчестія, умерщвляетъ самъ себя, когда надъ жизнію своею мы не властны. Напротивъ, — человѣку должно стараться поведеніемъ, тѣмъ еще болѣе благороднымъ и достохвальнымъ, изгладить опять позоръ, чего, однакожъ, ему нельзя уже сдѣлать, когда онъ налагаетъ на себя руку, присоединяя тутъ одну несправедливость къ другой. Потому, кто не хочетъ такимъ образомъ пережить свой позоръ, того позоръ переживаетъ, — а это гораздо хуже. (См. *Самоубійство*, *Честь*).

БЕЗЧИСЛЕННОЕ, несчетное. Множество вещей, котораго никакимъ опредѣленнымъ числомъ нельзя выразить, называется *безчисленнымъ*. Это въ строгомъ или безусловномъ смыслѣ было бы тогда только, когда множество превышало бы всякое данное число, но въ относительномъ смыслѣ уже и тогда, когда намъ число не было бы только извѣстно. Въ послѣднемъ случаѣ мы преимущественно употребляемъ второе выраженіе, а въ первомъ первое. Такъ мы говоримъ: песокъ морской *несчетенъ*, потому-что никто не можетъ опредѣлить числа отдѣльныхъ его зеренъ. На-

противъ того, еслибъ міръ по пространству былъ безконеченъ, то множество свѣтилъ небесныхъ дѣйствительно было бы *неисчислимо*, потому-что мы тутъ никогда бы не дошли до конца счетамъ ихъ (Сравн. *Конечное* и *Безконечное*).

БЕЗЧУВСТВІЕ (котораго не должно смѣшивать ни съ физическою слабостію зрѣнія, слуха, обонянія и пр., преимущественно состоящею въ меньшей степени жизненныхъ силъ и раздражительности нервовъ, ни съ *безстрастіемъ*, касающимся только воли и ея желаній и отвращеній) означаетъ здѣсь то *равнодушіе* или ту *косность*, съ какою сердце, вслѣдствіе впечатлѣній, возбуждаетъ въ себѣ движенія пріятныя, либо скорбныя, т. е. *ощущенія*. (*) Такое (внутреннее) *безчувствіе* никогда не можетъ быть въ человѣческомъ мірѣ *безусловное;* оно всегда бываетъ только *относительное* или сравнительное, которое потому разумѣется и тогда, когда иному приписываемъ мѣдный лобъ или каменное сердце. — *Безчувствію* противополагается *чувствительность*, свойственная человѣку тогда, когда его ощущенія и весьма разнообразны и весьма сильны и живы, или, какъ говорится, горячи, пылки. Такіе люди и называются преимущественно людьми съ *чувствомъ*, и, какъ натуры теплокровныя, противопоставляются обыкновенно людямъ со смысломъ, съ умомъ, людямъ *разсудительнымъ*, какъ натурамъ хладнокровнымъ. Они сплошь и смотрятъ другъ на друга съ извѣстнымъ презрѣніемъ. Напрасно: разница между ними лишь въ степени, не въ видѣ, и основывается только на перевѣсѣ одного, либо другаго начала. Въ жизни сильный голосъ имѣетъ сердце, въ наукѣ умъ; но, разумѣется, гдѣ мыслители пренебрегаютъ изящнымъ въ природѣ и въ искусствахъ, чуждаются свѣтскаго обращенія, даютъ своимъ дѣйствіямъ одностороннее направленіе въ ограниченной сферѣ, и привыкаютъ разлагать въ мысляхъ предметы до того, что подъконецъ теряютъ впечатлѣніе; — тамъ ихъ ощущенія до извѣстной степени слабѣютъ и какъ бы притупляются; такіе нелюдимы часто въ обществахъ бываютъ менѣе привлекательны; они кажутся холодными, сухими, скучными; они слывутъ *нечувствительными*. Это, однакожъ, къ счастію, не правило, потому-что истинное, здравое ощущеніе сколько мало можетъ въ своихъ проявленіяхъ имѣть стремительности, столько же глубоко и прочно можетъ быть въ своемъ основаніи, и гдѣ дѣло идетъ о до-

(*) См. мою *Картину человѣка* § 125 и примѣчаніе къ нему.

стиженіи важныхъ цѣлей жизни, о начертаніи и выполненіи плановъ великихъ и для человѣческаго общества благодѣтельныхъ, тамъ люди съ крѣпкимъ и образованнымъ разсудкомъ будутъ къ тому всегда способнѣе, нежели тѣ мечтатели и празднолюбцы, которые хотятъ только таять въ сладкихъ ощущеніяхъ.

БЕРЕГОВОЕ ПРАВО присвоиваетъ себѣ то, что море выбрасываетъ на берегъ. Само собою разумѣется, что право это можетъ простираться только на вещи *безхозяйныя*, или ни чьи, слѣд. ни на лица, которыя претерпѣли кораблекрушеніе, ни на имущество, которое они привезли съ собою и успѣли спасти, на которыя владѣлецъ можетъ еще доказать свои законныя притязанія, и которыя считать счастливою добычей или находкой есть на небо вопіющая несправедливость, потому-что изъ правовластной сферы человѣка ни что не смѣетъ быть исхищено или выхвачено безъ его воли, и что вещь, на нѣсколько времени потерянная, не есть еще вещь покинутая, заброшенная. — Молить Бога, чтобы Онъ такимъ образомъ благословилъ берегъ — это молитва сколько варварская, столько же, къ стыду человѣчества, и употребительная въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, въ церквахъ приморскихъ общинъ, которыя часто, не только, подобно хищнымъ звѣрямъ, караулятъ корабли, приближающіеся въ бурю къ берегу и потому находящіеся въ опасности разбиться, но и нарочно даже для этой преступной цѣли ставятъ на опасныхъ мѣстахъ маяки. — Въ иныхъ государствахъ береговое право предоставляетъ себѣ казна или вообще, или относительно только къ нѣкоторымъ драгоцѣнностямъ, *напр.* къ золоту, жемчугу, янтарю, кораллам, либо раздѣляетъ это право по равнымъ долямъ между собою, между хозяевами и перепищиками.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ. Сумма дѣятельности, выказываемая вещію для произведенія чего-нибудь, можетъ, по разности обстоятельствъ, отношеній, препятствій, быть значительна, либо маловажна. *Законъ наименьшаго иждивенія силъ*, называемый также *закономъ бережливости*, а) вообще гласитъ: природа на самомъ кратчайшемъ пути достигаетъ своихъ цѣлей самомалѣйшими средствами, не излишними, но всегда лишь достаточными. Ни одна сила въ ней не теряется, и если противоположныя, враждебныя силы уничтожаютъ другъ друга, то онѣ служатъ къ тому, чтобы во Вселенной, вѣчно подвижной, утвердить законъ непрерывной и равномѣрной жизни. Что природа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (*напр.*

въ произведеніи многихъ пустоцвѣтовъ) кажется расточительною, — это не опровергаетъ сказаннаго закона: ибо для произращенія этого множества плодовъ нужно было столько именно употребить и силы. Не часто ли и человѣкъ долженъ дѣлать долгія и большія приготовленія, слѣд. много прилагать силъ прежде, чѣмъ можетъ достигнуть опредѣленной цѣли, не подвергаясь, однакожъ, за то обвиненію въ расточительности? — Въ подражаніе природѣ b) и Метафизика возбраняетъ размноженіе вещей безъ нужды и вымыслъ, либо произвольное допущеніе незнакомыхъ. Если вы *напр.* явленіе тяжести выводите изъ особенной *матеріи*, либо особенной *силы тяжести*, когда можно было бы изъяснить феноменъ изъ дѣятельности другихъ началъ, уже извѣстныхъ; то вы правило это преступаете. Потому, вышерѣченное положеніе можно выразить и такъ: не размножайте причинъ безъ нужды. Правило это имѣетъ свое примѣненіе c) и въ Логикѣ касательно началоположеній науки, которыхъ распложать безъ нужды не слѣдуетъ. Пускай философствующій умъ не выводитъ изъ двухъ началъ того, что можно вывести изъ одного. Впрочемъ, гдѣ одного недостаточно, тамъ не только позволяется, но и будетъ необходимо допустить и нѣсколько, но никогда не болѣе, чѣмъ нужно. Говорятъ также, d) что можетъ произведено быть малыми способами, того не должно производить великими, или, для поднятія незначительной тяжести не должно приводить въ движеніе огромныхъ рычаговъ,—это не только правило благоразумія, но и законъ нравственности, которымъ возбраняется всякое безполезное расточеніе силъ. Итакъ, это началоположеніе можно было бы назвать и закономъ бережливости, имѣющимъ свое примѣненіе столько же и въ нравственной области, сколько въ физической. — Что касается e) до бережливости человѣка, какъ нравственнаго его свойства, то она, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ добродѣтелямъ, хотя понятіе объ ней, по причинѣ относительной примѣси, которую надобно принимать въ уваженіе, съ точностію опредѣлить весьма трудно. Всегда можно сказать только, что тотъ бережливъ, кто, по своему достатку и по другимъ отношеніямъ житейскимъ, не тратитъ слишкомъ много, а всегда откладываетъ еще что-нибудь на случай нужды, про чорный день. Посему сберегать значитъ почти то же, что и пріобрѣтать. Но гдѣ бережливость, забывая главную свою цѣль, — обезпеченіе будущаго своего благосостоянія, любитъ копить изъ одного

только удовольствія, доставляемаго приращеніемъ обладанія; тамъ она дѣлаетъ переходъ къ презрѣнной страсти, — къ *скупости* (см. это слово).

БЕСѢДА значитъ вообще личное обхожденіе и разглагольствіе съ другими. Она бываетъ простая, обыкновенная, *пошлая*, которую встрѣчаемъ вездѣ, и *благородная, высшая*, которая имѣетъ мѣсто только въ образованныхъ обществахъ и которой хорошій топъ, по описанію Ж. Ж. Руссо, есть «ни тяжелый, ни бѣглый, есть плавный и натуральный, — умный, но не педантическій, веселый, но не шумный, нарядный, но не жеманный, пріятный, но не безвкусный, игривый, но не двусмысленный. Тутъ не сочиняютъ ни диссертацій, ни эпиграммъ; говорятъ дѣльно безъ силлогисмовъ, шутятъ безъ игры словъ, и ловко соединяютъ остроуміе съ ученостію, замысловатыя сатиры, льстивыя умѣстныя привѣтствія съ требованіями строгой морали; толкуютъ обо всемъ, чтобы всякій могъ сказать что-нибудь, но не углубляются въ изысканія, чтобы не навести скуки; предлагаютъ только мимоходомъ вопросы и скоро отдѣлываютъ ихъ; говорятъ ясно, а слѣд. и чопорно; всякій высказываетъ свое мнѣніе, подтверждая его немногими словами; никто не опровергаетъ мыслей другаго съ запальчивостію, никто не защищаетъ и своей съ упорствомъ; разсуждаютъ для того, чтобы научиться и прерываютъ рѣчь, прежде чѣмъ войдутъ въ споръ; всякій наставляетъ, всякій тѣшитъ себя. Всѣ расходятся довольными, и самый мудрецъ можетъ тутъ почерпнуть достойную матерію для своихъ тихихъ, назидательныхъ думъ.» Особый, подчиненный видъ этой благородной бесѣды есть *бесѣда философская*, которая вдвигаетъ высокую науку въ жизнь и которая отличается своимъ *предметомъ, цѣлію* и *средствомъ*. 1) *Предметъ* ея есть натурально философія, но столько же натурально и не вся наука въ связи, а лишь отдѣльныя философскія матеріи, при выборѣ которыхъ, однакожъ, если не подаетъ ихъ случай, должно смотрѣть на то, чтобы онѣ для собесѣдниковъ не были ни слишкомъ высоки, ни слишкомъ сухи. 2) *Цѣль* — не та, чтобы исчерпать предметъ, разложить его на тончайшіе элементы и возвести къ верховнымъ началамъ, а та, чтобы взаимно возбудить себя къ важнымъ размышленіямъ; потому здѣсь, собственно говоря, и не преподаютъ уроковъ, а только разбираютъ дѣло; 3) *Средствомъ*, разумѣется, служитъ живой языкъ, который, однакожъ, долженъ быть не искусственный, или ученый, а

только образованный языкъ общежитія, — такой, какой слышимъ частію на сценѣ въ благородныхъ драмахъ, частію въ нашихъ гостиныхъ. Разумѣется, что общія правила всякой чинной бесѣды должны быть соблюдаемы и въ философской, которой образцемъ, кажется, былъ *Сократъ*. Онъ, собственно говоря, никогда не училъ любомудрію, а только разглагольствовалъ съ своими учениками, пріятелями и знакомцами объ отдѣльныхъ философскихъ темахъ, какія попадались. Оттого и всѣ его ученики переняли у него разговорный тонъ въ своихъ сочиненіяхъ, особливо *Платонъ* и *Ксенофонъ*, — только этотъ послѣдній пребылъ своему наставнику вѣрнѣе, чѣмъ тотъ первый, который способъ Сократа прилагаетъ къ глубокимъ и пространнымъ изысканіямъ и вообще духъ его представляетъ болѣе въ идеальномъ видѣ. Потому, кто хочетъ ввести въ свою философію разговорный тонъ, долженъ тщательно изучать писанія этихъ мудрецовъ Аѳинскихъ. (См. *Разговоръ*).

БИБЛІОЛАТРІЯ (отъ греч. *βιβλιον*, книга и *λατρεια*, служеніе, поклоненіе) есть суевѣрное, идолопоклонническое почитаніе книгъ, которыя слывутъ священными. — Такъ поступаютъ Индусы съ своими *ведами*, Китайцы съ своими *книгами*, Іудеи съ своимъ *талмудомъ*, Магометане съ своимъ *кораномъ*. — Иныя и философскія, даже, школы, именно неоплатоническая, преданы были библіолатріи, и считались вышечеловѣческими источниками мудрости писанія *Платоновы* или *Аристотелевы*, даже мнимыя книги *Гермеса Трисмегиста* или *Орфея*. — Съ этою Библіолатріей сходна и

БИБЛІОМАНІЯ (отъ греч. *βιβλιον*, книга и *μανία*, бѣшенство, неистовство), потому-что тотъ, кто старается собирать какъ можно больше рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, также цѣнитъ писанное или печатное слишкомъ высоко. Всего страннѣе здѣсь то, что подобные библіофилы вовсе не заботятся о содержаніи книгъ, которыя достаютъ съ такимъ трудомъ и такими издержками. Они не читаютъ ихъ, а только любуются ими, слѣд. поступаютъ такъ, какъ скряга съ своими мѣшками золота. — Маркизу *Токкони*, получавшему 100,000 ливровъ въ годъ, недоставало этого дохода на удовлетвореніе его «книгобѣсія» — онъ дѣлалъ еще и фальшивыя ассигнаціи, чтобы все болѣе покупать книгъ, не читая изъ нихъ ни одной. — Впрочемъ, какъ такое съумасшествіе весьма дорогая вещь, а у философовъ деньги не водятся, то они и рѣже впадаютъ въ этотъ порокъ, чѣмъ въ порокъ библіолатріи.

БИБЛІОМАНТІЯ, см. *Гаданіе*.

БІОГРАФІЯ (отъ греч. *βιος*, жизнь и *γραφω*, пишу) или жизнеописаніе есть особенный родъ исторіи, хотя въ извѣстномъ отношеніи всѣ исторіи живыхъ существъ можно было бы считать *біографическими*. Ибо, между тѣмъ, какъ *всемірная исторія* описываетъ жизнь цѣлаго человѣчества, а *частная* — жизнь народовъ и государствъ, *Біографія* дѣлаетъ тоже самое касательно отдѣльныхъ людей, и потому есть *особенная*; но она въ собственномъ смыслѣ не *описаніе*, а *повѣствованіе* о судьбѣ, дѣяніяхъ и качествахъ отдѣльнаго достопримѣчательнаго лица, и подлежитъ общимъ правиламъ хорошей повѣсти и характеристики, различаясь отъ послѣдней тѣмъ, что имѣетъ своимъ содержаніемъ не только внутренній и постоянный бытъ, но и внѣшнія его обстоятельства и перемѣны. Она избираетъ только такихъ героевъ, которыхъ жизнь довольно интересна и плодовита и которые отличаются и содѣлались достопамятными либо по своему званію и сану, либо по необыкновеннымъ заслугамъ государству, наукѣ, искусству, религіи, либо по особенно замѣчательнымъ превратностямъ счастія. Правда, біографу, который или не былъ коротко знакомъ съ тѣмъ, чью жизнь описываетъ, или не имѣетъ въ своемъ распоряженіи матеріяловъ, доставляемыхъ ему то преданіемъ ближнихъ и современниковъ героя, то собственными сочиненіями, записками, художественными произведеніями послѣдняго, трудно описывать жизнь, которую ему должно было, какъ-бы, прожить съ другимъ и за другаго; но если онъ умѣетъ схватывать и вмѣстѣ изображать важное и занимательное, отыскивать и удачно отгадывать истинныя причинопобужденія явленій и убѣдительно показывать вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на характеръ и поступки, и если всегда остается вѣрнымъ природѣ и правдѣ: то его картина человѣческаго ума и сердца будетъ съ интересомъ соединять и величайшую пользу. Что столько способно насъ научать, предохранять отъ примановъ порока, возвышать и ободрять въ нуждѣ и опасностяхъ, поощрять къ благороднымъ подвигамъ, какъ примѣры, представляемые намъ исторіей?

БІОЛОГІЯ (отъ предыд. и *λογος*, ученіе) занимается теоріей жизни. Смотря потому, признаемъ ли мы одушевленіе во всей природѣ или только въ нѣкоторыхъ, именно органическихъ ея тваряхъ, Біологія необходимо получаетъ и объемъ болѣе или менѣе обширный. Но во всякомъ случаѣ, она можетъ образоваться не иначе, какъ изъ глу-

бокаго соображенія или свода естественныхъ наукъ, что предполагаетъ съ одной стороны богатство опытовъ, наблюденій, открытій, съ другой умѣнье подводить ихъ подъ одни и тѣ же начала бытія и дѣятельности. Перваго условія не доставало древнимъ мудрецамъ, которые такъ любили толковать о природѣ или «началѣ всѣхъ вещей;» другаго недостаетъ и понынѣ многимъ естествоиспытателямъ, которые не знаютъ, какъ сладить съ огромнымъ теперешнимъ запасомъ эмпирическихъ свѣдѣній. *Натуральная философія* Германцевъ XIX вѣка успѣла сдѣлать прекрасныя попытки въ сближеніи крайностей.

БЛАГО есть все то, что въ противоположность злу, *совершенствомъ* своимъ, т. е. сообразностію съ цѣлями, способствуетъ чувствующему существу въ ходѣ его жизни, уготовляя ему пріятности и довольство. Человѣкъ, какъ существо чувственное и вмѣстѣ духовное, искони стремился къ тому, что могло бы удовлетворять всѣ потребности многосторонней его природы, стремился къ прочному безскорбному состоянію. Идеалъ такого состоянія имѣлъ для него значеніе безусловнаго, самобытнаго, *верховнаго блага*, — такого, которое есть уже не средство къ чему-либо, а конечная цѣль желаній и стремленій. Гдѣжъ искать этого верховнаго блага? Въ непрерывномъ ряду чувственныхъ удовольствій, съ Епикуромъ? — Но они измѣнчивы и скоротечны; ихъ цѣна по обстоятельствамъ и отношеніямъ то возвышается, то упадаетъ, слѣд. есть совершенно относительная; они же сверхъ-того не питаютъ души. Въ духовномъ, сверхчувственномъ, нравственномъ порядкѣ жизни, съ Стоиками, Ригористами, Аскетиками, — въ исключительныхъ произведеніяхъ или дѣйствіяхъ разумнаго духа, каковы познаніе Истиннаго, Добраго и Изящнаго, безпредѣльное уваженіе къ симъ предметамъ для нихъ самихъ, великодушные помыслы, святыя желанія и водвореніе всѣхъ этихъ благъ въ человѣчествѣ? Правда, нравственное совершенство не зависитъ ни отъ какихъ посторонніхъ условій и удерживаетъ свою цѣну во всякихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ жизни, не ожидая ни удовольствія, ни выгодъ и будучи само себѣ наградою. Но эта высокая мораль, достойная духовъ безплотныхъ, чистыхъ и отвлеченныхъ, недоступна человѣку во временномъ, чувственномъ его состояніи, потому-что эгоизмъ или своевольство никогда не перестаетъ досаждать разуму неотразимыми своими притязаніями, плоть не перестаетъ воевать на духъ: пото-

му истины здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, должно искать на срединѣ, т. е. въ соединеніи крайностей. Такимъ образомъ надобно допустить, что чувственность и разумное хотѣніе въ существѣ или въ требованіяхъ своихъ одинаковы, что блага первой суть, въ то же время, и блага послѣдняго. Возможность ихъ соединенія основывается въ законномъ подчиненіи слабаго союзника (чувственности) сильному (разуму), образуемаго начала высшему, разумному, образующему: предметы земныхъ вожделѣній суть сосудъ, въ который вмѣщаются животворныя формы духа, получая отъ того опредѣленный кругъ дѣятельности во временномъ бытіи нашемъ. Своевольство само по себѣ слѣпо, неистово, а разумъ самъ по себѣ, съ высокими своими идеями и предчувствіями, не имѣетъ ни силы, ни средствъ осуществить ихъ; по этому онъ для полнаго удовлетворенія своего требуетъ, чтобъ и чувственность всѣми своими дѣйствіями и движеніями споспѣшествовала его видамъ. Въ этомъ случаѣ блага земныя получаютъ значеніе даровъ небесныхъ, къ которымъ прилѣпиться уже не грѣшно, и когда тѣ и другія въ совокупности даются человѣку, тогда онъ обладаетъ верховнымъ добромъ, котораго можетъ достигнуть во временной своей жизни и которое слѣд. состоитъ не въ особенномъ родѣ и не въ особенной степени тѣхъ, либо другихъ благъ, а только въ ихъ обширности или объемѣ. — Но опытъ удостовѣряетъ, что никто въ здѣшней жизни не достигаетъ верховнаго блага или совершеннаго самодовольства. Почему такъ? Это тайна вѣры. Мы знаемъ только, что наша жизнь есть безконечное развитіе; а всякое развитіе основывается на противоборствѣ положительныхъ и отрицательныхъ началъ, которое содержитъ ихъ въ безпрерывномъ движеніи, оттѣняя добро зломъ, радости печалями, и что наконецъ ограниченность человѣка и невозможность его дойти самимъ собою до обладанія верховнымъ благомъ заставляютъ его въ благоговѣйномъ безмолвіи предавать и жизнь свою и всѣ ея радости и страданія въ настоящемъ и надежды въ будущемъ всесвятой волѣ неисповѣдимаго Промысла.

БЛАГОВИДНЫЙ. Причины называются *благовидными*, когда представляютъ вещь если не достовѣрною, по крайней мѣрѣ правдоподобною, — цѣль, которая достигается, однакожъ, и посредствомъ однихъ уже предлоговъ, даже посредствомъ простыхъ уловокъ краснорѣчія. Оттого не всегда довѣряйте ораторамъ, если они усиливаются прикрасами своихъ

рѣчей весьма благовидно доказать то, къ чему хотятъ склонить насъ. Это часто значитъ не иное что, какъ — морочить слушателей.

БЛАГОВОЛЕНІЕ, см. *Благость.*

БЛАГОГОВѢНІЕ, см. *Благочестіе.*

БЛАГОДАРНОСТЬ. Отчего за благодѣяніе, которымъ, по видимому, памѣрены насъ обязать, весьма не охотно благодарятъ, а за другое, которое проистекаетъ только отъ сердца и не требуетъ отплаты, благодарятъ съ удовольствіемъ? Вѣроятно, оттого, что, въ первомъ случаѣ, чувство чести приводится въ отношеніе зависимости, которая порождаетъ отвращеніе, а во второмъ, сердце дѣйствуетъ симпатически и возбуждаетъ долгъ любви. Это справедливо; но столько же справедливо и противное. — Если за благодѣяніе не говорятъ *спасибо*, то дающій будетъ считать себя вправѣ воздерживаться отъ него въ другой разъ, по той естественной причинѣ, что благодѣяніе принимающему въ тягость, что онъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ и не благодаритъ по гордости. — Но какъ благодарность есть долгъ любви, подобно благодѣянію, то, кажется, пренебрегающій этимъ долгомъ не стоитъ и благодѣянія. — Можно сказать, что обѣ стороны и правы и неправы. Дающій неправъ, если нуждающемуся отказываетъ въ помощи по той причинѣ, что послѣдній не благодаритъ; это въ дающемъ предполагаетъ своекорыстіе; но онъ и правъ, потому-что неблагодарный заслуживаетъ свою участь и не можетъ дѣлать никакихъ притязаній на одолженія. Съ другой стороны, принимающій скажетъ; если ты мнѣ для того только дѣлаешь добро, чтобы я себя чувствовалъ одолженнымъ твоему великодушію, то моя честь уязвляется и я не могу отъ избытка сердца сказать тебѣ *спасибо.* Если-жъ ты даешь мнѣ безкорыстно, то къ чему требуешь отплаты? — Принимающій правъ въ томъ, что другому не слѣдуетъ ожидать воздаянія, но не правъ опять въ томъ, что дѣлаетъ упущенія по дѣламъ любви. — Вотъ, какъ здѣсь развязывается узелъ! Благодѣяніе, идущее отъ сердца, всегда порождаетъ и сердечную благодарность; это принадлежитъ къ симпатіи душъ, которая дѣлаетъ изъятіе развѣ у извергов. Вовсе негодно извиненіе, что благодарностію отплачивается одолженіе: ибо, если принимающій считаетъ это за обременительный для себя долгъ, то пускай онъ благодѣяніе отклоняетъ; если-жъ принимаетъ его, то долженъ говорить и *спасибо.* Если этого и не повелѣваетъ сердце, то

все же требуетъ долгъ справедливости и добродѣтели, — долгъ справедливости тѣмъ, что всякій, получающій чужое, непринадлежащее къ его собственности, не можетъ не признавать себя должникомъ, не можетъ и не благодарить; — долгъ добродѣтели тѣмъ, что еслибы неблагодарность сдѣлалась общимъ правиломъ, то благотворительность подъ-конецъ исчезла бы съ лица земли. Ни мало чести человѣка не противно чувствовать себя одолженнымъ другому. Долгъ любви къ ближнему и безъ того необходимо подавляетъ мой личный интересъ и благодарныя чувствованія не могутъ уменьшить этой цѣны, — они могутъ ее развѣ возвысить. Во всякомъ случаѣ, тотъ дурныхъ правилъ, кто не считаетъ одолженій заслуживающими благодарность.

Благодарность бываетъ разныхъ родовъ: 1) оказанныя услуги отплачиваются опять услугами же,— это *признательность*. Признательный пускай не думаетъ, что онъ, платя полученный долгъ, тѣмъ уже совершенно очищаетъ свою совѣсть. Ему всегда должно чадить чувство благотворителя и никогда не благодарить сурово, грубо. 2) *Своекорыстная благодарность* велерѣчива и непомѣрна; она приглашаетъ только къ большимъ благодѣяніямъ, сопрягаетъ съ излiяніями сердца безстыдную лесть, и если не видитъ новыхъ одолженій, то переходитъ въ неблагодарность. 3) *Пресмыкающаяся благодарность* обыкновенно встрѣчается тамъ, гдѣ раздаются великія и богатыя милости. 4) Говорятъ и о *прекрасной благодарности* къ покойникамъ, бывшимъ нашими наставниками, друзьями, благотворителями; она выражается тѣмъ, что мы частію воздвигаемъ имъ памятники, частію защищаемъ ихъ честь отъ нападеній злоязычія.

БЛАГОПОЛУЧІЕ, — (въ смыслѣ *безусловномъ* или *общемъ*) означаетъ прочное обладаніе совершенными, непзмѣняемыми благами безъ примѣси золъ, — рядъ наслажденій безъ примѣси скорбей, словомъ, такое состояніе души, въ которомъ всѣ ея желанія удовлетворены. Объ этомъ Благополучіи на землѣ мы знаемъ только по-наслышкѣ отъ поэтовъ и изъ философскихъ Утопій. Съ насъ довольно, если мы счастливѣе многихъ другихъ, счастливѣе даже сами теперь, нежели были прежде, именно потому, что наслажденія наши имѣютъ перевѣсъ надъ страданіями.

Въ чемъ не состоитъ это сравнительное или относительное Благополучіе? Въ чемъ оно состоитъ? И гдѣ должно его сколько искать, столько же и не искать?

1) Благополучіе не состоитъ въ

чувственныхъ благахъ, подъ которыми разумѣемъ мы и удовлетвореніе животныхъ потребностей и эстетическія удовольствія, доставляемыя намъ созерцаніемъ изящныхъ произведеній природы и искусства. Всѣ они скоротечны, особливо грубѣйшія изъ нихъ, и могутъ занимать весьма незначительную часть сутокъ; чѣмъ чаще мы ихъ вкушаемъ, тѣмъ равнодушнѣе къ нимъ становимся; только новизна ихъ освѣжаетъ душу; жажда усиленныхъ наслажденій притупляетъ вкусъ ко всѣмъ прочимъ; и какъ прихоти рѣдко состоятъ въ нашей власти, то большая часть нашего времени дѣлается пустою, скучною, и ревностные искатели удовольствій всего чаще обманываются жестокимъ образомъ въ своихъ ожиданіяхъ: природа провела черту, за которою сладкое становится горькимъ.

2) Благополучія напрасно мы ищемъ и въ беззаботной жизни. Это состояніе обыкновенно сопровождается унынiемъ, ипохондріей. Вотъ почему оно рѣдко соотвѣтствуетъ ожиданіямъ того, кто покидаетъ свою службу, контору, каѳедру, свѣтъ, чтобы найти спокойствіе въ уединеніи и въ праздныхъ созерцаніяхъ. — Гдѣ извѣстна уже внѣшняя причина тягостнаго положенія, тамъ, устранивъ ее, вы избавляетесь и отъ гибельныхъ ея дѣйствій. Но мнимому горю, которое чувствуютъ люди, при недостаткѣ горя существеннаго, пособить очень трудно. Оттого для иныхъ можетъ быть полезна небольшая досада, напрягающая вниманіе, и другія умѣренныя волненія души, напр. споръ, тяжбы, домогательство мѣста. Этимъ же объясняется и пристрастіе къ игрѣ у людей достаточныхъ и независимыхъ.

Благополучіе не состоитъ 3) и въ знатности, въ высокихъ чинахъ и званіяхъ, въ почестяхъ. Мы не отъ того бываемъ счастливѣе, что судьба поставила насъ выше многихъ другихъ, а отъ того, что намъ лучше, нежели нашимъ сверстникамъ. Превосходство лестно только надъ равными намъ. Это, очевидно, можетъ существовать вездѣ, гдѣ только вкрадывается совмѣстничество, а совмѣстничество существуетъ во всѣхъ классахъ гражданъ. Предметъ соревнованія, достоинство или важность его не дѣлаютъ тутъ разницы: насъ тѣшитъ не то, что мы имѣемъ, а то, чего у насъ болѣе, нежели у другаго. Философія смѣется презрѣнію, съ какимъ богачъ или вельможа говоритъ о мелочномъ честолюбіи бѣдняка, какъ будтобы и правила и наслажденія не были обоимъ общи. Но всегда ли умны домогательства честолюбца, всегда ли они служатъ

ему въ пользу, или во вредъ? — Это совсѣмъ иной вопросъ, на который отвѣчать не легко. Удовольствіе отъ успѣха есть самое совершенное, самое чувствительное, живое; но таковы же точно и заботы ищущаго и муки отъ неудачи; а что и того хуже — удовольствіе кратковременно.

Въ чемъ же состоитъ Благополучіе? Для насъ въ жизни весьма важно напередъ знать, что̀ можетъ намъ нравиться, какого рода предстоятъ намъ удовольствія, и хорошо ли, или худо мы понимаемъ свои нужды. Выборъ тутъ оправдывается и повѣряется успѣхомъ. Только знаніе это труднѣе, чѣмъ многіе думаютъ. Иногда на повѣрку выходитъ совсѣмъ не то, чего мы ожидали, а въ другую пору возникаютъ удовольствія отъ случаевъ и встрѣчъ непредвидѣнныхъ.

По первоначальной разности во вкусахъ, по способностямъ и тѣлосложенію, по привычкамъ и модѣ невозможно начертать плана Благополучія для всѣхъ и каждаго; можно утвердительно сказать только, что предубѣжденіе остается въ пользу тѣхъ состояній жизни, въ которыхъ люди самодовольнѣе; другаго, лучшаго мѣрила для оцѣнки благоденствія мы не имѣемъ.

На основаніи этихъ мыслей мы полагаемъ, что Благополучіе состоитъ:

Во-первыхъ, въ здоровьи, подъ которымъ надобно разумѣть не только свободу отъ тѣлесныхъ болѣзней, но и веселость или бодрость духа. — Благополучіе состоитъ *во-вторыхъ*, въ угожденіи общежитнымъ склонностямъ, — супружескимъ, родительскимъ, дружественнымъ, — есть также удовольствіе, проистекающее отъ дѣлъ милосердія, отъ безмездныхъ одолженій, совѣтовъ, послугъ.

Третья, главная часть человѣческаго благополучія, состоитъ въ многоразличномъ упражненіи нашихъ способностей, тѣлесныхъ и душевныхъ, въ преслѣдованіи какой-либо интересной цѣли. Доказано, что никакой избытокъ наслажденій не можетъ сдѣлать насъ счастливыми, развѣ мы будемъ имѣть впереди что-либо такое, чего намъ должно еще надѣяться. Какъ веселонравны одни, занятые какимъ-нибудь интереснымъ дѣломъ, и какъ унылы другіе, которые либо родились уже такъ счастливыми, что ни въ чемъ не нуждаются, либо слишкомъ рано отжили свои красные годы, — испили чашу наслажденій до дна! Словомъ, мы счастливы, когда умъ нашъ озабоченъ, и злополучны, когда мысли наши бродятъ въ иномъ кругу, а не въ томъ, въ которомъ онѣ призваны нами на служеніе.

Величайшая наука быть благопо-

лучнымъ состоитъ въ умѣньи управлять своими привычками такъ, чтобы всякая перемѣна могла служить къ лучшему. Самыя привычки большею частію одинаковы: то, съ чѣмъ мы давно и коротко ознакомились, дѣлается уже слишкомъ легкимъ и пошлымъ и теряетъ половину прежнихъ естественныхъ прелестей. Не трудно и возвращеніе къ старой привычкѣ, какого бы рода она ни была. Выгода на сторонѣ тѣхъ людей, которые отъ своихъ привычекъ отставать могутъ.

Наконецъ, намъ нельзя не спросить самихъ себя: въ какой мѣрѣ нравственность или добродѣтельная жизнь способствуетъ Благополучію человѣческому? Любовью къ добру, какъ извѣстно, мы непосредственно интересуемся; она радуетъ сердце, которое охотно забываетъ себя въ счастіи ближняго; ощущеніе внутренней чести переходитъ въ отрадное самочувствіе; стыдъ и раскаяніе мучатъ человѣка, подобно враждебнымъ демонамъ; отъ ихъ наважденія можно избавиться только исполненіемъ своихъ обязанностей, чтобъ имѣть причину уважать самого себя; чувство довольства или внутренняго мира посѣщаетъ насъ всякій разъ, когда совѣсть даетъ намъ свидѣтельство въ томъ, что мы въ борьбѣ съ искушеніями удачно подвизались, и сдѣлали свое дѣло; наконецъ, сдѣланное нами добро вынуждаетъ почтеніе даже у злодѣевъ, которые могутъ насъ погубить, но не могутъ презирать. Слѣдственно добродѣтель и въ отношеніи къ Благополучію имѣетъ выгоды предъ порокомъ, который, какъ-бы хитро ни дѣйствовалъ — подъ конецъ все-таки наказывается болѣзнями, убожествомъ, опасеніями, тоскою, презрѣніемъ отъ себя и отъ людей.

Но не надобно полагаться на честное слово тѣхъ добродушныхъ моралистовъ, которые увѣряютъ, что лучшій изъ людей всегда въ сердцѣ своемъ есть и благополучнѣйшій. О блаженствѣ конечныхъ существъ, которыя, поступая совершенно безкорыстно, наслаждались бы за то и полнотою бытія безъ нужды и горя, мы столь же мало знаемъ, сколь твердо съ другой стороны увѣрены въ томъ, что жизнь человѣческая состоитъ въ безпрерывной смѣнѣ радостей и печалей, желаній и обмановъ, надеждъ и отчаянія, что наслажденія всегда приправляются предшествующими лишеніями. Безумецъ же тотъ, кто хочетъ содѣлаться счастливѣйшимъ изъ смертныхъ или ожидаетъ блаженства единственно отъ своей мудрости и добродѣтели. —

Таково значеніе Благополучія въ жизни! Чтожъ касается его значенія въ наукѣ; то см. статью *Эвдемонія.*

БЛАГОПРИЛИЧІЕ, благопристойность, заключаетъ въ себѣ сумму нашихъ движеній, дѣйствій, рѣчей, пріемовъ, поступковъ и нравовъ какъ вообще, такъ и въ отдѣльныхъ отношеніяхъ. Мы въ понятіяхъ своихъ о томъ, что благопристойно и что непристойно, руководствуемся сколько *условными* постановленіями извѣстныхъ людей или обществъ, столько же и тѣмъ, что *существенно* основано на самой природѣ человѣка и на отношеніи его къ подобнымъ себѣ тварямъ. Есть у людей мнѣнія о томъ, что по наружности принадлежитъ къ благопристойію, что въ пріемахъ, въ выраженіи мыслей, въ обращеніи съ другими, въ одѣяніи, въ чествованіяхъ слыветъ чиннымъ; они столько же различны, какъ климатъ, образъ правленія, обычаи народовъ. Тѣ же самыя положенія, движенія и покровы тѣла, тѣ же самыя фразы и привѣтствія, которыя у одного народа оскорбляли бы добрые нравы, свято наблюдаются у другаго. За всѣмъ тѣмъ благопристойность отнюдь не основывается на однихъ только случайныхъ и измѣнчивыхъ понятіяхъ и мнѣніяхъ, подобно модѣ и формамъ вѣшней жизни. а) Человѣческое уже тѣло, природная его выправка, выразительное его лице, стройные его члены, особенное образованіе рукъ, — какъ всѣ эти дары природы, представляемые въ высочайшемъ совершенствѣ, одни способны, во всемъ видимомъ твореніи, являть намъ идеальные лики боговъ; такъ они извѣстнымъ образомъ составляютъ уже и правило *тѣлеснаго благоприличія* вообще, въ описаніи котораго и встрѣчаются между собою Поэты, Ораторы и Біографы всѣхъ временъ, если хотятъ изобразить въ нихъ что-нибудь благородное и чинное. Какой живописецъ смѣлъ бы представить Аполлона или Венеру въ согбенномъ положеніи, съ принужденною поступью, съ повислою головой, или старца безъ покрововъ? b) Еще же опредѣлительнѣе благопристойность въ *умственномъ* и *нравственномъ* отношеніи. Все, въ чемъ оказываются низкія и грубыя чувствованія, невниманіе къ людямъ вообще и къ особеннымъ отношеніямъ, въ какихъ каждый живетъ,— высокомѣрное пренебреженіе введенными обычаями, преобладающій эгоизмъ, который печется только о своихъ цѣляхъ и наслажденіяхъ,— это во всякихъ видахъ болѣе, чѣмъ неблагопристойно. Какъ скоро овладѣваетъ человѣкомъ какая-либо низкая склонность или страсть, онъ всегда находится въ опасности оскорбить и благоприличіе, чего никогда не можетъ встрѣтиться ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ съ прямымъ и нѣжнымъ чувствомъ

нравственнымъ, особливо если къ тому присоединяется тонкій тактъ для всѣхъ отношеній мѣста, времени и лицъ, для всѣхъ отношеній пола, возраста и званія. Такъ мы многое извиняемъ людямъ, отъ которыхъ не ожидаемъ высокаго образованія и находимъ въ ихъ рѣчахъ и пріемахъ болѣе неловкаго, чѣмъ невѣжливаго; но требованія совершенно благопристойнаго поведенія бываютъ тѣмъ строже, чѣмъ болѣе мы въ правѣ ожидать хорошаго воспитанія. Эта уже одна мысль, что мы ожидаемъ его, обуздываетъ въ большомъ свѣтѣ порывы строптивости. Для людей большаго свѣта тѣмъ страннѣе кажется, если члены сословія, которое хвалится высочайшимъ образованіемъ ума, выходятъ изъ границъ, и взаимными ожесточеніями, бранью, мужицкими шутками доказываютъ публикѣ, какъ далеко еще отстали они отъ людскости. Если эти выходки мы извиняемъ примѣрами впрочемъ людей съ дарованіями, съ крѣпкимъ характеромъ и заслугами, то здѣсь мы забываемъ, что эти же самые люди значили бы гораздо болѣе, если бы умѣли соединять силу съ важностію, суровость со вкусомъ, и если бы приносили жертвы не мудрости только и добродѣтелямъ, но и граціямъ. — Наконецъ с) и къ *публичнымъ представленіямъ, празднествамъ, выставкамъ*, понятіе Благоприличія имѣетъ свое приложеніе, оказываясь тутъ въ сообразности съ цѣлію, въ правильномъ отношеніи къ имѣющимся средствамъ, во вкусѣ при ихъ употребленіи, чѣмъ и отличается отъ простой *чрезмѣрности*, отъ пустаго или мелочнаго *блеска* и отъ *огромныхъ* затѣй *роскоши*. —

Есть и наставленія о чинномъ обращеніи съ людьми, заимствуемыя то изъ морали, то изъ политики; но они не столько помогаютъ (именно тому, кто родился уже неуклюжимъ, либо *рохлей*), сколько ранняя привычка, тѣлесное образованіе, а особливо подражаніе тѣмъ лицамъ, которыя могутъ служить образцами умѣнья жить въ свѣтѣ.

БЛАГОПРІОБРѢТЕННОЕ, см. *Пріобрѣтеніе*.

БЛАГОРАЗУМІЕ. Чѣмъ болѣе человѣкъ упражняетъ свой *умъ* въ обработаніи и устроеніи житейскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе онъ и *умѣетъ* правильно опредѣлять относительную цѣну и важность своихъ цѣлей, а равно и пригодность средствъ, которыя употребляетъ для ихъ достиженія. Безъ такого *практическаго* разсудка, безъ такого *благоразумія* онъ не можетъ поступать согласно съ самимъ собою, не можетъ постоянно и съ вожделѣннымъ успѣхомъ дѣйство-

вать какъ для себя, такъ и для другихъ. Въ значеніи а) болѣе ограниченномъ, частномъ, Благоразуміе относится только къ тѣмъ должностямъ, которыя касаются собственнаго состоянія нашего, а именно, къ чинному поведенію, къ скромности въ отзывахъ, къ хорошему хозяйству, къ рѣшительности въ выборѣ, къ осторожности въ приступахъ. Но когда въ особенности говорятъ b) о благоразуміи *свѣтскомъ*, даже *политическомъ*, тогда разумѣютъ подъ нимъ, основанное на короткомъ познаніи людей, искусство достигать своихъ цѣлей чрезъ вліяніе на другихъ, — чѣмъ сплошь производитъ въ общежитіи гораздо болѣе, нежели посредствомъ власти. Но, разумѣется, что тутъ часто ему приходится совлекаться съ собственнаго своего характера, измѣнять принятымъ своимъ правиламъ и мнѣніямъ и подчинять себя чужому руководству, — на счетъ и своей нравственности, на счетъ и благосостоянія ближнихъ. Да; въ противоположеніи съ *мудростію* (см. это слово), которая всегда направлена къ нравственно-доброму, и потому требуетъ, чтобы какъ цѣли, нами предполагаемыя, такъ и средства къ тому были благія, или по крайней мѣрѣ позволительныя, благоразуміе Оронтовъ о томъ не спрашиваетъ; оно можетъ имѣть и злые умыслы, либо избирать предосудительныя мѣры для похвальныхъ, даже, цѣлей, тогда-какъ добросовѣстные простаки, часто слишкомъ разборчивы и мнительны въ выборѣ средствъ, даже для самыхъ благонамѣренныхъ начинаній. Такова, однакожъ, точно и есть исторія всѣхъ, такъ называемыхъ, свѣтскихъ хитрецовъ; они сами только на себя смотрятъ, какъ на лица, на всѣхъ же прочихъ людей какъ на вещи, которыя они употребляютъ для своихъ ближайшихъ, либо отдаленныхъ видовъ, и которыя покидаютъ, какъ скоро онѣ оказываются для нихъ безполезными. И мораль, послѣ этого, заставляютъ быть теоріей благоразумія? И это свѣтское благоразуміе считаютъ главнѣйшею добродѣтелью гражданской жизни? Нѣтъ; мы, напротивъ, думаемъ, что оно есть главнѣйшій порокъ ея. — Ибо, пускай всякій изъ насъ будетъ свѣтскимъ хитрецомъ, — что вышло бы изъ этого? Притомъ же исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ свидѣтельствуетъ, что прямо, т. е. нравственно-великіе мужи никогда и не старались и не умѣли играть роль свѣтскихъ хитрецовъ, именно потому, что болѣе имѣли въ виду чужое благо, нежели свое собственное. «Но, не ужъ-то отнюдь не дозволяется» похитрить, — даже тогда, когда и предполагалась бы и моглабъ достигнута быть бла-

городная цѣль? На это мы отвѣчаемъ: прямая, высокая душа никогда не будетъ имѣть нужды прибѣгать къ увертками, а всегда будетъ оказываться такою, какова есть, даже тамъ, гдѣ предвидитъ непріятности. Благоразумію вообще должна предшествовать, или, лучше сказать, служить опорой, чистая мораль, основывающаяся на твердой увѣренности, что мы живемъ въ нравственномъ, священномъ порядкѣ вещей, что въ отношеніи къ нему пускай состоятъ всѣ способности и силы человѣческой природы и что на сей конецъ требуются еще искусство и навыкъ, подчинять все другое высочайшему идеалу жизни, состоящему въ томъ, чтобъ мы были «мудры, яко зміи, и цѣли, яко голуби» словомъ сказать: въ *цѣломудріи*.

БЛАГОРОДСТВО, а) въ первоначальномъ, т. е. физическомъ значеніи прилагается ко всѣмъ тѣмъ существамъ, которыя въ своемъ родѣ превосходны или отличны; такъ мы говоримъ о благородныхъ металлахъ, овощахъ, животныхъ. И b) въ Эстетикѣ говорится о *благородномъ комическомъ*, въ противоположность *низкому*. Когда c) въ Антропологіи зрѣніе и слухъ называютъ *благородными чувствами*, то этимъ хотятъ означить, что они не только служатъ преимущественно для познанія вещей, но играютъ еще главную роль и въ языкѣ и способствуютъ къ доставленію эстетическихъ удовольствій. Наконецъ, что касается d) до Морали, то она превозноситъ только *благородство души*, котораго черты слѣдующія:

Сила всегда имѣетъ въ себѣ что-то суровое. Въ ней выражается истинное, но не выражается прекрасное. Такого же рода и крѣпость характера; она строга, грозна; но гдѣ смягчаема бываетъ прелестью и нравственною граціей, тамъ мы называемъ ее *благородствомъ души*, которое столько же возвышенно надъ ея крѣпостію, сколько изящное возвышено надъ истиннымъ, милость надъ правомъ, чувство надъ понятіемъ. Существенныя составныя части этого нравственнаго идеала суть всеобщее благоволеніе, безкорыстіе и миролюбіе.

Въ свѣтѣ, въ которомъ столько другъ другу поперечащихъ причинопобужденій стѣсняютъ рѣшимость, человѣкъ безъ руководства и предостереженій, можетъ дѣлать много погрѣшностей и проступковъ. Крѣпкая душа судитъ ихъ строго, даже караетъ; душа благородная будетъ при сужденіи ближняго употреблять другое мѣрило и — прощать. Если твердый характеръ прямо нападаетъ на злаго человѣка и опрокидываетъ его; то

душа прекрасная будетъ и тутъ любить человѣка въ самомъ злѣ, и не перестанетъ дѣлать попытокъ къ исправленію заблудившагося. Она повелѣваетъ щадить тамъ, гдѣ первая готова сокрушать. И въ пылу сраженія долженъ истекать тихій свѣтъ изъ очей доблестнаго вождя; и если высшая цѣль требуетъ человѣческихъ жертвъ, то пускай она, какъ можно менѣе, постигаетъ невинныхъ. Тутъ обнаруживаются прекрасныя черты характера, въ которыхъ благородная душа отсвѣчиваетъ свои небесныя прелести: храбрость возвышается до великодушія и здѣсь только лавры героя бываютъ неувядаемы. Кто любитъ еще человѣчество и въ своемъ врагѣ, кто благотворитъ своему гонителю: тотъ исполненъ благородныхъ помысловъ. Къ другу привязываетъ насъ склонность, которая сама уже собою будетъ приносить жертвы, отъ врага же отвращаетъ насъ ненависть, слѣд. та душа должна быть совершенно проникнута высокими нравственными правилами, которая на дѣлѣ и охотно исполняетъ тягостный долгъ — любви къ своимъ зложелателямъ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ, въ филос. смыслѣ, есть вообще = плодъ трудовъ. Богъ *благословляетъ* человѣка — значитъ, что Онъ вѣнчаетъ вожделѣннымъ успѣхомъ благія его начинанія, которыя и приносятъ обильные плоды какъ для него, такъ и для другихъ. Тутъ-то, чувствуя удовольствіе или радость отъ своего благосостоянія, не можетъ и человѣкъ, съ своей стороны, не *благословлять* опять Подателя благъ, т. е. не можетъ не хвалить, не прославлять Его въ признательномъ обращеніи къ Нему своихъ мыслей и сердца. — Что все зависитъ отъ Божія благословенія — это несомнѣнная истина. Но еслибъ мы пребывали въ бездѣйствіи, то Богу нечего было бы и благословлять въ насъ. Итакъ, *молись* и вмѣстѣ *трудись*. — Справедливо ли дѣтей называютъ Божіимъ благословеніемъ? Справедливо; но если родители не радѣютъ объ этомъ благословеніи, худо воспитывая своихъ дѣтей, то подобное благословеніе весьма легко обращается — въ *проклятіе*. —

БЛАГОСОСТОЯНІЕ. Мы любимъ не только жить, но и жить, по возможности, хорошо. Это стремленіе глубоко запечатлѣно въ нашей природѣ и удовлетвореніемъ его мы никого не обижаемъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ точно такое же право наживать извѣстный достатокъ, какъ и пріобрѣтать собственность вообще, которая служитъ средствомъ къ продолженію нашего существованія. Вотъ почему споспѣшествованіе благоденствію всѣхъ и каждаго заключается, безъ

сомнѣнія, и въ обязанностяхъ и вмѣстѣ въ правахъ государства, которое въ устроеніи общаго благосостоянія находитъ и свой собственный интересъ. Ибо не въ той ли только мѣрѣ будетъ оно имѣть болѣе способовъ и силъ къ защищенію себя отъ внѣшнихъ враговъ, а во внутреннемъ своемъ управленіи къ разнымъ полезнымъ заведеніямъ, въ какой граждане его зажиточнѣе, а съ тѣмъ и способнѣе дѣлать богатыя пожертвованія на общественныя нужды? Чтожъ касается до условій народнаго благоденствія, то оно процвѣтаетъ a) при внѣшней безопасности и внутреннемъ спокойствіи, b) при умѣренныхъ налогахъ, потому-что неномѣрные рѣшительно подрываютъ благосостояніе, развѣ только нужда — опасность для существованія государственнаго общества — заставитъ сдѣлать изъятіе изъ правила, c) при безпрепятственномъ употребленіи силъ каждаго, при свободѣ промышлености и свободѣ сношеній, отъ которыхъ зависитъ наибольшая производительность, подобно какъ отъ этой производительности вожделѣнное благосостояніе, потому-что чѣмъ болѣе кто-либо самъ трудится, тѣмъ болѣе онъ и потреблять можетъ; наконецъ, d) при устраненіи правительствомъ причинъ, препятствующихъ успѣхамъ земледѣлія и промысловъ, если такое устраненіе превышаетъ силы частныхъ людей. Разумѣется, что оно будетъ тутъ дѣлать столько, сколько вообще можетъ что-либо дѣлать въ пользу одного класса гражданъ безъ обиды прочимъ. (Срав. *Богатство*.)

БЛАГОСТЬ, — благоволеніе, доброхотство, доброжелательство, добросердечіе — располагаетъ прекрасную душу, не только къ охотному признанію похвальныхъ сторонъ другаго, но и къ извиненію его слабостей, недостатковъ, погрѣшностей, даже такихъ, которыми онъ насъ оскорбляетъ. Идеалъ ея есть благость Творца, отчуждающая себя въ тваряхъ, которымъ Онъ удѣляетъ извѣстную часть своихъ божественныхъ совершенствъ, — разумѣнія, свободы и блаженства, и о которыхъ не перестаетъ милосердствовать. Въ человѣкѣ это богоподобіе есть, съ одной стороны, даръ природы и счастливаго тѣлосложенія, съ другой, плодъ воспитанія. Оно обнаруживается въ разныхъ дѣйствіяхъ великодушной любви, которая не только терпитъ ближняго въ такомъ видѣ, каковъ онъ есть, не дѣлаетъ ему того, чего не хочетъ отъ него себѣ, щадитъ его права, даже смягчаетъ наказанія, присуждаемыя ему закономъ, но и принимаетъ дѣятельное участіе въ истинныхъ его страданіяхъ, готово въ

благонамѣренныхъ его начинаніяхъ помогать ему дѣломъ, услугами, совѣтами, ходатайствомъ, - готово тѣшить его радушьемъ, хлѣбосольствомъ, или вообще привѣтливостію, которая бываетъ сколько приторна и обманчива, столько же всегда и пріятна, потому-что дышитъ все-таки людскостію, т. е. оказываетъ, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ сану человѣческому. Но «царственная» эта добродѣтель близко граничитъ съ слабостію, которая въ домашнемъ, особливо же въ политическомъ быту, потворствуетъ порокамъ, прикрывая какъ ихъ, такъ и самую себя благовидными, часто жалкими предлогами и дѣлаясь жертвою обмана. Ибо благость отнюдь не исключаетъ, она даже требуетъ извѣстной крѣпости воли или силы характера, — разумѣется, не того героизма, который проявляется въ блестящихъ подвигахъ, а того практическаго здравомыслія, которое почерпается изъ надлежащаго взгляда на дѣла житейскія и изъ знакомства съ человѣческимъ сердцемъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ принадлежитъ къ такъ называемымъ несовершеннымъ должностямъ, потому-что строгое право ни предписываетъ, ни возбраняетъ благотворительности, хотя мораль государственная можетъ при случаѣ напоминать о томъ каждому гражданину. Если человѣкъ обязанъ всѣми возможными средствами быстро стремиться къ цѣли своего бытія, и если люди нуждаются другъ въ другѣ для успѣховъ взаимнаго усовершенія и счастія; то помогать ближнему есть долгъ людскости, такъ какъ ожидать и отъ нихъ вспоможенія есть право человѣка, живущаго въ благоустроенномъ обществѣ, котораго механизмъ поддерживается законами справедливости, а внутренняя, органическая жизнь одушевляется дѣлами любви. Но ни одинъ поступокъ человѣка не имѣетъ столь разнородныхъ и столь двусмысленныхъ причинопобужденій, какъ благотворительность. Благотворятъ изъ хвастовства; благотворятъ для того, чтобы пожать благодарность или закабалить одолжаемаго; благотворятъ, удѣляя бѣднымъ крупицы, падающія отъ богатой трапезы, что не стоитъ ни малѣйшей жертвы; благотворятъ изъ своекорыстныхъ видовъ, мѣтя *напр.* на богатое наслѣдство и т. п. — Всѣ такія лженименныя, фарисейскія дѣла милосердія никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми истинными благодѣяніями, которыя внушаются долгомъ любви съ рѣшительною мыслію, помогать безъ всякаго своекорыстія и тщеславія, которыя ни требуютъ отплаты, ни обязываютъ другаго, а дѣлаютъ добро

«правою рукою безъ-вѣдома лѣвой.» Слеза благодарности готовится въ тишинѣ скромному дателю. Это священный союзъ между богатствомъ и бѣдностію. Пускай сердца сблизятся, а это и бываетъ лишь тогда, когда дающій не хочетъ ни пожинать благодарности, ни порабощать нуждающагося, когда онъ даже самъ умоляетъ, чтобы его дарами не погнушались. Если благодѣяніе порождаетъ въ другомъ зависимое чувство, то получающій отчуждаетъ болѣе, нежели дающій, именно онъ отчуждаетъ часть своей самостоятельности, а этотъ только достояніе, безъ котораго легко обойтись можетъ. Признательность, которая обязываетъ себя, есть такая цѣнность, которая процентами превышаетъ капиталъ. Человѣкъ съ нѣжнымъ чувствомъ убѣдится, что тотъ, кто благотворитъ въ чаяніи возмездія, требуетъ отъ другаго болѣе, нежели чего стоютъ дары. Прямое честолюбіе не охотно принимаетъ благодѣянія; оно само избираетъ себѣ дателей, не желая быть одолженнымъ всякому встрѣчному и поперечному, и мы должны признаться, что бѣднякъ, отвергающій дары богача, вынуждаетъ у насъ тайное уваженіе. Берегитесь же навязывать свои благодѣянія, такъ какъ берегитесь и одолжаться безъ нужды. Благотворительность — щекотливое дѣло. Богачъ пускай сдѣлаетъ бѣдняка своимъ другомъ; даръ пускай будетъ узломъ, скрѣпляющимъ сердечныя отношенія между однимъ, кто много имѣетъ, и другимъ, у кого нѣтъ ничего. Если богачъ упускаетъ это изъ-виду, то никогда не наживетъ друга. Доброе сердце болѣзнуетъ съ страждущимъ; и какъ всякій въ нуждѣ помогалъ бы самъ себѣ, такъ долженъ онъ помогать и другому «любя ближняго, какъ самого себя.»

У сильныхъ и знатныхъ благодѣяніе слыветъ милостію. Странное дѣло! Именно тамъ, гдѣ благодѣяніе всего менѣе стоитъ жертвъ, льстецы даютъ ему самое пышное названіе. Никогда благодѣяніе не можетъ быть милостію: иначе бѣднякъ, жертвующій послѣднею копѣйкою, чтобы помочь другому въ нуждѣ, былъ бы величайшимъ милостивцемъ въ свѣтѣ, потому-что въ немъ-то сильно и живо дѣйствуетъ любовь. — Порицаютъ людей, которые щедры не по достатку и готовы, какъ говорится, отдать рубашку съ тѣла. Напрасно: если мораль научаетъ насъ позабывать о самосохраненіи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чужомъ благѣ; то почему должно ей болѣе щадить нашу собственность? На такихъ благодѣяніяхъ почіетъ благословеніе небесное. Какъ они изливаются изъ сердца, такъ опять и

досягаютъ въ сердце же и дѣйствуютъ обратно на дающаго. Когда такой другъ человѣчества въ бѣдѣ, тогда всѣ спѣшатъ ему на помощь, потому-что онъ только одинъ наживаетъ усердныхъ приверженцевъ.

Не худо составлять себѣ заблаговременно извѣстныя правила для цѣлей благотворительности: ибо доброе именно сердце, которое такъ охотно исполняетъ долгъ любви, расточаетъ много такого, что можно было бы употребить гораздо лучше. Часто малыми средствами удается производить много, такъ какъ и большими мало. Эти правила слѣдующія:

1) *Отыскивайте тѣхъ, которые страдаютъ въ тиши и стыдятся нищенствовать.* Честолюбіе не хочетъ признать своей нужды, а между-тѣмъ все становится труднѣе переносить ее. Тутъ слѣдуютъ несчастіе за несчастіемъ, горе за горемъ; силы изнемогаютъ, семейство гибнетъ, если не находитъ помощи. Здѣсь-то другъ человѣчества на своемъ мѣстѣ; здѣсь-то пускай онъ явится и проситъ, чтобъ его даровъ не отринули; здѣсь-то проливается и слеза благодарности отъ чистаго сердца;

2) *Прекрасно благотворитъ тотъ, кто поддерживаетъ учебныя заведенія* и поощряетъ дарованія бѣдныхъ, но благонадежныхъ юношей. Конечно, другъ человѣчества не пожинаетъ того, что здѣсь сѣетъ; за то благотвореніе его тѣмъ безкорыстнѣе. Кто на старости еще садитъ деревья, тотъ имѣетъ въ виду не свое собственное благо, а благо будущихъ поколѣній;

3) *Благотворимъ завѣщаніями.* Бездѣтные богачи не могутъ лучше употреблять своего богатства, какъ назначая фундуши для полезныхъ заведеній. Но, къ сожалѣнію, любовь въ нихъ столь мертва, что они не помышляютъ о бѣдности и о высшихъ цѣляхъ общественной жизни, а отказываютъ свое имущество любимцамъ своимъ, льстецамъ — и наложницамъ;

4) *А богоугодныя заведенія, странноприемные домы, монастыри, богодѣльни, больницы?* Государство, по естественному праву, обязано имѣть попеченіе о бѣдныхъ, больныхъ, о сиротахъ, вдовахъ и умалишенныхъ и открывать для нихъ благотворные пріюты. Здѣсь-то пунктъ, на которомъ правда и милость встрѣчаются; здѣсь-то съ юридическими отношеніями государство соединяетъ еще любовь и отеческую заботливость.— Гдѣ недостаетъ собственныхъ его силъ и способовъ, тамъ пускай стекаются приношенія частныхъ лицъ въ сокровищницу человѣколюбивыхъ обществъ. Если уже уч-

реждены кассы для бѣдныхъ, то онѣ заслуживаютъ высочайшее покровительство государственныхъ властей. Права, привилегіи, монополіи, если онѣ уже не соотвѣтствуютъ духу времени, могутъ быть уничтожаемы; но богоугодныя заведенія, какъ священныя убѣжища, открываемыя человѣколюбіемъ, — никогда;

5) *Милостыня.* Нѣтъ сомнѣнія, что нищенство состоитъ въ связи съ праздполюбіемъ. Ничто такъ не возмущаетъ нашего чувства, какъ видъ здороваго человѣка, который не совѣстится просить подаянія. Люди, которые осаждаютъ насъ на улицахъ и дорогахъ, въ церквахъ и на рынкахъ, глубоко упали. Еще же болѣе достойны сожалѣнія дѣти, которыхъ пускаютъ родители по-міру съ нужными наставленіями. Первое, чему они научатся, это — ложь «что они, де, сироты, или что больная мать ихъ не ѣла трои сутки.» Если удается ложь, то они дѣлаютъ шагъ къ воровству и наконецъ погрязаютъ въ порокахъ. Спрашивается: можно ли тутъ подавать милостыню и тѣмъ питать праздность и развратъ? Избави Богъ! Но, если правда то, что сказалъ малютка, что онъ проситъ для бѣдной, больной матери, — не показались ли бы мы жестокосердыми людьми въ собственныхъ своихъ глазахъ, если бы не сотворили святой милостыни? Не лучше ли дать что-нибудь десятерымъ негодяямъ, чѣмъ отогнать отъ себя одного, истинно нуждающагося? Тутъ пускай всякій войдетъ въ судъ съ своею совѣстью. Но другъ человѣчества не можетъ видѣть предъ собою страждущаго лица.— Тѣмъ, что мы беремъ, мы только обогащаемъ свой кошелекъ, а тѣмъ, что даемъ, обогащаемъ свое сердце. — Но сверхъ случаевъ, въ которыхъ милостыни могутъ доставаться тунеядцамъ и негодяямъ, есть случаи, которые не оставляютъ насъ въ неизвѣстности. Престарѣлые, дряхлые, увѣчные, своею ли или чужою виною дошли они до горькаго нищенства, сами уже по себѣ имѣютъ естественное притязаніе на сердоболіе наше. — Впрочемъ, все надобно признаться, что благотворительность имѣетъ свои границы. Прежніе монастыри, именно Западной Европы, много кормили всякой сволочи, которая, привлекаемая ежедневными подаяніями, предавалась лѣности и отнимала руки у земледѣлія и промышленности. Такъ цѣли благотворительности часто обращаются во зло. Оттого лучшія заведенія тѣ, въ которыхъ подаянія соединяются — съ работой.

БЛАГОЧЕСТІЕ есть умилительное состояніе вѣрующей души; оно проистекаетъ отъ тѣхъ не-

земныхъ помысловъ, чувствованій и занятій или *благихъ дѣлъ*, которыми имя Божіе *чествуется*. — Гдѣ только преобладаетъ живительный духъ истиннаго, Христіанскаго благочестія, очищеннаго отъ тлетворнаго ханжества, жалкаго суевѣрія и буйнаго фанатизма; тамъ непосредственный а) *предметъ* его состоитъ въ благоугожденіи Тому, Кому мы благоугождать призваны, а единственными къ тому b) *средствами* служатъ удивленіе Его совершенствамъ и дѣламъ сотворенія и промыслительности, почтительное и охотное изученіе разныхъ душеспасительныхъ вразумленій, содержащихся въ природѣ, въ исторіи, въ совѣсти, особливо въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, признаніе совершенной нашей зависимости отъ воли Творца и безконечныхъ обязанностей, сокрушеніе о разстройствахъ нашей природы и беззаконіяхъ, испрошеніе Его благодати и милосердія чрезъ Іисуса Христа, заступленіе нашихъ братій, моленіе о водвореніи правды и мира на землѣ, наконецъ ревностное стараніе о сохраненіи всегдашняго святаго союза съ Богомъ. c) *Дѣйствія* такого духа, постоянно питаемаго помыслами чистыми, высокими и выражаемаго благороднымъ языкомъ сердца, должны быть важны и благодатны. Сюда относятся глубокое смиреніе предъ Богомъ, благоговѣніе предъ Его вездѣ-присутствіемъ и безконечными совершенствами, пламенная ревность къ прославленію Его имени, сердечная вѣра въ Искупителя, неуклонное послѣдованіе божественному Его примѣру, любовь къ людямъ всякаго званія, даже къ тварямъ, великодушное и неутомимое самоотверженіе въ подвигахъ, предпринимаемыхъ для общаго блага, безусловная покорность Провидѣнію, непрестанно возрастающее уваженіе къ Евангелію и твердое упованіе безсмертной жизни, въ которую оно открываетъ намъ утѣшительные виды.

БЛАГОЧИНІЕ, БЛАГОУСТРОЙСТВО, см. *Порядокъ*.

БЛАЖЕНСТВО, — человѣческое (въ смыслѣ, чисто-философскомъ, въ которомъ оно здѣсь и разсматривается) означаетъ тотъ бытъ нравственнаго существа, въ которомъ ему ничто не мѣшаетъ постоянно наслаждаться запасомъ внутреннихъ благъ. Такое безусловное, неограниченное Блаженство возможно только Богу, который возвышенъ надъ всякими потребностями и отношеніями, и которому созерцаніе собственныхъ своихъ совершенствъ доставляетъ и полное наслажденіе ими. Онъ одинъ довлѣетъ самъ себѣ, тогда какъ всѣ твари нуждаются въ сторонней помощи; Онъ одинъ открываетъ Самъ

въ Своемъ нѣдрѣ источникъ безусловнаго самодовольства. Но внутренній міръ святаго существа, такъ какъ и прочія Его свойства, превыше всякаго понятія смертныхъ. За то въ разумѣ столь глубоко запечатлѣна эта идея, что онъ ставитъ ее конечною цѣлію всѣхъ нашихъ домогательствъ. Справедливо говорится, что Богъ *есть* блаженъ, а человѣкъ только *бываетъ* блаженнымъ, — именно въ той мѣрѣ, въ какой онъ радѣетъ о богоподобной жизни и преуспѣваетъ въ ней твореніемъ дѣлъ добрыхъ. Но и это Блаженство есть не награда, которой бы мы въ правѣ были требовать за свои заслуги, а единственно даръ милосердаго Бога или изліянія Его любви: не должны ли мы, какъ созданія Творца, относить всякое добро къ источнику его, — Богу, а слѣдственно считать благодатію и самый разумъ, самую свободу, которые дѣлаютъ намъ доступною доблесть, а съ нею и извѣстный участокъ Блаженства? Но человѣкъ, касательно земнаго своего благосостоянія, зависитъ и отъ удовлетворенія чувственныхъ потребностей; эти потребности, никогда вполнѣ ненасытимыя, часто тревожатъ его самодовольство, зависящее всегда отъ обстоятельствъ внѣшнихъ, случайныхъ, неподвластныхъ человѣку, который по временамъ только и *получаетъ благо* изъ рукъ слѣпаго, неразгаданнаго счастія. Вотъ почему Блаженства не надобно смѣшивать съ благополучіемъ! Иной можетъ утопать въ *счастіи*, можетъ имѣть всѣ средства къ чувственнымъ удовольствіямъ и вполнѣ употреблять ихъ, т. е. быть весьма благополучнымъ, не смѣя однакожъ назвать себя блаженнымъ Крезомъ. Итакъ крайне опасна та мораль, которая указываетъ на благополучіе, какъ на послѣднюю цѣль человѣческихъ заботъ, или провозглашаетъ его верховнымъ добромъ, а стремленіе къ нему поставляетъ закономъ нравственнаго долга. Опытъ научаетъ, что человѣкъ чрезъ это безусловное стремленіе къ выполненію высочайшей заповѣди не бываетъ не только добродѣтельнымъ, а слѣдственно и самодовольнымъ, — онъ бываетъ даже порочнымъ и слѣдственно жалкимъ созданіемъ: ибо самое чувство, что вожделѣнный міръ души далекъ еще отъ него, мѣшаетъ его счастію, по крайней мѣрѣ мѣшаетъ наслаждаться его дарами, а въ этомъ-то и главное дѣло. Какая, *напр.* прибыль скупцу отъ обладанія богатствомъ, если онъ не пользуется имъ? Но еслибъ онъ имъ и наслаждался въ полной мѣрѣ, еслибъ сдѣлался сибаритомъ, роскошнѣйшимъ расточителемъ, то и это не могло бы доставить ему ни Блаженства, ни благополучія:

чувственныя вожделѣнія ненасытимы; чѣмъ болѣе вы потворствуете имъ, тѣмъ болѣе они свирѣпѣютъ, и наконецъ затѣйливый вкусъ теряетъ даже способность чувствовать сладость бытія. Слѣдовательно, собственно говоря, мораль можетъ безусловно предписывать только стремленіе къ Блаженству; стремленіе же къ благополучію повелѣвается только при условіи, чтобъ оно было весьма умѣряемо и клонилось къ обладанію и наслажденію тѣмъ, что принадлежитъ къ нашему существованію и къ дѣйствованію во внѣшнемъ мірѣ. Если оно такимъ образомъ ограничено, то человѣкъ будетъ доволенъ и тою мѣрою физическаго благосостоянія, которая удѣлена ему судьбою. Блаженству его не будетъ мѣшать и скудный удѣлъ благополучія, или даже несчастіе, *напр.* бѣдность, хворость и т. п. Оттого стоики не безъ основанія утверждали, что мудрый блаженъ и въ жесточайшихъ страданіяхъ. Впрочемъ, и то справедливо, что и въ праведникѣ сознаніе своего несовершенства и виновности дѣлаетъ подрывъ его самодовольству. Слѣдственно человѣкъ никогда не бываетъ блаженъ въ полной мѣрѣ или совершенно.

БЛИЖНІЙ. Словами «близкій» и «близость» выражаются, собственно, отношенія вещей, существующихъ въ пространствѣ или сопребывающихъ, и тутъ близкое или близость противополагается далекому или отдаленности. Но метафорическій языкъ перенесъ эти рѣченія и въ бытъ нравственный, руководствуясь тою мыслію, что если люди близки другъ къ другу мѣстомъ, какъ *наприм.* жители одного и того же дома, города, части свѣта, то это не можетъ не имѣть вліянія на ихъ сдѣлки: тутъ они составляютъ опредѣленное общество, и, какъ члены его, имѣютъ взаимныя обязанности, уваженія, выгоды. Но чѣмъ тѣснѣе общественный союзъ, тѣмъ болѣе участники принимаютъ на себя и отвѣтственности. Слѣдовательно объ нихъ можно сказать и въ нравственномъ отношеніи, что они тутъ ближе другъ къ другу, нежели къ людямъ стороннимъ. Но какъ нѣтъ ни одной связи столь тѣсной, какъ домашняя, а въ ней брачная, изъ которой развиваются всѣ прочія; то члены семейства, именно уже супруги и ихъ дѣти были бы и нравственно всего ближе другъ къ другу. Такъ обыкновенно и бываетъ въ естественномъ положеніи вещей: такъ искони ведется на Руси. Впрочемъ, когда мораль (Христіанская) говоритъ о ближнемъ и о любви къ нему, то она возвышается надъ этими особенными уваженіями, имѣя въ виду человѣ-

чество. Въ ея глазахъ всѣ люди суть другъ для друга ближніе, братья, потому-что всѣ имѣютъ одно и то же мѣсто жительства, одинъ и тотъ же кругъ дѣятельности, земной шаръ, одни и тѣ же духовныя преимущества предъ прочими обитателями нашей планеты, т. е. разумъ, свободу и совѣсть. Слѣдственно *любовь къ ближнему* есть не иное что, какъ *всеобщее человѣколюбіе*, которое, однакожъ, основываясь на отвлеченномъ доброхотствѣ, или на уваженіи къ сану человѣка, отнюдь не исключаетъ особенной, и потому болѣе искренней, сердечной склонности, которую мы питаемъ къ лицамъ, въ общественномъ отношеніи къ намъ болѣе близкимъ, нежели другія.

БЛОКАДА (отъ франц. bloquer, облежать, обстоять, обступать) есть право, запирать со стороны моря вооруженною флотиліей мѣсто, укрѣпленное ли, или неукрѣпленное, и слѣд. всѣ суда, нейтральныя ли они, или непріятельскія, удерживать отъ этого пункта даже силою. Что подобное право существуетъ во время войны между двумя народами — въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому-что часто нельзя было бы иначе достигнуть и цѣли войны. Но право блокады иногда воюющія державы чрезъчуръ расширяютъ. Одного объявленія, что такой-то пунктъ находится въ *блокадномъ состояніи*, недостаточно; онъ долженъ быть дѣйствительно запертъ вооруженными судами. Если суда по какой-либо причинѣ удаляются, это значитъ, что блокада снята, доколѣ они не возвратятся и не станутъ на своемъ мѣстѣ. Вотъ почему означенное право не имѣетъ силы относительно ко всему пространству береговъ, которыхъ запереть такимъ образомъ невозможно! Но поелику въ войнѣ, какъ насильственномъ состояніи, всегда встрѣчается много неправильностей; то ничто не помѣшаетъ простирать право блокады слишкомъ далеко. Впрочемъ, здѣсь право это было разсматриваемо только касательно морей, рѣкъ, заливовъ, острововъ, потому-что, относительно къ *сухопутнымъ мѣстамъ*, не возникало о томъ и спора; такіе пункты считаются блокированными, когда предъ ними дѣйствительно расположена вооруженная сила.

БЛУДЪ, въ противоположность прелюбодѣянію, есть дѣйствіе невоздержанія между холостяками и незамужними женщинами. Блудъ величайшее зло, блудъ гнуснѣйшій порокъ, и вотъ почему:

а) Плотскія наслажденія слишкомъ близко граничатъ съ скотскими, чтобы человѣкъ не стыдился ихъ и не презиралъ въ совѣсти самого себя;

b) О нравственной злокачественности дѣянія не судите по оскорбленію того, или другаго лица, — а по видамъ и соотвѣтственнымъ послѣдствіямъ преступленія вообще. Пускай блудникъ разсудитъ и скажетъ, что сталось бы, еслибы всѣ другіе своевольничали, какъ и онъ, или, что мѣшало бы сдѣлаться его своевольству общимъ правиломъ поведенія, если онъ свои «шалости» считаетъ невинными и позволительными?

c) Жалки несчастныя жертвы блуда. Эти «отребіе» гражданскаго общества бродятъ — безпріютные — въ нищетѣ, страданіяхъ и поруганіяхъ, отравляя жизнь многолюдныхъ городовъ, которыхъ составляютъ едвали не третью долю презрѣннаго и опаснаго народонаселенія, ежечасно увеличивающагося;

d) Блудъ питаетъ навыки необузданнаго распутства и влечетъ къ преступленіямъ, еще болѣе тяжкимъ — къ обольщеніямъ, прелюбодѣйству, къ насилованіямъ, къ дѣтоубійствамъ,

e) Увѣковѣчивая ужасную и гнусную болѣзнь, дѣйствія которой посѣщаютъ здоровье даже отдаленныхъ поколѣній и

f) Наконецъ уменьшая браки, а съ тѣмъ и убивая все то, что семейственный бытъ имѣетъ въ себѣ прекраснаго и благотворнаго.

Вотъ, почему разумъ, признающій только *бракъ* (см. это слово) правовластнымъ и нравственнымъ соединеніемъ половъ, безусловно отвергаетъ блудъ! Вотъ почему и государство не должно его терпѣть, хотя не можетъ совершенно воспрепятствовать ему, потому-что преступныя дѣйствія совершаются втайнѣ или въ вертепахъ, въ которые бдительное око полиціи съ трудомъ проникаетъ. Жестокія же наказанія блудникамъ и блудницамъ, которыя ихъ вмѣстѣ и уродуютъ, *напр.* урѣзаніе носа, съ одной стороны несправедливы; потому-что актомъ беззаконнаго совокупленія ни одному изъ участниковъ не дѣлается обиды (развѣ въ насиліи), съ другой излишни, потому-что чувствительнѣе еще и безщаднѣе закона караетъ виновнаго — сама природа.

БОГАТСТВО вообще значитъ изобиліе временныхъ благъ, — высшую степень того достатка или той зажиточности, въ которой потребности, сопряженныя съ извѣстнымъ состояніемъ, званіемъ, сословіемъ, можно вполнѣ удовлетворять, потому-что богатство могло бы доставлять еще болѣе, нежели сколько для этого удовлетворенія нужно. А потому богатство происходитъ не только отъ пріумноженія временныхъ благъ, но и отъ уменьшенія потребностей. У наибольшей части образованныхъ

народовъ оно измѣряется какъ деньгами, къ которымъ причисляются и другія драгоцѣнности, такъ и поземельнымъ владѣніемъ, а у наибольшей части кочующихъ ордъ,— стадами скота. — Что касается А) до нравственнаго значенія богатства въ рукахъ частнаго человѣка, то, какъ намъ врождено побужденіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, такъ точно въ природѣ же нашей запечатлѣно и стремленіе къ средству, уготовлять себѣ эти блага земныя. Посему Мораль дозволяетъ и стремленіе къ богатству лишь въ той мѣрѣ, въ какой дозволяетъ наслажденіе чувственными удовольствіями. Но богатство можетъ содѣлаться средствомъ и къ достиженію благородныхъ цѣлей, каковы *напр.* собственное умственное образованіе, поощреніе искусствъ и наукъ, споспѣшествованіе общественному благу, облегченіе нуждъ ближняго. Въ этомъ отношеніи Мораль еще менѣе можетъ порицать сребролюбіе. Но она должна утверждать, что богатство пускай всегда остается только средствомъ, что слѣд. стремленіе къ нему пускай не дѣлаетъ ни малѣйшаго подрыва высшимъ цѣлямъ, что человѣкъ, дѣлающій богатство своимъ идоломъ, поступаетъ недостойно своего сана; съ другой стороны, она должна предостерегать и отъ злоупотребленій богатства, которое легко подаетъ случай и поводъ къ баловству и безнравнымъ поступкамъ. — В). Богата *земля*, когда всѣ произведенія, естественныя и искусственныя, для обыкновенной жизни нужныя, порождаются дома и когда часть ихъ вывозится еще за границу, такъ-что дѣйствительная торговля превышаетъ страдательную. Гдѣ такого изобилія нѣтъ, тамъ оно можетъ замѣняемо быть богатыми рудниками и колоніями. Богатство правительства состоитъ частію въ кредитѣ, частію въ томъ, что какъ можно большее число подданныхъ соединяется въ извѣстной зажиточности или что ему много открыто такихъ источниковъ пріобрѣтенія, которыми ни одинъ гражданинъ не притѣсняется. Не та земля можетъ приносить величайшія жертвы, въ которой много денежныхъ богачей, а та, въ которой наибольшая часть подданныхъ поземельные владѣльцы и въ которой открыта самая свободная торговля. Но то справедливо, что земля бѣднѣетъ, если народонаселеніе дѣлается столь велико, что значительная часть его не можетъ уже находить себѣ пропитаніе, или если нужное пріобрѣтеніе зависитъ отъ случайныхъ вещей. Итакъ, государство должно обходиться безъ такихъ учрежденій, при которыхъ иные только обогащаются, а боль-

шая часть подданныхъ въ той же самой мѣрѣ бѣднѣетъ, такъ-что должна жить благотворительностію другихъ. Конечно, этому злу, которое ведетъ даже къ возмущеніямъ, тотчасъ пособить нельзя, потому-что явная несправедливость — отбирать достояніе у богача и раздѣлять его между бѣдными; но государство и можетъ и должно принимать мѣры, чтобы богатство не черезъ-чуръ скоплялось или сосредоточивалось въ однѣхъ рукахъ. Это можетъ оно сдѣлать весьма легко, не прибѣгая ни къ израильскому юбилею, ни къ ликурговымъ узаконеніямъ, — не нарушая ни чьихъ правъ, потому-что *наслѣдованіе* (см. это слово) есть положительное учрежденіе, слѣд. государство властно устроить законы касательно наслѣдства такъ, чтобы упомянутое зло предотвращалось. — —

С) Но говорятъ наконецъ и о *внутреннемъ богатствѣ;* оно, естественнымъ образомъ, не подлежитъ ни какому ограниченію, потому-что въ этомъ отношеніи никто не можетъ быть чрезъ-чуръ богатымъ. Внутреннее богатство есть только *духовное* и можетъ еще далѣе раздѣляться на *естественное*, когда кто-либо отъ природы получилъ много превосходныхъ талантовъ, и на *пріобрѣтенное*, когда онъ какъ этими талантами, такъ и собственнымъ прилежаніемъ значительно пріумножилъ идеальное свое достояніе. Но какъ это достояніе всякій разъ съ владѣльцемъ умираетъ, то не надобно и бояться, чтобы внутреннее богатство чрезъ наслѣдство слишкомъ накоплялось и тѣмъ давало одному человѣку слишкомъ сильный перевѣсъ предъ другими. Впрочемъ, изъ того, что кто-либо весьма богатъ умомъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы другіе необходимо были тѣмъ бѣднѣе, потому-что внутреннее богатство чрезъ сообщеніе можетъ умножаться въ безконечность.

БОГИ. Глубоко запечатлѣно въ душѣ человѣческой предчувствіе возвышеннаго надъ всѣмъ земнымъ, всемогущаго существа, — предчувствіе Божественнаго. Оно живетъ въ груди грубаго дикаря и пробудилось въ человѣкѣ съ той минуты, какъ только родъ его существовать началъ. Вѣроятно, первые люди почитали единое божество, какъ Творца, благодѣтеля и отца, но придавали ему въ сотрудники нѣсколько низшихъ, подчиненныхъ боговъ, которые отъ него зависѣли и исполняли его повелѣнія, такъ-что ученіе о единомъ Богѣ было первоначальное, которое служитъ основой и всѣмъ политеистическимъ вѣрованіямъ (см. Политеизмъ). — Что такое боги? Олицетворенныя силы природы, между которыми и между собою человѣкъ признаетъ

отношеніе, чествуемое и особеннымъ богослуженіемъ (см. это слово). Но вскорѣ начинаетъ онъ созидать себѣ боговъ свободнѣе, самостоятельнѣе, съ характерами болѣе опредѣленными; тутъ боги его уже не въ природѣ, а внѣ ея; тутъ они не живутъ въ ней и съ нею, но управляютъ ею и ее сохраняютъ. — Какъ образуется идея бобовъ? — Нѣкоторые отличные мужи, которыхъ дѣянія, по видимому, превышаютъ мѣру человѣческихъ силъ, подаютъ современникамъ естественный поводъ къ проразумѣнію болѣе тѣсной связи между ими и высшими существами. Эта догадка сама собою ведетъ къ тому, чтобы представлять себѣ вторыя по образу и по подобію первыхъ. Такъ боги язычества дѣлаются облагороженнымъ отпечаткомъ благороднѣйшихъ людей и подымаются наравнѣ съ ними до высшаго совершенства по мѣрѣ того, какъ очищаются понятія ихъ чтителей о достоинствѣ человѣческой природы. Это послѣднее производятъ въ особенности чувствительные пѣвцы природы, которые изображаютъ въ благородномъ видѣ лучшія народныя понятія своего времени и своихъ странъ. Но человѣкоподобные боги рослѣе и величавѣе; они образованы изъ чистой эѳирной матеріи и отличаются прочностію своего состава, тѣлесною силою и скоростію; они безсмертны въ томъ только смыслѣ, что долговѣчнѣе людей, съ которыми, впрочемъ, раздѣляютъ всѣ тѣлесныя потребности питанія и сна; они любятъ веселые пиры, бесѣды, путешествія; въ особенности охотно принимаютъ участіе въ битвахъ любимыхъ своихъ героевъ, которымъ видимо или невидимо покровительствуютъ. Столько же человѣкоподобны боги относительно и къ нравственнымъ качествамъ; они самостоятельныя, по произволу и причудамъ поступающія лица, и потому являются въ древнѣйшихъ сказаніяхъ со всѣми пятнами того образа мыслей и чувствованій, который замѣчается у современниковъ. По этому направляется и отношеніе боговъ къ людямъ. Люди считаютъ ихъ виновниками всякаго добра и зла; отъ нихъ производятъ они всѣ искусства и способности, даже всѣ значительныя начинанія; но они и боятся отъ нихъ всего злаго, — кораблекрушеній, чумы, съумасшествія. За то боги охотно принимаютъ отъ людей дары и чествованія; посему, чѣмъ болѣе приносится имъ жертвъ, тѣмъ благосклоннѣе внемлютъ они мольбамъ своихъ поклонниковъ, которые и ссылаются на то, какъ на требованіе, значащееся въ договорѣ. За всѣмъ тѣмъ могущество боговъ не есть неограниченное; они составля-

ютъ государство, въ которомъ, такъ какъ и у людей, существуютъ постепенности чина и власти. Верховный владыка не можетъ рѣшать всего, не сносясь съ своими сотрудниками; потому онъ созываетъ ихъ, по обстоятельствамъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ и объявляетъ имъ свою волю; боги совѣщаются и между собою о своихъ частныхъ дѣлахъ, либо о пользѣ любимыхъ ими смертныхъ. Но принимаемыя такимъ образомъ рѣшенія или мѣры весьма далеки еще отъ непреложныхъ; окончательный успѣхъ иныхъ происшествій такъ предопредѣленъ *судьбою* (μοῖρα), что онъ, хотя ходатайствомъ боговъ и можетъ на нѣкоторое время быть отдаленъ, но не легко уже можетъ быть совершенно уничтоженъ. — Какъ преспѣвающее образованіе ума все болѣе очищаетъ и познаніе и почитаніе боговъ, то къ свойствамъ, которымъ удивлялась въ нихъ старина, присоединяются тутъ и нравственныя преимущества и болѣе тѣсная связь съ вѣчнымъ чиномъ природы. Но какъ они въ народномъ повѣрьи все же остаются такими существами, которыя, при всѣхъ преимуществахъ, чувствуютъ по-человѣчески, то они и впослѣдствіи не могутъ обходиться безъ страстей. За то человѣческій ликъ ихъ принимаетъ отъ художниковъ и отъ послѣдующихъ имъ стихотворцевъ разныя перемѣны. Тѣ принуждены бываютъ въ своихъ изображеніяхъ на иное намѣкать символами и могутъ это дѣлать тѣмъ болѣе, что фигуральный языкъ старины даетъ на то имъ право. Если такое изображеніе легко находитъ доступъ къ живой фантазіи и освящается религіозными обрядами, то съ нимъ должны сообразоваться и поэзія и народныя сказки; такъ мало-по-малу то становится дѣйствительностію или существенностію, что прежде было иносказаніемъ. Сюда въ особенности принадлежитъ окрыленіе боговъ, которымъ хотятъ то выразить легкость и быстроту ихъ движеній, то облечь идеи въ чувственную форму. Художникамъ послѣдуютъ мистики, которые стараются представить въ символическихъ образахъ тайныя свои ученія, переводимыя позжими философами на трезвенный языкъ понятій.

БОГОБОЯЗНЬ. — Есть различіе между *рабскимъ* страхомъ наказаній оскорбленнаго преступленіями правосуднаго Бога, и тѣмъ страхомъ *сыновнимъ*, который совѣстится не только дѣлать, но и мыслить то, что Ему не благоугодно, и который собственно не есть страхъ, а только глубокое благоговѣніе. Нѣкоторые древніе философы говорили: Страхъ породилъ

боговъ. — Это явная ложь: безъ нравственнаго сознанія человѣкъ чрезъ разныя явленія въ природѣ не дошелъ бы до мысли о свышечеловѣческихъ или божественныхъ существахъ. Животныя также боятся грома и землетрясеній; но почему въ нихъ не было той догадки, чтобы чрезъ подобныя явленія дойти до предчувствованія и до почитанія чего-либо божественнаго? Нѣтъ религіознаго сознанія безъ нравственнаго, нѣтъ религіи безъ совѣсти. — — —

БОГОВѢДѢНІЕ. См. *Богоученіе.*

БОГОМУДРІЕ, — *θεοσοφία.* Подъ этимъ здѣсь не разумѣемъ мы ни мудрости самаго Бога, ни истинной сверхъестественной мудрости человѣка, почерпаемой изъ истиннаго откровенія Божія, но то мнимое высшее Боговѣдѣніе, которое, якобы, сообщается инымъ сверхъестественными путями, слѣд. мнимымъ непосредственнымъ откровеніемъ. --- Теософія сія есть раціональный мистицисмъ, принимающій философскую форму. --- Онъ выходитъ изъ области трезвенной философіи въ область вымысловъ и заблуждаетъ въ томъ, что мечтаетъ непосредственно умственными очами, при помощи высшаго озаренія, созерцать тайны Вѣчнаго, тогда-какъ ему является лишь образъ восторженной, изступленной фантазіи, которымъ добродушные, но жалкіе мечтатели или изувѣры обманывали, если не другихъ, по крайней мѣрѣ, самихъ себя. Въ этомъ отношеніи, Θеософія есть заблужденіе *любомудрія*, въ которомъ коварное воображеніе овладѣваетъ разумомъ. --- Оттого мы у древнихъ мудрецовъ находимъ множество страшныхъ исчадій *θеургіи*, чудодѣйства (отъ *εργον*, дѣйствіе). Θеософическія видѣнія играли довольно значительную роль, *напр.* у Ямблиха, Прокла и др.; — подобныя явленія встрѣчаемъ мы и на Западѣ, даже въ новыя времена; здѣсь встрѣчаемъ мистицисмъ Як. *Бема, Парацельса, Шведенборга, С. Мартена, Проли*, которыхъ бредни, однакожъ, осуждены на вѣчное забвеніе.

БОГОПОЧИТАНІЕ (Богослуженіе, Богопоклоненіе) состоитъ изъ совокупности способовъ возбуждать, либо выражать благоговѣйные помыслы и чувствованія. Выраженіе благоговѣйнаго чувствованія словами есть устная молитва, а тѣ религіозныя дѣйствія, которыя либо предписаніемъ основателя вѣроисповѣданія, либо уставами вѣроисповѣданія, либо обычаями введены и правильно повторяются, называются богослужебными обрядами. Если человѣкъ все то оставляетъ, что Богъ запретилъ, что слѣд. Ему неблагоугодно, то Бого-

почитаніе сіе отрицательнаго рода; но оно получаетъ значеніе положительнаго, когда человѣкъ все то дѣлаетъ, что Богъ повелѣлъ, какъ благоугодное Ему служеніе. То и другое вмѣстѣ можно назвать и внутреннимъ Богопочитаніемъ, въ противоположность внѣшнему, обрядовому. Далѣе — Богопочитаніе можетъ быть или частное, домашнее, или общественное. Какъ люди слишкомъ легко въ чаду житейскихъ суетъ забываютъ о божественныхъ вещахъ, какъ соединеніе многихъ для одной и той же цѣли сильно поражаетъ душу, и какъ нѣкоторыя религіозныя дѣйствія могутъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ многіе собираются участники, взаимно себя назидающіе; то отсюда очевидна необходимость Богослуженія общественнаго. - - - Самое несовершенное, едва и названія достойное, Богопочитаніе есть то, которое относится къ внѣшнимъ предметамъ, какъ причинамъ благосостоянія и злоключеній, и какъ это поклоненіе *фетишамъ* выражаетъ лишь желанія и отвращенія, страхъ и надежду, то оно и не можетъ оказывать значительнаго вліянія на нравственность. Далѣе сдѣдуетъ родъ Богослуженія, который относится къ существамъ, подобнымъ человѣку, и какъ этимъ богамъ, сколько бы они по своему значенію ни были ограничены и ничтожны, все же приписываются нравственныя свойства; то онъ не можетъ оставаться безъ всякаго вліянія на нравы поклонниковъ. Этотъ родъ Богопоклоненія состоитъ въ жертвахъ, очищеніяхъ, обѣтахъ; и какъ боговъ по большой части представляютъ себѣ невидимыми, то онъ непосредственно обращается къ символамъ боговъ, и потому сопряженъ съ идолослуженіемъ. Но самое совершенное и чистое Богопочитаніе есть то, которое основывается на Божественномъ откровеніи, на святой вѣрѣ во всемогущаго и святаго, надъ всѣми ограниченіями человѣческими возвышеннаго Творца, на вѣрѣ въ Тріединаго Бога и Его премудрый Промыслъ о мірѣ, — нравственное Богопочитаніе, которое введено Христіанскою Церковью во всѣхъ странахъ свѣта и не перестаетъ благодатно дѣйствовать на образованіе и нравственное усовершеніе человѣчества. — Гдѣ Божескія почести воздаются естественнымъ вещамъ, — звѣздамъ, огню, животнымъ, и т. п., тамъ возникаетъ разныхъ родовъ идолопоклонство. (См. *фетишизмъ, боги, идолъ*).

БОГОУЧЕНІЕ РАЦІОНАЛЬНОЕ, БОГОСЛОВІЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ, — названное такъ отъ того, что оно утверждается на естественныхъ силахъ человѣческа-

го духа и на разсматриваніи природы, — есть изъ чистыхъ началъ разума почерпаемое, систематическое изложеніе, или наука вѣчныхъ идей, на которыхъ почіетъ религія. Это часть и теоретической или умозрительной философіи, потому-что оно должно не только постановить или основать свои ученія, но и въ ясномъ видѣ раскрыть ихъ предъ сознаніемъ; — это часть и философіи практической, потому-что имѣетъ задачей представить наши религіозныя отношенія и обязанности въ полномъ ихъ объемѣ. Часто хотѣли естественное Богоученіе поставить на первомъ мѣстѣ въ общей наукѣ и начинать всякія изысканія съ религіи. Правда, религія есть самоважнѣйшій предметъ нашихъ познаній, которыя не только сами въ безчисленныхъ направленіяхъ тяготѣютъ къ ея идеямъ, но и не имѣютъ безъ нихъ никакого значенія; правда, бытіе вещей начинается Творцемъ или отъ него проистекаетъ. Но по тому ходу, какой должна брать наука, естественное Богоученіе можетъ занимать не первое мѣсто въ ряду раціональныхъ познаній, а послѣднее, составляя какъ бы вѣнецъ всякаго любомудрія. Какъ философія, начавъ съ коренной основы всякаго бытія, по свидѣтельству Исторіи, легко терялась въ шаткихъ умозрѣніяхъ и пустыхъ мечтахъ, — и какъ ей нельзя возвыситься до идеи безусловнаго существа, не нашедши напередъ въ конечномъ порядкѣ жизни такого пункта, съ котораго можетъ воспарять къ безпредѣльному; то она за нужное признаетъ лучше въ концѣ своихъ умозрѣній, такъ сказать, досягать до Бога, чѣмъ начинать съ Него. Это естественно: разумъ пускай извѣдаетъ свои мыслящія силы и свою проницательность на земныхъ, житейскихъ вещахъ прежде, чѣмъ осмѣлится простирать свои изысканія на выспреннѣйшіе предметы,— пускай короче познакомится съ своими способами, силами и границами, если не хочетъ тщетно блуждать въ пустотѣ безпредѣльнаго пространства. Оттого, по моему мнѣнію, неправильно дѣлали тѣ, которые помѣщали естественное Богоученіе въ метафизикѣ и притомъ въ послѣдней ея части, (по порядку Антропологія, Психологія, Космологія, Богословіе). Религія, какъ дѣло только умозрѣнія, не могла найти прочной опоры въ такой наукѣ, которая, какъ доказано преспѣяніемъ философическихъ изслѣдованій, сама держится на рыхломъ, зыбкомъ основаніи. Метафизика могла дать умозрительное только Богоученіе, которое сами же ея умозрѣнія иногда потрясали множествомъ сомнѣній; гораздо лучше преспѣваетъ оно подъ пріютомъ

практической философіи, гдѣ, какъ наука Святаго, необходимо находитъ себя на почвѣ болѣе приличной, болѣе соотвѣтственной. — Правда, иные этою мыслію не хотѣли быть довольными. Если поступать такимъ образомъ, говорили они, то религія подчиняется Морали, которую тутъ надобно ставить впереди, на первомъ планѣ, тогда-какъ, наоборотъ, мораль зависима отъ религіи: ибо морали надлежитъ быть религіозною, а потому и должно ей слѣдовать за Богоученіемъ. Но мораль столь же мало дѣлается нечестивою отъ того, что ее обработываютъ прежде Богоученія, сколь мало и религіи должно сдѣлаться безнравственною отъ того, что объ ней разсуждаютъ напередъ. Что были нечестивыя нравоученія и безнравственныя ученія о религіи, — это правда, но причина тому превратность людей. Религія по своему уже происхожденію и въ своемъ существѣ есть нѣчто отнюдь нравственное; именно потому, что человѣкъ есть разумно-нравственное существо, онъ способенъ принимать религію и въ ней нуждается, ибо она пропстекаетъ изъ совѣсти: это ея естественное и необходимое основаніе. Еслибы намъ чужда была совѣсть, которою мы внемлемъ волю Творца и которую справедливо назвали гласомъ Божіимъ; то мы точно такъ, какъ и животныя, не имѣли бы ни малѣйшаго предчувствія о Богѣ и о божественныхъ вещахъ. Потому въ ученомъ распорядкѣ философской системы, по моему мнѣнію, должна быть напередъ выслушана совѣсть со всѣми ея требованіями на человѣкѣ, должны изъ того быть выведены всѣ заповѣди нравственнаго долга сами по себѣ прежде, чѣмъ можно будетъ разсматривать ихъ, какъ заповѣди Божіи и тѣмъ указать на ихъ высшее освященіе. Наука естественнымъ образомъ хочетъ напередъ узнать законъ, а потомъ уже спрашиваетъ объ его верховномъ Виновникѣ. Тутъ она и требуемое къ закону уваженіе относитъ къ законоположнику; — такъ-то нравственное превращается само собою въ религіозное, такъ-то мораль, разгадывая и изображая нравственную природу человѣка, какъ основаніе вѣры нашей въ вѣчнаго и Святаго Бога, указываетъ въ насъ самихъ твердыя начала Богоученія, которое, однакожъ, называйте наукой развѣ въ формальномъ только отношеніи, т. е. въ томъ, что оно по правиламъ логики основываетъ и систематически излагаетъ ученія естественной религіи; въ немъ относительно матеріи тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи о *знаніи*, что религія, по моему мнѣнію, есть единственно дѣло вѣры.

Но это не значитъ, будто бы религія могла быть принимаема только по особеннымъ твоимъ, либо моимъ причинопобужденіямъ; иначе должнобъ было инымъ людямъ имѣть религію, а другимъ нѣтъ, что противорѣчитъ исторіи и опыту, — не значитъ, будто бы люди только имѣли религію, а другіе разумные духи нѣтъ, или будто бы святыя идеи ни на чемъ не основывались, ни на что внѣ себя не указывали: ибо иначе раціональное наше Богословіе напрасно искало бы соотвѣтственнаго себѣ предмета. Правда, мы, люди, по ограниченности теперешнихъ нашихъ силъ и способовъ, не можемъ вообще ничего утвердительнаго сказать объ истинной сущности вещей и должны признаться, что понимаемъ ихъ лишь такъ, какъ онѣ, по особенному устройству нашей природы, намъ являются; однакожъ этотъ способъ познавать ихъ касается только степени познанія. Во всемъ твореніи оно упреждено выспреннею гармоніей, и законы мышленія, по которымъ мы стараемся постигнуть Вѣчное, совершенно соотвѣтствуютъ законамъ природы въ чувственномъ мірѣ. Вопросъ: соотвѣтствуютъ ли религіознымъ идеямъ самые предметы? есть софистическое хитросплетеніе, которымъ попусту мучитъ себя лжемудренный умъ. Впрочемъ, хотя бы въ области естественнаго Богословія ничего нельзя было доказать аподиктически; однакожъ религіозныя идеи въ нравственной совѣсти, — которая столько же вѣрна и несомнѣнна, сколько и совѣсть математическая, — сами въ себѣ носятъ такую же истину, какъ и логическіе законы смысла, посмѣвающіеся всякимъ измѣреніямъ и выкладкамъ.

Естественное Богоученіе содержится къ положительному (Христіанскому) Богословію, какъ вѣра, основанная на разумѣ, содержится къ вѣрѣ, основанной на Божественномъ авторитетѣ. Тамъ вѣруемъ мы потому, что убѣдились причинами по началамъ нашего разума и совѣсти; здѣсь — потому-что признаемъ Основателя нашего исповѣданія Богочеловѣкомъ, Просвѣтителемъ и Спасителемъ міра. — Раціональное Богоученіе разсуждаетъ: a) о Богѣ, какъ источникѣ всякаго бытія, какъ о законодателѣ и правителѣ міра, b) о безсмертіи души, c) о добродѣтели, о нравственномъ назначеніи и санѣ человѣка, d) о должностяхъ его къ Богу, т. е. о сущности истиннаго Богопочитанія. —

Изъ всего вышесказаннаго видно, что естественное Богоученіе предполагаетъ короткое знакомство со всѣми философскими науками, особливо съ Психологіей и Мо-

ралью. Благочестивый философъ, раціональный богословъ отыскиваетъ религію въ тайникѣ души человѣческой. Онъ долженъ имѣть не только проницательный смыслъ и образованный разумъ, но и широко развитое сердце.

БОГОХУЛЬСТВО (и *Кощунство*). Богохульникъ ругается надъ именемъ Божіимъ, или изрыгаетъ на него хулу; кощунъ издѣвается надъ божественными вещами или надъ предметами религіи и нравственности. Ѣдкая ихъ шутка не только предполагаетъ невѣріе, и потому есть произведеніе безбожія и матеріялизма, но и основывается на зломъ умыслѣ — исторгнуть изъ невинныхъ сердецъ безцѣнное ихъ сокровище - религію. Что касается до самаго предмета, то мораль тѣмъ безщаднѣе поступаетъ съ Богохульствомъ, чѣмъ святѣе для всякаго разумнаго человѣка вѣра въ Вѣчное и чѣмъ пагубнѣе оно дѣйствуетъ тамъ, гдѣ пошлое остроуміе имѣетъ болѣе силы и вѣсу, нежели доказательство. Строго карали богохульство и прежніе гражданскіе законы, — отрѣзаніемъ языка, даже смертною казнію; — нынѣ гражданскіе законы, полагая, что человѣку въ здравомъ умѣ не возможно позволить себѣ нечестивыхъ отзывовъ о Богѣ, присуждаетъ кощунамъ за общественный соблазнъ — самое приличное наказаніе, которое вѣрно ихъ вразумить можетъ, т. е. заключеніе ихъ либо въ смирительномъ, работномъ домѣ, либо въ домѣ ума лишенныхъ, либо въ крѣпости.

БОГЪ есть различное отъ міра, всесовершеннѣйшее, чисто-духовное, личное, достопоклоняемое существо, котораго безусловной премудрости и святой волѣ міръ одолженъ своимъ бытіемъ и сохраненіемъ и котораго нравственный разумъ признаетъ подателемъ всѣхъ благъ. Сѣмена вѣры въ Бога посѣяны въ сердцѣ человѣка столь глубоко, что ему, какъ скоро разумъ его приходитъ въ самосознаніе, нельзя безъ религіозныхъ понятій и чувствованій достигать единства и гармоніи съ самимъ собою, составляющихъ существенную потребность его духа. Но, чѣмъ болѣе человѣкъ, какъ разумное существо, проникается вѣрою въ Бога, тѣмъ менѣе могло быть недостатка въ многоразличныхъ попыткахъ, постигнуть бытіе, сущность и свойства Непостижимаго помощію размышленія. Тутъ разумъ предлагалъ себѣ три вопросные пункта: а) *Есть* ли Богъ? b) *Какое* существо этотъ Богъ? c) Что *дѣлаетъ* Богъ, или какія Его дѣйствія?

I. *Пунктъ первый.* Вѣрованіе въ бытіе Божіе есть вѣрованіе общее человѣчеству всѣхъ вре-

*

менъ и мѣстъ; истинная философія утверждаетъ это вѣрованіе; она помощію умозрѣній удостовѣряетъ въ бытіи Божіемъ, которое доказываетъ:

а) Изъ *Онтологіи* (см. это слово). Доказательство *онтологическое* гласитъ: кому принисствуютъ *совершенства* всякаго рода, тому должны мы приписать и бытіе, которое есть также *совершенство* — въ сравненіи съ небытіемъ. А какъ Богу, т. е. всесовершеннѣйшему существу принисствуютъ всѣ возможныя совершенства, то въ числѣ ихъ онъ необходимо имѣетъ и вѣчное свое бытіе; потому-что есть основаніе всѣхъ другихъ совершенствъ. Иначе Богъ не былъ бы существомъ всесовершеннымъ. — Кратко сказать: Богъ необходимо *есть*, потому-что Онъ не можетъ *нами* быть *представляемъ иначе*, какъ *существующимъ*, — потому-что Онъ есть *Сый*.

b) Изъ *Космологіи*. Доказательство *космологическое* есть то, которое отъ *случайности* бытія міра заключаетъ о бытіи Бога, какъ *необходимаго*, вѣчнаго существа, которое не только само *безусловно* имѣетъ бытіе въ самомъ себѣ, но и даетъ бытіе всему существующему *условному* порядку вещей.

c) Изъ *физико-теологіи*. Въ доказательствѣ *физико-теологическомъ*, или, точнѣе, *телеологическомъ* (отъ греч. τέλος конецъ, цѣль, намѣреніе) доводится бытіе Божіе изъ усматриваемыхъ въ природѣ и въ исторіи дивныхъ слѣдовъ *порядка и соразмѣрности*, т. е. такого благоустроенства, по которому всѣ вещи содержатся другъ къ другу, какъ средство и цѣль.

Основаніе такого благоустроенства заключается не въ слѣпой, безотчетной виновности, а въ *разумномъ и свободномъ началѣ*. Но, какъ соразмѣрность оказывается чѣмъ-то *случайнымъ* (потому-что она могла бы не существовать, либо же и существовать, но въ другомъ видѣ и въ другой степени), то мы должны представлять себѣ это начало не только *совершенно необходимымъ*, но и *всесущественнѣйшимъ*, потому-что иначе нельзя было бы считать его и единственною реальною причиною благолѣпнаго мірозданія. — Если мы такое существо называемъ *Богомъ*, то изъ всего этого слѣдуетъ, что Онъ необходимо существуетъ, какъ разумный и свободный виновникъ мудраго порядка, замѣчаемаго *напр.* въ движеніи свѣтилъ небесныхъ, въ ихъ формѣ, въ смѣнѣ или чредѣ годовыхъ временъ, въ образованіи людей и прочихъ тварей, въ пропорціи половъ и пр. — Разсматривая это доказательство въ

отношеніи его къ обоимъ предыдущимъ, найдете, что оно тѣсно примыкаетъ къ нимъ или заимствуетъ отъ нихъ главную свою опору; ибо оно, отъ *случайности* міра, какъ стройнаго цѣлаго, заключаетъ о существѣ вѣчномъ, *необходимомъ*, и находитъ эту необходимость именно въ идеѣ всесущественнѣйшаго начала. Здѣсь вѣра нравственнаго чувства подкрѣпляетъ эти доводы; ибо человѣкъ находитъ Бога въ природѣ и по гласу своей совѣсти. Тогда онъ, съ крѣпкою вѣрою приступая къ разсматриванію природы, находитъ въ явленіяхъ ея священныя знаменія, или іероглифы, посредствомъ которыхъ невидимое Божество возвѣщаетъ о себѣ внутреннему его чувству. Потому Физико-ѳеологія должна примкнуть къ нравственному Богопознанію, которое она религіознымъ разсматриваніемъ чина вещей подтверждаетъ и восполняетъ. Если вы поступаете такимъ образомъ, то противъ физико-ѳеологіи нѣтъ и возраженій. Она же, общепонятная, способствуетъ и самому изученію природы, побуждаетъ вездѣ къ новымъ открытіямъ, устремляетъ духъ къ высшему порядку міра и наконецъ оживляетъ нравственно-религіозное чувство благоговѣнія, любви, благодарности и дѣтской преданности къ Богу.

d) Изъ *Морали*. Доказательство бытія Божія *нравственное* гласитъ такъ: Верховное, совершенное благо человѣка есть добродѣтель; она состоитъ въ связи съ соразмѣрнымъ благополучіемъ; осуществленію этого верховнаго блага мы всячески обязаны способствовать, что, разумѣется, должно для насъ быть и возможно; но это возможно лишь тогда, когда природа согласуется съ цѣлями нашего нравственнаго подвижничества. А какъ эта гармонія въ нынѣшнемъ періодѣ нашей жизни не можетъ быть произведена нами самими, и какъ, съ другой стороны, нельзя ожидать ея и отъ природы, а только отъ возвышеннаго надъ нею и надъ нами нравственнаго виновника всѣхъ вещей; то съ допущеніемъ лишь подобнаго Существа высочайшее благо возможно; существо же, которое способно жить и дѣйствовать по представленію законовъ, есть *существо разумное*, а основаніе его начинаній по представленію законовъ изображаетъ его *волю;* потому верховная причина мірозданія, необходимо *требуемая* для высочайшаго блага, есть безконечно разумное и свободное существо, = Богъ. Итакъ мы, призванные къ обладанію верховнымъ благомъ, котораго, однакожъ, здѣсь ничто доставить намъ не можетъ, должны признать и нравственно-необходи-

мое бытіе Бога. Это нравственное доказательство сильно подкрѣпляетъ вѣру нашу въ Бога, частію потому, что мы иначе не могли бы образовать въ себѣ идеи единственно достойной Бога, какъ всесвятаго существа, а частію и потому, что религіозное чувство и благочестивая жизнь есть та почва, на которой только и можетъ преспѣвать вѣра въ высочайшаго, премудраго и всесвятаго Виновника всѣхъ тварей.

Изъ понятія о Богѣ, какъ о высочайшемъ и совершеннѣйшемъ существѣ и послѣдней причинѣ всѣхъ вещей слѣдуетъ и Его *единичность*, т. е. по свойствамъ своимъ высочайшая, ни съ какимъ другимъ духомъ несравнимая сущность. Ибо, если Богъ есть всесовершеннѣйшее существо, то Онъ и можетъ быть только одинъ — нераздѣльный. Эта мысль находитъ сверхъ того свое ручательство въ разсматриваніи согласія всѣхъ частей, или единства въ мірѣ, — въ совершенномъ отсутствіи причины, которая заставляла бы насъ допускать нѣсколько божественныхъ существъ, — въ явномъ стремленіи всѣхъ образованныхъ народовъ отъ многобожія къ единобожію.

Но какъ смыслъ при изложеніи ученія о Богѣ вообще имѣетъ обязанностію не только возбуждать и оживлять разумную вѣру, но и отстранять заблужденія и недоразумѣнія и уяснять понятія; то онъ въ особенности долженъ смотрѣть, чтобы идея Бога точнѣе была опредѣлена показаніемъ свойствъ, Ему приписываемыхъ. И такъ

II. *Пунктъ вторый.* Какое существо — Богъ? — Человѣку нельзя ограниченнымъ умомъ своимъ опредѣлить, каковъ Богъ самъ въ себѣ, — въ таинственномъ своемъ существѣ. Но какъ Онъ открываетъ себя намъ во Вселенной, — это — ограниченное — познаніе для насъ возможно. Природа, а особливо духовный міръ, есть зеркало, въ которомъ отражается жизнь божественнаго разума. Между Творцемъ и тварями долженъ быть союзъ, безъ котораго эти послѣднія не принадлежали бы къ Его царству. Потому, усматриваемыя въ нихъ свойства, особливо въ духѣ человѣческомъ, указываютъ и на нравственныя свойства Создателя.

Къ познанію этихъ свойствъ схоластики проложили намъ три пути: a) *путь винословности*, гдѣ всѣ совершенства, замѣчаемыя въ разныхъ тваряхъ, особливо въ превосходнѣйшей изъ нихъ — въ человѣкѣ — приписываютъ Творцу; b) *путь отрицанія*, на которомъ мы недостатки сотворенныхъ и конечныхъ вещей устраняемъ при мысли о Богѣ; c) *путь высочайшаго совершенства*, гдѣ мы, все превос-

ходное, что̀ усматриваемъ въ конечныхъ тваряхъ, присвоиваемъ Богу, въ необъятной полнотѣ. По настоящему каждый изъ этихъ методовъ ведетъ къ той же самой цѣли. Но какому бы вы ни слѣдовали, помните, что намъ вездѣ служитъ символомъ отблескъ божественныхъ совершенствъ — душа наша. Оттого здѣсь познаніе наше есть частію *аналогическое,* потому-что намъ должно представлять себѣ Бога Духомъ безконечнымъ, отличнымъ отъ всего конечнаго, частію *символическое,* потому-что мы необходимо представляемъ себѣ Его существо только *посредствомъ* нашего. — Это, конечно, антропоморфисмъ, но такой, который ни сколько не противенъ разуму; потому-что Богъ создалъ насъ по образу и по подобію своему.—Изъ духовно-нравственныхъ свойствъ человѣка можно извлечь опредѣленное понятіе объ отношеніи Бога къ намъ, и тутъ одна изъ самыхъ достойныхъ Его мыслей есть мысль о Немъ, какъ о чадолюбивомъ Отцѣ своихъ тварей.

Отмѣтимъ же свойства Божіи а) такія, которыя приличествуютъ Ему, какъ всесовершенному, безконечному существу вообще, или въ самомъ Себѣ разсматриваемому, со стороны Его *бытія* или *силы,*— свойства метафизическія, и b) какъ всесовершенному, духовному, разумному и свободному существу,— свойства нравственныя, болѣе относящіяся къ Его *дѣятельности.*

Свойства *перваго* разряда суть а) возвышенность надъ границами времени. Безусловное существо довременно, безначально, вѣчно. (См. это слово). Оно никогда не начинало существовать и никогда не перестанетъ; но отъ Него получаютъ бытіе всѣ другія временныя существа; отъ Него возникаетъ и самое время и все то, что когда-либо является на чредѣ бытія.

Возвышенный надъ временемъ возвышенъ b) и надъ пространствомъ. Не ищите Бога въ пространствѣ на ряду съ прочими вещами, хотя Онъ и составляетъ реальную основу всего того, что на какомъ-либо мѣстѣ усматривается. По силѣ этого свойства Онъ есть *простое,* невещественное существо, котораго не касается форма протяженія или сложности.

Съ вѣчностію сопряжена c) *неизмѣняемость.* Богъ всегда таковъ, каковъ былъ и будетъ, — всегда одинъ и тотъ же Сый. Пускай силы и состоянія конечныхъ существъ измѣняются, подлежатъ развитію и улучшеніямъ, — Богъ изъятъ отъ всякаго приращенія совершенствъ. Судьбы и совѣты Его вѣчны, опредѣлены однажды на всегда; только при исполненіи ихъ въ мірѣ они вступаютъ во времен-

ную форму, подчиняясь закону «преемственности. — d) *Величеству* Бога «числа и мѣры нѣтъ.»

Далѣе — въ понятіи безусловности заключается уже и e) *независимость.* Богъ ни со стороны бытія, ни со стороны дѣйствій ни чѣмъ не опредѣляется отвнѣ; Онъ самобытенъ, самостоятеленъ въ полномъ значеніи этого слова; — Онъ ни въ чемъ не нуждается, — не случаенъ, а безусловно необходимъ; — это единственный Виновникъ всякаго бытія, всѣхъ существъ и силъ, наполняющій весь міръ своимъ *вездѣприсутствіемъ.* (См. это слово).

Къ свойствамъ Божіимъ *втораго* разряда — духовно-нравственнымъ принадлежатъ:

1) Высочайшій *Разумъ* съ безусловнымъ познаніемъ добра и безусловною къ нему любовію, = *святость*, которой явленія суть. *α) Нравственное законодательство.* — Въ человѣческомъ мірѣ оно — гласъ совѣсти, которая предписываетъ намъ нравственно-доброе, какъ высочайшее правило жизни, съ обязанностію приносить ему въ жертву все, что человѣкъ цѣнитъ дорого; *β)* Безпредѣльная *благость* или *любовь* ко всѣмъ живымъ тварямъ, которымъ Богъ, по степени совершенства ихъ рода, подаетъ и силы и случаи къ благосостоянію, либо къ добродѣтели; она, — неизмѣримая, добровольная, святая, въ качествѣ *человѣколюбія* подаетъ намъ разнообразныя блага, въ качествѣ *милосердія* взыскуетъ непотребныхъ рабовъ, въ качествѣ *долготерпѣнія* коснитъ карою нераскаяннымъ грѣшникамъ; *γ) Правосудіе,* которое съ дѣланіемъ добра и зла сопрягаетъ естественныя и положительныя слѣдствія, благотворныя для однихъ, горькія для другихъ, потому-что нельзя же Богу и расточать своихъ милостей недостойнымъ, равно какъ нельзя и терпѣть зла, хотя Онъ и караетъ его, но, разумѣется, не съ тѣмъ только, чтобы карать, а чтобы чрезъ это направлять къ добру и совершенству.

2) *Всевѣдѣніе*, съ совершеннымъ, безконечнымъ познаніемъ самого себя и всѣхъ вещей, внѣ Его сущихъ. (См. *Всевѣдѣніе*).

Отъ связи совершеннѣйшаго разума со святостію проистекаетъ та *премудрость*, которая умѣетъ совершеннѣйшихъ, высокихъ, для насъ сокрытыхъ, цѣлей своихъ достигать наилучшими средствами.

3) Высочайшая свобода, и могущество, власть, сила, — все производить въ дѣйство, что съ Его совершенствами сообразно. (См. *Всемогущество*).

Изъ вышесказанныхъ свойствъ верховнаго Разума, всевѣдѣнія, свободы и святости мы должны за-

ключить, что Богъ есть и существо *личное*. Мы можемъ чтить и любить только лице, т. е. самостоятельное и самодѣйствующее, разумное и святое существо, а не безсознательную силу. Но не ограничивается ли Богъ личностію? Нѣтъ; лишь не представляйте Его себѣ пространственнымъ существомъ, — а представляйте Его себѣ единымъ, безусловнымъ, самостоятельнымъ, всѣвѣдущимъ, всесвятымъ, всемогущимъ, всеблаженнымъ духомъ, который всему далъ бытіе и жизнь, о всемъ промышляетъ, всемъ управляетъ въ мірѣ, но котораго не смѣйте сливать въ одну жизнь съ міромъ, какъ бы составную часть его.

4) *Блаженство* Бога. — Богъ, обладающій высочайшими совершенствами, неослабно дѣйствуетъ для высшихъ цѣлей. Изъ непрерывнаго, совершеннѣйшаго сознанія сей дѣятельности проистекаетъ та полнота неописаннаго благосостоянія въ самомъ себѣ, по силѣ которой Онъ, — возвышенный надъ всякою потребностію, — независимый отъ всѣхъ условій и отношеній времени, пространства, отъ бытія міра, въ Божественномъ сознаніи своихъ высочайшихъ, безконечныхъ совершенствъ находитъ себя — самодовлительнымъ и блаженнымъ.

Охотно признаемся, что эти наши представленія свойствъ Божіихъ весьма несовершенны, скудны и носятъ на себѣ печать человѣческой ограниченности. Мы не можемъ изслѣдовать сущность своего духа; какъ же можно намъ опредѣлить сущность и совершенства, всемогущество, премудрость и блаженство Бога? Мы должны представлять Его себѣ непрерывно дѣйствующимъ, и однакожъ, должны отрицать въ Немъ всякую перемѣну Его совершенствъ. Онъ всемогущъ и вездѣсущъ, и за всѣмъ тѣмъ свободныя разумныя твари живутъ и дѣйствуютъ по закону нравственной свободы. — Наши понятія суть только намѣки на отношеніе безконечнаго существа къ конечнымъ тварямъ. За всѣмъ тѣмъ они не лживы. Богу истинно приличествуютъ сказанныя свойства, но болѣе въ высшей степени совершенства, нежели мы, — близорукіе — съ ограниченной своей точки зрѣнія, понять можемъ. — Что требуется для выполненія нашего назначенія и для успокоенія нашей души, — это открыто намъ въ книгѣ природы и въ книгѣ сверхъестественнаго Божественнаго откровенія.

III. *Пунктъ третій.* Что дѣлаетъ Богъ? Какія Его дѣйствія? Дѣйствія Божіи суть сотвореніе міра и міроправленіе или провидѣніе (См. эти слова).

БОЖБА. См. *Клятва.*

БОЖІЕ ЦАРСТВО, понимаемое физически, есть Вселенная, вся природа, а понимаемое нравственно,— совокупность разумныхъ и свободныхъ существъ, чтущихъ Бога верховнымъ своимъ владыкой и покланяющихся Ему духомъ и истиною. — Въ Библейскомъ смыслѣ оно означаетъ Церковь Божію воинствующую и торжествующую, или Царство Небесное. (См. *Небо* и *Церковь*).

БОЙ. Биться значитъ вообще извѣдывать мѣру силы въ сшибкѣ ея съ другою силою. Искусство боевое или искусство биться есть двоякое: тѣлесное и умственное. Это второе значитъ не иное-что, какъ умѣнье состязаться или вести споры по правиламъ діалектики. Чтожъ касается до боя тѣлеснаго, то онъ, собственно говоря, не принадлежитъ сюда, развѣ по отношенію къ эстетическому вопросу: можетъ ли бой фехтующихъ быть предметомъ эстетическихъ удовольствій? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ утвердительно, замѣчая, однакожъ, что искусство въ этомъ кругу своей дѣятельности можетъ быть не безусловно, а только относительно изящнымъ, просто, пріятнымъ. Главной цѣли этого боя, т. е. личному нападенію и личной оборонѣ должны быть подчиняемы всѣ движенія. Потому фехтующій боецъ не можетъ, подобно танцору, развернуться съ полною свободой, чтобы произвести цѣлость интересныхъ поворотовъ тѣла; онъ долженъ двигаться такъ, какъ требуетъ того цѣль нападенія и защищенія. Если бы тутъ дѣйствительно имѣли въ виду бой на смерть и животъ; то взглядъ на подобную опасную потѣху не могъ бы, по крайней мѣрѣ, произвести чисто-эстетическаго удовольствія. Но, если бы то было *мимическое* только *представленіе* ужасной потѣхи, то и самыя движенія, которыя были бы тутъ смѣлѣе и свободнѣе, могли бы составить *пріятное зрѣлище*. Тоже самое надобно сказать о всякомъ тѣлесномъ боѣ, отъ котораго фехтованіе различается только тѣмъ, что оно нападаетъ и защищается оружіемъ, — разумѣется не огнестрѣльнымъ, котораго выстрѣлы съ одной стороны вовсе не вѣдаются съ пріятными движеніями (ибо тутъ надобно стоять спокойно, чтобы можно было прицѣлиться), съ другой стороны возвѣщаютъ потѣху, сопряженную съ опасностію для жизни. Слѣд. оружіе пускай тутъ будетъ такое, которое только колетъ и рубитъ, котораго употребленіе не только требуетъ движеній вообще, но и допускаетъ движенія пріятныя и котораго опасность отвращается сколько ловкостію бойцевъ, столько же и условными законами боя. Вотъ

почему изъ эстетики исключаются *бои кулачные*, которыми Англичане любуются, какъ спектаклемъ! Что прежде было и у Русскихъ. Это грубый, это звѣрскій бой, подобный *сраженію быковъ* въ Испаніи, въ которомъ даже животныя участвуютъ столь мучительнымъ и опаснымъ образомъ, что одичалая только душа можетъ подобными зрѣлищами услаждаться. Слѣд. они стоятъ на одной линіи съ варварскими *играми гладіаторовъ* и *сраженіями звѣрей* у древнихъ Римлянъ. Но другое дѣло *турниры;* это сраженія мимическія; лошади же, которыхъ тутъ употребляютъ, не принимаютъ прямаго участія въ рыцарской потѣхѣ, а только служатъ всаднику для его движеній, которыя тоже въ своемъ родѣ могутъ быть прекрасными.

БОЛВАНЪ. См. *Идолъ.*

БОЛЬ есть высокая степень неудовольствія, скорби, страданія; ибо иное ощущеніе можетъ быть непріятнымъ; но для того, чтобы назвать его болью, оно должно сильнѣе поражать насъ и какъбы дѣйствовать на насъ разрушительно. Впрочемъ и Боль опять имѣетъ свои постепенности, и, подобно удовольствію, можетъ раздѣляться на *душевную* и *тѣлесную*, изъ которыхъ первая часто перевѣшиваетъ вторую: не больнѣе ли намъ лишиться любезной особы, нежели страдать отъ легкой раны? — Что Боль есть высочайшее зло, — это можно утверждать тогда только, когда вы считаете удовольствіе верховнымъ благомъ. — Отсутствіе Боли (безболье), какъ нѣчто только отрицательное, не есть еще удовольствіе, а тѣмъ менѣе высочайшее удовольствіе, какъ учили нѣкоторые древніе моралисты, хотя освобожденіе отъ Боли можетъ на первыхъ порахъ быть для насъ весьма пріятнымъ. Но если къ тому не присоединяется другое какое-нибудь положительное наслажденіе, то мы скоро дѣлаемся равнодушными. Столь же ложно и извѣстное Эпикурово изрѣченіе, что продолжительная боль легка, а сильная кратковременна, потому-что человѣкъ можетъ нѣсколько дней сряду быть терзаемъ жесточайшими болями. — Властны ли мы принуждать кого-либо къ мучительной операціи, которая можетъ спасти жизнь ему самому, либо другому (*напр.* младенцу въ матерней утробѣ)? — Это вопросъ казуистическій, который врядъли часто встрѣчается въ жизни, потому-что самая боль и опасность обыкновенно заставляютъ уже насъ отваживаться на всякую крайность. Но его нельзя утверждать, потому-что никто на подобное принужденіе не имѣетъ права. Итакъ, если кто-нибудь скорѣе хочетъ умереть,

чѣмъ дать себя изувѣчить или взрѣзать, то это въ его власти, доколѣ только его положеніе дозволяетъ ему обнаруживать свободную волю. Если онъ находится въ безпамятствѣ, а опасность очевидна, то по догадкамъ здраваго разсудка надобно согласіе его предполагать, потому-что, гораздо вѣроятнѣе, всякій хочетъ быть спасеннымъ, чѣмъ погибнуть.

БОЛѢЗНЬ. См. *Здоровье.*

БОЛЬШИНСТВО значитъ либо просто множество, либо множество такое, которое болѣе другаго. Въ послѣднемъ смыслѣ берутъ это слово, когда говорится о большинствѣ голосовъ въ собраніи. Тутъ большинство заступаетъ мѣсто всеобщности, или трактуютъ дѣло такъ, какъ-будто всѣ соглашались, потому-что согласна самая большая часть. Въ семъ случаѣ предполагается то и лучшимъ, что наибольшая часть одобряетъ и чего она потому и хочетъ, — предположеніе, которое, конечно, не всегда сбывается, но которое все-таки надобно дѣлать, потому-что совершенное единогласіе всѣхъ членовъ собранія, особливо многочисленнаго, столь рѣдко, что во многихъ случаяхъ мы вовсе не дошли бы ни до какого рѣшенія, если бы всегда требовали совершеннаго единогласія. Оттого и дѣлаютъ различіе между большинствомъ *безусловнымъ* и *относительнымъ*. Первое имѣетъ мѣсто тогда, когда при данномъ числѣ голосовъ эти голоса раздѣляются на двѣ неравныя половины, гдѣ одинъ уже голосъ можетъ болѣе рѣшать, какъ *напр.* если изъ 101 голоса 51 поданъ въ пользу A, а 50 въ пользу B. Но большинство втораго рода имѣется тамъ, гдѣ голоса раздѣляются такъ, что не выходитъ большинства, которое имѣло бы подобный перевѣсъ, а выходитъ большинство только меньшее; *напр.* когда изъ 101 подающихъ голоса, 40 подаютъ ихъ въ пользу A, 30 въ пользу B, 20 въ пользу C и 11 въ пользу D, и слѣд. когда A имѣетъ только относительно самое большее число голосовъ. Можно также постановить, что въ извѣстныхъ случаяхъ, въ которыхъ совѣщанія происходятъ о вещахъ весьма важныхъ, для рѣшенія требуются $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$ всей суммы голосовъ. Тутъ полагаютъ вѣроятнымъ, что большинство правильнѣе поняло дѣло или избрало лучшія мѣры. При равенствѣ голосовъ безусловное большинство производится искусственнымъ образомъ, т. е. либо жеребьемъ, либо президентскимъ голосомъ, который считаютъ за два, чтобы только остановиться на какомъ-нибудь заключеніи. Но когда въ Судѣ требуется положить приговоръ надъ животомъ и смер-

тію обвиняемаго, то, по настоящему, не слѣдовало бы осуждать на смерть большинствомъ голосовъ, потому-что не только большая часть судей, но и всѣ они ошибиться могутъ.

БОЯЗНЬ, см. *Страхъ*.

БРАКЪ, А) въ *философскомъ* или *нравственномъ* отношеніи. Естественное общество, изъ котораго образуется и гражданское, есть супружество. Хотя оно первоначально имѣетъ въ виду сохраненіе и распложеніе подобныхъ себѣ тварей посредствомъ плотскаго совокупленія, однакожъ составляетъ вмѣстѣ и условіе несмѣтныхъ благъ нравственныхъ, именно тамъ, гдѣ уважается санъ человѣческій. — Оно предполагаетъ разность половъ, изъ которыхъ каждый служитъ къ облагороженію другаго. Неровный раздѣлъ природныхъ дарованій даетъ имъ чувствовать зависимость другъ отъ друга, и стремиться къ сближенію. Таковъ общій порядокъ жизни. Если бы каждая сторона была совершенна и самодовлительна, то не тяготѣла бы къ другой, а пребывала бы въ покоѣ; но каждая имѣетъ потребности и недостатки, которые можетъ удовлетворить и пополнить только союзомъ съ другою. Вотъ откуда проистекаетъ взаимное влеченіе, т. е. въ мыслящихъ существахъ любовь, какъ совершенное сліяніе и естественныхъ побужденій и разумнаго ихъ хотѣнія! — Мужчинѣ, какъ извѣстно, свойственны и сила и рвеніе покорять природу своей разумной волѣ, дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ, и высокими помыслами и подвигами производить перемѣны въ положеніи вещей. Напротивъ того, женщина получила въ удѣлъ нѣжное и мѣткое чувство, терпѣливость и вкусъ къ мирнымъ занятіямъ. Кротость, мягкосердіе и домовитость составляютъ украшеніе ея пола и званія. Но добродѣтели того и другой раскрываются только въ постоянномъ ихъ сожитіи. — Впрочемъ, не во всякомъ бракѣ зрѣетъ семейственное счастіе. Мужчина не всякой женщинѣ мужъ, женщина не всякому мужчинѣ супруга, потому-что не всякое лице годится для всякаго другаго. Любящихся сводитъ не сватъ корыстолюбивый, не воля честолюбивыхъ родителей, не жеребій, — ихъ сводитъ Богъ или вышняя судьба, и личныя свойства, которымъ принадлежитъ первое и рѣшительное мѣсто и познаніе коихъ облегчаетъ уже природа душамъ непредубѣжденнымъ, равно какъ и за небреженіе мститъ грозно, должны быть такого рода, чтобы они въ соединеніи образовали гармоническое цѣлое. Подъ этими личными совершенствами разумѣются не только врожденныя, но и пріобрѣ-

таемыя посредствомъ воспитанія. Невѣста должна присвоить себѣ качества, нужныя хозяйкѣ, супругѣ, матери, и если не родомъ или званіемъ, то стороною общаго образованія человѣческаго близко подходить къ жениху, дабы онъ могъ любить и уважать ее, и дабы они взаимно способны были содѣйствовать къ общему благу. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ очень скоро любовные восторги остываютъ въ мужѣ, который предоставляетъ жену собственной ея участи, ища того на сторонѣ, чего не находитъ дома. Но и мужчинѣ нужны важныя приготовленія къ супружескому быту, дабы онъ свѣдущъ былъ въ дѣлахъ своего званія и умѣлъ руководствовать жену въ управленіи домомъ. Юноша пускай возрастетъ въ зрѣлаго и здраваго мужа, пускай пріобрѣтетъ способы содержать самъ себя, пускай заслужитъ уваженіе сограждапъ прежде, чѣмъ возмечтаетъ имѣть право на уваженіе женщины; — пускай научится владѣть самимъ собою прежде, нежели съ своимъ лицемъ соединитъ судьбу слабаго творенія. Но если онъ уже созрѣлъ, если воля его плѣнена въ послушаніе разсудку, если сердце утвердилось въ постоянствѣ и если искусство въ дѣлахъ дознано; тогда пускай добродѣтельное супружество съ достойною подругою украшаетъ его жизнь и способствуетъ многостороннему его образованію. Жена не можетъ уважать такого мужа, который, безъ опредѣленнаго ремесла, званія, безъ службы, проводитъ время въ пустякахъ, или плохъ въ дѣлахъ и не пользуется уваженіемъ согражданъ; она не можетъ любить того, кто не имѣетъ личныхъ достоинствъ, столь плѣнительныхъ для сердца.

Бракъ связываетъ два лица *разнаго пола* и разныхъ *семействъ* въ *нераздѣльное единство*. Слѣдственно онъ по существу уже своему есть однобрачіе. Супруги составляютъ одно лице, принадлежатъ другъ другу всѣмъ, что имѣютъ, и ни одна половина въ этомъ отношеніи не можетъ вступать въ новыя связи; каждая мужеская натура пополняется только, соотвѣтственною ей, женскою, и наоборотъ.

Бракъ не зависитъ ни отъ увлекающихъ побужденій природы, ни отъ одного произвола, который, подобно сдѣлкѣ о вещахъ и услугахъ, основывался бы на договорѣ, а есть чистое дѣйствіе людскости, — есть непосредственное выраженіе разумной жизни, къ которой мы призваны. Человѣку такъ же естественно вступать въ супружество, какъ и посвящать себя опредѣленному званію; отъ того и другаго онъ не увольняется. Постоянное сожительство заключается уже

въ самомъ понятіи брака, какъ безусловнаго единства, основывающагося на достоинствѣ и назначеніи человѣка, которое предшествуетъ всѣмъ дѣйствіямъ произвола и относительно къ которому мужчина и женщина содержатся не какъ средства для удовлетворенія плотскихъ нуждъ, а какъ орудія для осуществленія первоначальныхъ идей, которыя одни и дѣлаютъ бракъ почтеннымъ и его освящаютъ. Эти идеи суть: обоюдная назидательность — для супруговъ, и порывы къ безсмертію — для родителей. а) Единство мыслей, чувствованій и вкусовъ въ стремленіи къ добродѣтели и совершенству предварительно одушевляютъ каждую половину по-своему, и что для каждой въ отдѣльности было бы трудно, то бываетъ легкимъ при содѣйствіи другой. Жена смягчаетъ строптивый нравъ мужа, приводитъ его шатанія въ границы, располагаетъ его къ существеннымъ занятіямъ; сама она, любимая и уважаемая мужемъ, старается выказать всѣ прекрасныя добродѣтели своего пола, дабы быть его достойною. Сердца ихъ открываются для всѣхъ чувствъ людскости и нѣжнѣйшаго дружества, дабы въ маломъ мірѣ — въ домашнемъ быту — водворить счастіе и довольство. Крѣпкіе добродѣтельною любовію, они готовы на всякія непріятныя встрѣчи въ жизни, и значительно возвышаютъ радости взаимнымъ участіемъ; каждая сторона, живя въ другой и позабываясь въ ней, совлекается эгоизма, порождающаго всѣ зла, и душа привыкаетъ интересоваться всѣмъ тѣмъ, что человѣка и тѣшитъ и крушитъ. — Поелику природа ввѣрила исключительно супружеству сохраненіе рода, то ей угодно было облагородить и чувственное удовольствіе любовію, — угодно было и плотскому совокупленію дать достойный человѣка и ему одному свойственный характеръ, по силѣ коего побужденіе къ другому полу дѣйствуетъ постоянно, не увлекая, и доставляетъ тѣмъ возможность удовлетворять его разумнымъ образомъ, и сохранять еще въ самомъ бракѣ извѣстное цѣломудріе. b) Идея для родителей слѣдующая. Кто вникаетъ въ устройство и ходъ человѣческаго разума, тотъ замѣчаетъ въ немъ и стремленіе распространять и увѣковѣчивать все хорошее въ своемъ родѣ. Благородная душа чувствуетъ потребность сообщать другимъ истинныя свои мысли, вѣрные опыты, мудрыя правила, счастливыя изобрѣтенія и пускать ихъ въ оборотъ, дабы блага сіи не тратились для человѣчества, а всегда переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Доблестные мужи, — мученики прав-

ды — жертвуютъ безсмертію временными выгодами и даже жизнію. Точно такъ же въ образованномъ человѣкѣ кроется съ одной стороны любовь къ такимъ лицамъ, въ которыхъ подмѣчаемъ совершенство человѣческой природы, съ другой стараніе вступать съ ними въ тѣсную и прочную связь для порожденія благъ общими силами, потому-что продолжительное созерцаніе человѣческихъ совершенствъ одушевляетъ къ доброму и облегчаетъ собственныя усилія любителя, умѣющаго плѣняться художественными произведеніями и назидательными писаніями. Этой идеѣ подлежитъ и облагороженное влеченіе половъ другъ къ другу, коихъ взаимная любовь дѣлается нравственною тогда, когда созерцаніе и уваженіе, свойственныхъ каждому полу, хорошихъ сторонъ, соединяетъ душу одного супруга съ душею другаго, и когда возникаетъ естественное желаніе родителей, физическое свое бытіе, порожденіемъ и воспитаніемъ новыхъ лицъ, расширить за предѣлы собственной своей жизни, и тѣмъ самымъ доблесть и умъ отца и любезность матери передать потомству.

В) *Внѣшняя или юридико-политическая сторона брака.* Главные пункты ея слѣдующіе:

— 1) ***БРАКЪ*** есть, какъ сказано, самая тѣсная связь, какая только можетъ существовать между людьми, а именно простая связь между мужчиной и женщиной, пожизненная, слѣд. (сколько то физически возможно) совершенное сліяніе обоюдной ихъ личности. Такъ, по крайней мѣрѣ, надобно намъ представлять ее себѣ въ идеѣ, потому-что всякая другая связь половъ не совмѣстна съ взаимнымъ уваженіемъ и любовію, — существеннѣйшими условіями порядочнаго брака. Вотъ почему государство не должно никакихъ другихъ половыхъ отношеній *признавать законными*, хотя оно и не въ силахъ преградить къ тому пути! Но человѣку должно плотское, физическое только побужденіе удовлетворять не безотчетно, а лишь на такихъ условіяхъ, которыя оставляютъ санъ человѣческій неприкосновеннымъ, — удовлетворять такъ, чтобы ни одно лице не было унижаемо до простаго средства къ сладострастію. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ прямо просвѣщенныя государства и выразумѣли и въ своихъ законахъ высказали это требованіе, и тѣмъ осуществили одно изъ первѣйшихъ условій всякаго истиннаго образованія. Ибо бракъ не только полагаетъ основаніе семейству, а чрезъ него и государству, но и облагораживаетъ, даже освящаетъ сношенія половъ тѣснѣйшею связью, въ которой способности и распо-

ложенія мужчины и женщины могутъ, при взаимныхъ вліяніяхъ, развиваться самымъ счастливымъ образомъ. Отъ чего пожилые холостяки сплошь имѣютъ въ себѣ что-то одностороннее? Отъ того, что у нихъ одна половина рода не могла быть пополнена другою. Такимъ образомъ бракъ есть, безъ сомнѣнія, что-то почтенное, святое, есть «тайна великая.» — Что онъ основывается на взаимномъ согласіи — это разумѣется само собою: откуда и взялось бы право, чтобы одна половина смѣла принуждать къ браку другую, либо смѣлъ кто-нибудь третій приневоливать къ тому обѣ половины? Такое принужденіе всегда остается несправедливымъ посягательствомъ, даже со стороны родителей относительно къ ихъ дѣтямъ. Отъ того не смѣетъ и государство принуждать къ бракамъ, хотя всячески можетъ имъ благопріятствовать. Оно не можетъ также терпѣть и *браковъ тайныхъ*, которые подавали бы поводъ къ грубымъ злоупотребленіямъ, да и весьма много вредили бы дѣтямъ, раждающимся въ подобномъ супружествѣ. Итакъ, пускай въ естественномъ состояніи никто не властенъ спрашивать, точно ли два лица разнаго пола, живущія вмѣстѣ, живутъ и въ супружествѣ, — государство всегда въ-правѣ имѣть о томъ свѣдѣніе и слѣд. въ-правѣ требовать, чтобы лица тѣ сочетавались открыто и по установленной формѣ. Но оно всячески можетъ дозволять *браки благовидные* — между лицами, изъ которыхъ одно, либо и оба къ супружеству неспособны, потому-что часто объ этой неспособности нельзя судить безошибочно, и если только обѣ стороны довольны тѣсною связью, хотя бы то было безъ плотскихъ наслажденій, то государству до прочаго нѣтъ и дѣла. *Полубраковъ*, въ которыхъ жена не пользуется званіемъ и чиномъ своего мужа, а слѣд. и сопряженными съ тѣмъ правами и преимуществами, философія не знаетъ; они положительныя только узаконенія и на Руси православной дѣло неслыханное. А что сказать о бракахъ *временныхъ*? Правда, цѣль супружескаго общества можетъ быть достигнута и во временномъ сожительствѣ мужчины съ женщиной, какъ это видно на тѣхъ бракахъ, которые впослѣдствіи были расторгнуты; однакожъ, по причинѣ перевѣса чувственности въ человѣкѣ надъ разумомъ, законодатель властенъ повелѣть, чтобы браки заключались на всю жизнь, не только потому, что при срочныхъ бракахъ всякая связь супружеская дѣлалась бы рыхлою и необузданное, безпорядочное удовлетвореніе похоти легко вошло бы въ обычай, но и по-

тому, что подъ-конецъ, при частой перемѣнѣ связей, страдала бы цѣль брака — прокормленіе и воспитаніе дѣтей. Вообще для государства весьма важна святость и прочность браковъ, потому-что все его существованіе зависитъ гораздо болѣе отъ добрыхъ нравовъ, нежели отъ хорошихъ законовъ, а добрые нравы, — опора самыхъ законовъ, — почти исключительно суть дѣло домашняго воспитанія, котораго нельзя себѣ представить безъ прочности и святости узъ брачныхъ.

— 2) *Возрасты*, требуемые для вступленія въ бракъ, — это вещь неопредѣлимая. Если вы говорите, что тотъ возрастъ, въ которомъ человѣкъ созрѣваетъ для расположенія подобныхъ себѣ, есть и пора женитьбы или замужства, то вы забываете, что это условіе безконечно разнообразитъ по климату, образу жизни и по особенному свойству и тѣлосложенію каждаго лица. Можно постановить — приблизительно — чтобы юноша ранѣе 18 — 19, а дѣвица ранѣе 15 — 16 лѣтъ не вступали въ бракъ. Древніе философы отсрачивали терминъ гораздо долѣе. Аристотель *напр.* въ своей Политикѣ говоритъ, что мужчинамъ не прежде должно жениться, какъ въ 37, а женщинѣ выходить за-мужъ въ 18 лѣтъ, такъ, чтобы супруги разнились почти 20-ю годами, потому-что родотворная сила у перваго угасаетъ обыкновенно въ 70 лѣтъ, а у второй въ 50. Не слишкомъ ли терминъ этотъ далекъ для мужчины? Но вообще надобно согласиться, что дѣвицы и юноши, дѣйствительно *недозрѣлые*, не должны вступать въ супружество, и что, слѣд. *несовершеннолѣтіе* есть законное препятствіе къ браку. Но ни въ какомъ случаѣ не должно допускать правительству, чтобы дѣйствительныя дѣти связывались узами брака между собою, либо съ взрослыми, какъ *напр.* въ Римѣ, во время величайшаго развращенія нравовъ барыни брали мальчиковъ себѣ въ мужья, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе предаваться распутству съ другими, взрослыми обожателями. — Столько же мало можно опредѣлить и пору, *когда* женится бываетъ уже поздно, потому-что родотворныя силы у иныхъ сохраняются весьма долго и что пожилые могутъ вступать въ бракъ по другимъ причино-побужденіямъ. Слѣд. такія вещи предоставимъ всякому на благоусмотрѣніе.

— 3) *Выборъ супруга*. Разсудокъ требуетъ, чтобы при выборѣ лица, съ которымъ вы хотите сочетаться на *всю жизнь*, вы поступали съ величайшею осмотрительностію, и чтобы столь важный союзъ заключали хотя не по *одной склонности* (потому-что она скоротечна,

если не имѣетъ болѣе прочнаго основанія въ прекрасныхъ качествахъ ума и сердца), — однакожъ и *не безъ всякой уже склонности*, потому-что тутъ бракъ былъ бы «скверное» общеніе половъ, а предполагать, что юные супруги современемъ, авось, свыкнутся — весьма опасно. Избирать супругу по внѣшнимъ только расчетамъ — породы, богатства, связей — безуміе, которое сплошь наказываетъ себя несчастнымъ супружествомъ.— Что не должно избирать супруги ниже, или выше своего званія и состоянія — это правило имѣетъ множество исключеній. Ибо, если разность состоянія не столь велика, чтобы влекла за собою разность въ воспитаніи и во всемъ образѣ жизни, слѣд. въ духовныхъ и тѣлесныхъ потребностяхъ, что, безъ сомнѣнія, сильно разстраиваетъ супружеское счастіе; то противъ женитьбы *напр.* барина на купеческой дочкѣ никакихъ возраженій быть не можетъ. Но главное вниманіе при выборѣ супруга или супруги обращайте на здоровое тѣлосложеніе. Хворость въ супружествѣ легко усиливается; она разстраиваетъ душу и бываетъ источникомъ многихъ домашнихъ непріятностей, которыя переносить не всякому по-силамъ. — Должно ли при выборѣ супруги смотрѣть и на красоту? — Это вопросъ критическій, щекотливый. Впрочемъ, между прекраснымъ и дурнымъ много постепенностей. Но то правда, что отличная красота есть вещь опасная для супружеской вѣрности, а отмѣнное безобразіе, — даже выкупаемое до извѣстной степени умомъ и любезностію, столько же опасно для супружескаго согласія, да и легко можетъ другую половину прельщать къ измѣнѣ. Слѣд. средина и здѣсь вообще есть самое лучшее. — Что молодой женщинѣ бѣда выходить за-мужъ за старика, а молодому человѣку жениться на «дѣвицѣ въ лѣтахъ» — это едва ли нужно и доказывать. Впрочемъ, если здѣсь и дозволяется перевѣсъ на какой-либо сторонѣ, то пускай же лучше онъ будетъ на сторонѣ мужа, потому-что старая жена для молодаго мужа — болѣе, чѣмъ Ягабаба. Такъ устроено уже природою, чтобы мужъ былъ, по крайней мѣрѣ нѣсколькими (хоть 10-ю годами) старѣе жены, потому-что тотъ позже, а эта ранѣе созрѣваютъ для супружескаго быта. — Не предоставить ли выборъ супруги жребію, по предложенію Платона и по обычаю нашихъ Гернгутеровъ? — Упаси Богъ!

— 4) *Договоръ* или, лучше, *уговоръ* брачный, есть обоюдное обѣщаніе и принятіе его относительно къ предстоящему браку. Онъ называется и *сговоромъ*, а ли-

ца, которыя тутъ взаимно обязываютъ себя — *женихомъ* и *невѣстой*. Какъ недоросли не могутъ заключать правовластныхъ договоровъ, то ихъ и сговоры не имѣютъ силы безъ согласія родителей или опекуновъ. Что и сговоры совершеннолѣтнихъ, но состоящихъ еще подъ родительскою властію, ничтожны безъ согласія отца и матери — это справедливо въ томъ только смыслѣ, что взрослыя дѣти находятся еще въ отцовскомъ домѣ и содержатся родителями. Какое же чужое лице и можетъ введено быть въ семейство, какъ членъ его, безъ воли домовладыки? Но если совершеннолѣтнія дѣти могутъ завестись собственнымъ домомъ, то они, по одному естественному уже праву, свободны въ выборѣ супруговъ, хотя, по чувству уваженія, любви и благодарности не преминутъ на счетъ этого предмета совѣщаться съ родителями. Потому положительные только законы расширяютъ родительскую власть за періодъ сыновней или дочерней возмужалости, требуя и тутъ еще согласія отца и матери для сообщенія законной силы сговору. Это видно даже изъ того, что законъ предоставляетъ дополненіе родительскаго согласія стороннему, гражданскому, либо духовному вѣдомству, если родители не могутъ представить достаточныхъ причинъ отказа. Но законъ не противорѣчитъ ли самъ себѣ, когда все-таки дозволяетъ родителямъ и тутъ, совсѣмъ или отчасти, лишать наслѣдства дѣтей, которыя женятся или выходятъ замужъ противъ ихъ воли? Ибо, если причины были недостаточны, то онѣ были безразсудны; а кто станетъ утверждать кого-либо въ неразумiи? — По закону естественному все равно, была ли помолвка торжественная, либо нѣтъ, публичная, либо тайная. Но какъ государство не терпитъ тайныхъ браковъ, то оно справедливо требуетъ, чтобы и сговоръ, для полной дѣйствительности, совершаемъ былъ открыто и съ извѣстными обрядами (обрученія): это научаетъ обѣ стороны бо́льшей осмотрительности въ одномъ изъ важнѣйшихъ поступковъ, а вмѣстѣ и предотвращаетъ тайныя супружества. — Все, что служитъ основательною причиной къ разводу супруговъ, должно быть причиной и разлученія юной четы при помолвкѣ. Брачный Судъ (если только обручаемые не совершили уже уговора предварительнымъ совокупленіемъ и не сдѣлались, слѣд. настоящими супругами) пускай будетъ тѣмъ снисходительнѣе, что тысяча обстоятельствъ можетъ молодыхъ людей доводить до опрометчивыхъ сдѣлокъ; это они ясно и усматриваютъ сами только при предстоящемъ рѣшеніи своей судь-

бы, когда человѣкъ обыкновенно разсуждаетъ уже здраво или начинаетъ вразумляться. Не горькое ли вышло бы супружество, еслибы за всѣмъ тѣмъ послѣдовало сочетаніе? Да и находка ли для государства умноженіе подобныхъ браковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ уже много? — Если сговоренный употребилъ издержки для предстоящей свадьбы или сдѣлалъ невѣстѣ значительные подарки, то онъ можетъ требовать вознагражденія и возврата отъ *попятной* стороны.

— 5) *Дѣти.* Плоды супружества, государству вѣдомаго и имъ подтвержденнаго, называются *законными дѣтьми*, въ противоположность другимъ, которыя рождены внѣ порядочнаго брака или *сынамъ любви.* Разумѣется, эти вторые, если впослѣдствіи не признаны государствомъ законными, не могутъ наслѣдовать наравнѣ съ первыми; но истреблять ихъ опять, какъ «контрабанду, вкрадывающуюся въ благоустроенное гражданское общество» было бы варварство.

— 6) *Исключительность брачнаго союза.* Что супружество должно быть исключительнымъ обществомъ, — этого въ естественномъ правѣ строго доказать нельзя. Правда, оно таково обыкновенно и по вѣроятнымъ намѣреніямъ обѣихъ сторонъ и по природѣ брака, какъ частнаго права. Но государство властно воспрещать такія сдѣлки, которыя вели бы къ безправію и совершенно разстраивали бы союзъ супружескій. Вотъ почему оно въ понятіе брака включаетъ и признакъ пожизненнаго исключительнаго общества и обѣтъ взаимной вѣрности! — А не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, *общеніе* женъ и дѣтей, чѣмъ супружество частное? Соглашаемся, что и частный бракъ имѣетъ своего рода неудобства. Укажите и вообще на какое-либо человѣческое учрежденіе, которое при своихъ сторонахъ хорошихъ не имѣло бы и дурныхъ сторонъ; да, и та ли задача, да и то ли назначеніе человѣка, чтобы находить самое лучшее или обладать безусловнымъ благомъ? Въ тысячѣ случаевъ онъ ничего болѣе не можетъ сдѣлать, какъ изъ двухъ вещей, изъ которыхъ каждая то полезна, то вредна, избирать такую, которая наименѣе представляетъ невыгодъ, и наиболѣе выгодъ. Не должно ли вслѣдствіе того частному браку быть преимущественно сообразнымъ съ природою человѣка, слѣд. истиннымъ *правомъ*, когда видимъ, что онъ искони существовалъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и что съ этимъ учрежденіемъ вездѣ и начиналось у нихъ образованіе? Не свойственно ли человѣку исключительно владѣть тѣмъ, что онъ любитъ? И не завязыва-

ются ли тамъ, гдѣ есть дѣйствительная любовь къ женѣ и дѣтямъ, — не завязываются ли въ самомъ общеніи всѣхъ женъ и дѣтей дѣйствительные частные браки, которые именно тутъ, по причинѣ неопредѣлительности права и по причинѣ противорѣчія притязаніямъ всѣхъ другихъ, должны порождать безчисленные споры? Если же такой любви къ женѣ и дѣтямъ нѣтъ, то можетъ ли воспитаніе государствомъ замѣнить домашнее воспитаніе отцемъ и матерью? И не глохнутъ ли всѣ прекрасныя стороны человѣческаго сердца, которыя можетъ развить только супружеская и дѣтская любовь? Наконецъ, не можетъ ли самая большая часть людей жить въ частныхъ бракахъ и должно ли давать законы для изъятій, а не для правила?

— 7) *Однобрачіе.* По естественному праву, многобрачіе такъ же позволительно и терпимо, какъ и однобрачіе, потому-что мужчина можетъ достигать цѣли супружества съ нѣсколькими женщинами, и что женщинѣ тѣмъ не причиняется обиды, если она сама отказывается отъ своихъ притязаній на природное равенство. Но одобрить многобрачія нельзя ни относительно къ сану человѣка (потому-что оно унижаетъ женщину), ни относительно къ образованію (потому-что тутъ мужчинѣ недостаетъ всѣхъ тѣхъ совершенствъ ума и сердца, къ какимъ могли бы способствовать женщины, осужденныя сами на вѣчное невѣжество), ни относительно къ общественной свободѣ (потому-что домашній деспотисмъ, неразлучный съ многоженствомъ, ведетъ, по свидѣтельству всѣхъ опытовъ, и къ деспотисму политическому; ибо государство есть въ большомъ видѣ картина семейственной жизни, и то, что всякій привыкъ дѣлать въ своемъ домѣ, находитъ онъ и внѣ дома естественнымъ и сноснымъ). Но многомужіе всегда противно природѣ, потому-что женщина не можетъ уже достигать цѣли брака съ другими, какъ скоро достигла ея съ однимъ. Оно извиняется развѣ невозможностью дать каждому мужчинѣ по женщинѣ.

— 8) *Права супружескія и родительскія. Права* аа) *супруговъ* не одного вещественнаго только рода, и не одного только личнаго, — они *лично-вещественныя*, потому-что обѣ стороны со всею своею личностію предались другъ другу, такъ-что принадлежатъ одна другой на всю жизнь, и имѣютъ, какъ одно лицо, совершенно общій кругъ свободы, т. е. равныя права и равныя обязанности. Ибо, если обѣ стороны отъ природы суть свободныя существа, то нельзя допустить, чтобы онѣ, при доброволь-

номъ согласіи, составляющемъ основу брака, предались другъ другу на условіяхъ не одинаковыхъ. Итакъ, если мужу предоставлено болѣе права, чѣмъ женѣ, то оно предоставлено ему только какъ отцу семейства и домовладыкѣ, а не какъ супругу, либо присуждено уже законами положительными какъ гражданину, имѣющему особенныя обязанности, которыхъ слабая женщина исполнять не можетъ. Но это большее право не простирается до того, чтобы жена совершенно была подчинена волѣ мужа; тутъ она была бы его наложница, даже рабыня. Что касается до имущества, то оно, собственно говоря, обоимъ супругамъ съ дѣтьми есть общее, потому-что они составляютъ одну личность, и что тотъ, кто предаетъ свою душу и свое тѣло, не можетъ уже изъять ничего внѣшняго, ему принадлежащаго. Впрочемъ, и здѣсь бываютъ ограниченія частію со стороны брачнаог договора, частію со стороны государственныхъ законовъ, благопріятствующихъ то мужу предъ женою, то женѣ предъ мужемъ (особливо касательно ея приданаго). Но спрашивается, хорошо ли это и не способствуетъ ли тому, что должнобъ было предотвратить? Такъ-же худо дѣлаютъ и тѣ государства, которыя законами дозволяютъ такъ называемые браки «отъ лѣвой руки» или полубраки. Неравенство званія и правъ въ самой тѣснѣйшей изо всѣхъ связей человѣческихъ уничтожаетъ именно это сердечное расположеніе, по крайней мѣрѣ мѣшаетъ ему, подаетъ поводъ къ многимъ несообразностямъ, равно какъ можетъ вредить и дѣтямъ, происходящимъ отъ подобныхъ браковъ, которые, впрочемъ, хотя несовершенные, но все-таки пожизненныя связи, существенно различаются отъ *наложничества.* (См. это слово).

Права bb) *между родителями и дѣтьми.* Родители обязаны кормить своихъ дѣтей, пока дѣти не въ состояніи будутъ доставать сами себѣ нужное пропитаніе, вос-

питывать ихъ для общихъ цѣлей человѣчества, — разумѣется, по своему званію и достатку, слѣд. и учить ихъ чему-нибудь такому, чѣмъ они могутъ жить и безъ богатаго наслѣдства, заступать ихъ и управлять ихъ имѣніемъ, и если умираютъ прежде, чѣмъ успѣли исполнить этотъ долгъ до самостоятельности дѣтей, назначать имъ вмѣсто себя *опекуна*, равно какъ и завѣщать извѣстную *долю* своего достоянія — по надлежащей раскладкѣ между родпею.

Это *долгъ* отца и матери; но они имѣютъ и особенныя *права:* ибо не властны ли они предпринимать все то, что нужно для окончательнаго воспитанія дѣтей и ожидать отъ нихъ соотвѣтственной покорности? Не властны ли возбранять имъ такіе поступки, отъ которыхъ увеличивались бы издержки на ихъ содержаніе? Не властны ли требовать отъ признательныхъ дѣтей, чтобы они, въ свою очередь, кормили своихъ старыхъ кормильцевъ?

Итакъ, изъ обязанностей отца и матери вытекаютъ права дѣтей, изъ правъ родителей — сыновнія и дочернія обязанности.

— 9) *Препятствія къ вступленію въ бракъ* суть частію a) *физическія* — неспособность къ дѣторожденію — *напр.* у недорослей и скопцевъ, частію b) *духовныя,* каковы скудоуміе и недостатокъ собственной воли; частію c) *политическія* — у всѣхъ такихъ жениховъ, которые ни въ капиталахъ, ни въ доходахъ отъ своей должности или ремесла не могутъ представить столько, сколько требуется для прокормленія дѣтей; частію d) *нравственныя,* куда преимущественно относится *близкое* родство, — конечно, незнакомое природѣ и въ ея порядкѣ жизни незазорное, но тѣмъ болѣе уважаемое законодателями — въ предупрежденіе ранняго разврата братьевъ и сестеръ, живущихъ съ дѣтства въ отцовскомъ домѣ; частію, наконецъ e) *религіозныя,* состоящія въ тѣсной связи съ нравствен-

ными, потому-что тутъ вмѣшивается въ дѣло и совѣсть. Ибо, какая-нибудь Церковь можетъ иныя брачныя связя либо отнюдь воспрещать, либо дозволять на извѣстныхъ условіяхъ. Кто вѣруетъ въ то, что постановляетъ его Церковь, для того возникаетъ и *религіозное* препятствіе къ браку, которое, сверхъ того, можетъ сдѣлаться *гражданскимъ*, если государство своими законами постановленія той Церкви утвердило.

— 10) *Спорныя дѣла* супружескаго быта, въ которыхъ торжествуютъ самыя благородныя и самыя низкія страсти, крайне щекотливы сами по себѣ и отяготительны для консисторіи.

БРАНЬ. Нѣтъ ничего естественнѣе для лица, облеченнаго властію, какъ изъявлять свое негодованіе на учиненную подвластнымъ несправедливость, которая вообще не имѣетъ права существовать, и потому должна быть отвращаема. Мѣры, употребляемыя тутъ человѣкомъ образованнымъ, состоятъ обыкновенно въ упрекахъ, выговорахъ, представленіяхъ дурныхъ послѣдствій, вразумленіяхъ, которыя охотно выслушиваются и принимаются; но человѣкъ грубыхъ чувствъ и строптиваго нрава изливаетъ свой гнѣвъ въ гнусныхъ, подлыхъ и нечестивыхъ ругательствахъ, т. е. такихъ выраженіяхъ, которыя уничижаютъ достоинство человѣка и которыя потому рѣдкій выноситъ можетъ.— Взаимная Брань между равными, *напр.* между супругами, или журналистами, есть *перебранка*. — Все это происходитъ между частными лицами на словахъ, либо на письмѣ. Но есть брань и на дѣлѣ; — это та, которая производится съ оружіемъ въ рукахъ, — которая производится между народами — съ намѣреніемъ не столько вразумить, сколько сокрушить противника. Такая кровавая Брань называется *войною*. (См. это слово).

БРАТСТВО, см. *Родство* и *Сродство*.

БРЕДЪ, см. *Душевныя болѣзни*.

БРОДЯЧІЕ НАРОДЫ. Первую степень въ Исторіи Человѣчества занимаютъ дикари (см. это слово), вторую тѣ народы, которые въ нравственномъ отношеніи слывутъ варварами, въ отношеніи къ мѣсту жительства — кочевыми, бродячими ордами, въ отношеніи къ роду жизни — Номадами, Бедуинами, въ отношеніи къ способу пропитанія — народами пастушескими. Хотя и у нихъ господствуетъ еще необразованность, однакожъ они значатъ уже болѣе, чѣмъ дикари, — по крайней мѣрѣ они въ разгулѣ жизни ограниченнѣе, подобно своимъ домашнимъ животнымъ. Произволъ тутъ начинаетъ до извѣстной степени установляться. Номадъ не ловитъ только животныхъ, не убиваетъ ихъ; — онъ старается имѣть ихъ живыми, — старается укротить ихъ, пріучить къ рукамъ; онъ — прозорливый скотоводъ — пасетъ свои стада и табуны, — въ особенныхъ, привольныхъ урочищахъ,—сберегая на случай нужды, — на будущее время.

Успѣха въ гражданскомъ быту ожидайте всего скорѣе отъ *опытныхъ* и *старшихъ* въ родѣ — здѣсь же тѣмъ болѣе, что старику-звѣролову тошно, если онъ отъ своего прежняго промысла ничего сберечь не умѣлъ. Вотъ почему звѣриная и рыбная ловли предоставляются бодрымъ, дюжимъ и удалымъ юношамъ, а скотоводство дряхлымъ отцамъ ихъ и дѣдамъ!

Пища, доставляемая Бедуину домашними его животными, и разнообразнѣе и вѣрнѣе, — первое потому, что онъ, не какъ звѣроловъ, ѣстъ только мясо, — онъ естъ и молоко, второе потому, что пропитаніе пастуховъ не столько уже зависимо отъ случая, какъ у охотниковъ. Но обиліе снѣдей имѣетъ тутъ уже своимъ слѣдствіемъ и родъ лакомства.

Понятіе о *собственности* образуется у Номада далѣе: при посредствѣ необходимости она первоначально не заключаетъ въ себѣ такихъ вещей, которыя каждый можетъ одинъ только употреблять

про себя; она тутъ обращена на вещи, которыя въ извѣстную только пору бываютъ подъ рукою. Съ тѣмъ вмѣстѣ происходитъ и первая форма неравенства, — состояніе «комфорта» у бѣдныхъ и зажиточныхъ, что причиняетъ многоразличныя измѣненія въ жизни вообще.

Какъ кочевые Ордынцы не убиваютъ сплошь пойманнаго *животнаго*, такъ они не убиваютъ уже и плѣннаго *человѣка*, хотя такое житье его часто бываетъ хуже смерти, потому-что тутъ начинается эпоха *рабства*. — Пускай побѣдитель удерживаетъ неограниченную власть надъ побѣжденными непріятелями, какъ *первыми* рабами, — удерживаетъ право на ихъ животъ и смерть; — пастуху, который имѣетъ и болѣе средствъ къ продовольствію и болѣе собственности, нужны руки, да руки. — Разумѣется, и онъ поступаетъ съ своимъ закабаленнымъ батракомъ какъ съ собственностію, употребляя его, какъ средство, для своихъ цѣлей, и слѣд. поставляя его на одну линію съ домашнимъ своимъ скотомъ, и подъ-часъ ущедряя его побоями. — *Другой родъ рабовъ* — съ которыми обходятся милостивѣе, — это тѣ, которые, по причинѣ ненадежности звѣриной и рыбьей добычи, примыкаютъ къ нему и отъ его избытка получаютъ пропитаніе, — просто «служатъ изъ хлѣбовъ.» Эта же самая легкая потребность прокормленія дѣлаетъ и собственныхъ дѣтей и женъ Номадовъ ихъ рабами и рабынями. Но по мѣрѣ того, какъ усиливается деспотисмъ, обхожденіе съ рабами становится сноснѣе. — Все это не можетъ оставаться безъ рѣшительныхъ вліяній

1) На *тѣло*;

Это вліяніе здѣсь не такъ замѣтно, какъ въ первобытномъ состояніи. Тѣло теряетъ свою богатырскую крѣпость; оно изнѣживается, — даже отъ начинающихся уже лакомствъ, — становясь вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣнивѣе;

2) На *душу*;

а) *Сердце* Номада открыто для чувствованій *симпатическихъ*. Съ мирною жизнію начинаются у него общежитныя сближенія; онъ снисходитъ уже къ *слабымъ* созданіямъ, хотя, разумѣется, все еще по чувственнымъ побужденіямъ, — снисходитъ прежде всего къ своимъ женамъ (не обильный ли онѣ источникъ его богатствъ и благословеній? Не матери ли онѣ дѣтямъ, которыя то работаютъ, то пріобрѣтаютъ, то охраняютъ домъ отцовскій)? — Уважаетъ старцевъ — патріарховъ, щадитъ дѣтей, будущихъ *подпасковъ*, щадитъ даже *калекъ*, которые все еще къ чему-нибудь да пригодны, — уважаетъ

странниковъ, за которыми ухаживаетъ, которымъ предлагаетъ свою хлѣбъ-соль, и которые могутъ быть увѣрены въ своей безопасности, если имъ удалось только выманить у Бедуина привѣтствіе или глотокъ воды.

Съ этою общежитною приверженностію къ многимъ людямъ состоитъ въ связи обширное *родство*, которымъ у Номадовъ соединяются не только отдѣльныя семейства, но и цѣлыя племена или кланы. Тутъ пробуждаются нѣжныя чувствованія *супружеской* и родительской любви.

Тоже самое *разширеніе* признательнаго *сердца* не только блюдетъ, но и милуетъ, даже уважаетъ тѣхъ слоновъ, верблюдовъ, лошадей, оленей, воловъ,ословъ, козъ, овецъ, собакъ, даже хищныхъ птицъ, которыя продолжаютъ Номада возить, кормить и одѣвать и которыя сдѣлались его челядинцами, первыми домашними его друзьями и сотрудниками во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя человѣку одному поднять такъ трудно! Далекъ ли тутъ шагъ къ *скотослуженію*, возникающему изъ мысли о пользѣ, а потому и о достоинствѣ иныхъ живыхъ тварей?

b) На сторонѣ *желательной* способности *побужденіе къ общежитію*, содѣлавшееся замѣтнымъ при вліяніи тѣснаго соединенія людей, начинаетъ уже болѣе ограничивать эгоизмъ, озабоченный *самосохраненіемъ*. — Впѣшнее спокойствіе располагаетъ къ нѣгѣ; но досугъ, конечно, порождаетъ всего легче *праздность*, въ которой зажиточный хозяинъ полагается уже на тѣхъ, которые отъ него зависимы, хотя бы то былъ рабочій скотъ его.—Въ подчиненныхъ возникаетъ раболѣпство предъ высшими. — Съ расширенною собственностію усиливается и забота объ ея *обезпеченіи*. — Умноженіе потребностей порождаетъ мало-по-малу и стремленіе за предѣлы настоящаго и притомъ отчасти въ попеченіи о безбѣдной будущности, отчасти въ склонности къ играмъ и пьянству, пріятно оглушающему внутреннее чувство.

Изъ склонности къ бездѣйствію изъясняется и *фамильная гордость*, равно какъ и *пристрастіе къ старымъ привычкамъ* и къ *дѣдовскому одѣянію*. Бедуинъ — въ дѣдовской буркѣ — презрительно смотритъ и по-нынѣ изъ своего бивуачнаго притона на жалкую прозу *осѣдлыхъ* народовъ.—Но то правда, что кочевая жизнь — въ вѣчныхъ странствованіяхъ — питаетъ до извѣстной степени *любовь къ своевольству*. — Всякое нарушеніе спокойствія заставляетъ бродягъ тянуться далѣе; вотъ, отъ чего пастушескіе народы искони были за-

воевателями земель и опустошителями городовъ!

с) Что касается до *познавательной* способности; то льгота благопріятствуетъ потребности, быть въ чьемъ-нибудь да *управленіи*, — досугъ возбуждаетъ духъ размышленія, вниманія, изобрѣтательности. Ордынцы наши давно уже научились изъ кобылья молока приготовлять кумысъ, Индійцы изъ пальмоваго соку — пальмовку, изъ кожи и шерсти верблюжей шить платье и дѣлать войлоки для кибитокъ. — Общежитныя сближенія подаютъ поводъ и къ обмѣну мыслей и мечтаній; — оттого первыя сказанія, Саги, слѣд. начатки Поэзіи, которую, впрочемъ, и нельзя еще назвать настоящею Идилліей Аркадскою.

БРЮЗГА. Избалованное своенравіе можетъ обращаться въ навыкъ и доводить до того, что ему подъ-конецъ «все не мило, все постыло.» Это явленіе сплошь мы замѣчаемъ въ старости, которая дѣлается не только настойчивѣе въ своихъ мнѣніяхъ, но и все недовольнѣе свѣтомъ. Натурально: свѣтъ подвигается впередъ, между-тѣмъ-какъ мы отстаемъ. Оттого Брюзга любитъ въ особенности журить молодежь, потому-что она-то именно всего сильнѣе и обиднѣе напоминаетъ ему объ его годахъ и что всего менѣе умѣетъ ладить съ его причудами. За всѣмъ тѣмъ должно стараться по возможности исправлять въ себѣ этотъ недостатокъ; иначе мы и дѣлаемъ себѣ жизнь еще несноснѣе, да и бываемъ другимъ въ тягость.

БУДУЩНОСТЬ, *будущее.* Будущность означаетъ лежащее или простирающееся предъ нами время со всѣмъ тѣмъ, что оно кроетъ въ своихъ нѣдрахъ. Она дщерь прошедшаго и настоящаго. Если бы мы умѣли совершенно обозрѣть оба эти времени, то предъ нашими глазами была бы развернута и будущность. А какъ намъ въ этомъ отношеніи весьма многое неизвѣстно; то и будущность по большей части отъ насъ утаена или задергнута роковою завѣсой, которую приподнимать — мѣстами — суждено только немногимъ прозорливымъ тайновидцамъ. Но людямъ все-бы хотѣлось знать о будущемъ болѣе, чѣмъ они предчувствіями своими, либо умозаключеніями изъ прошедшаго и настоящаго могутъ угадывать и какъ-бы предвосхищать. Вотъ почему попали на разныя странныя средства, настежъ отдергнуть, если то возможно, покрывало Изиды — въ разныхъ *гаданіяхъ* (см. это слово), — отъ Астрологіи Маговъ до ворожбы цыганокъ и старыхъ бабъ, — гаданьяхъ, которыя суевѣрію и обману доставили обильную пищу. Всего, однакожъ, вѣр-

нѣе и слѣд. всего лучше держаться настоящаго и въ немъ всякій разъ дѣлать то, что долгъ повелѣваетъ; тутъ можемъ мы съ твердымъ упованіемъ ожидать и будущности. — *Будущее* есть то, что имѣетъ быть или явиться, что, слѣд. кроется въ томъ времени, котораго еще нѣтъ. (См. *Пространство* и *Время*). Гдѣ же рѣчь идетъ просто о *будущей жизни*, тамъ разумѣютъ не предстоящую еще часть земной или временной жизни, а *жизнь вѣчную*, которой настоящая противополагается, какъ временно ограниченная. Слѣд. она называется будущею въ томъ только смыслѣ, что люди, по обыкновенному своему способу представленія, помѣщаютъ ее во времени послѣ смерти какого-нибудь человѣка, слѣд. мы, остающіеся еще въ живыхъ, только ожидаемъ ея или надѣемся. Но, собственно говоря, ее надлежало бы представлять себѣ безвременнымъ бытіемъ и дѣйствованіемъ.

БУНТЪ есть 1) вообще всякое дѣятельное сопротивленіе подчиненныхъ своему начальству, 2) въ особенности открытое, обдуманное, возстаніе народной массы противъ правительства. Противозаконность такого самоуправства не подлежитъ и сомнѣнію. Допускать его значитъ явно противорѣчить понятію неодолимой верховной власти (см. это слово), потому-что тутъ не правительство, а народъ имѣлъ бы рѣшительное велемочіе, — народъ, который обязанъ и снисходить къ инымъ несовершенствамъ государственнаго устройства или управленія, потому-что бунтъ ниспровергаетъ весь законный порядокъ вещей. Ибо для того, чтобы имѣть право на возмущеніе, надлежало бы существовать публичному закону, который бы дозволялъ его; но тутъ въ идеѣ верховнаго законодателя содержалось бы такое особенное свойство, по которому *не онъ* уже, а народъ, *какъ подданный* былъ бы владыкой того, кому онъ обязался повиновеніемъ съ той минуты, какъ призналъ свою зависимость отъ него въ актѣ подчиненія, а это не явное ли противорѣчіе, которое еще болѣе бросается въ глаза при вопросѣ: ктожъ въ спорахъ между народомъ и правительствомъ долженъ быть судьею? И тутъ оказывается, что народъ хочетъ судить и рядить въ собственномъ своемъ дѣлѣ и что слѣд. онъ поступаетъ противъ всякихъ правъ, потому-что верховная власть есть не только высочайшее право того, кто облеченъ ею, но и условіе всѣхъ частныхъ правъ народа, которыя и получаютъ свое подтвержденіе, свою силу и обезпеченіе только въ государствѣ, т. е. отъ Главы его. — Будь же этотъ Гла-

ва отдѣльное лице (Монархъ), то бунтъ противъ него или даже посягательство на священную его особу суть еще болѣе противозаконные поступки, потому-что тутъ однимъ разомъ уничтожается правовластное состояніе. Кто малѣйшее дѣлаетъ къ тому покушеніе, тотъ не только предатель, тотъ убійца своего отечества, и потому наказывается смертію. (См. *Революція*).

БЫЛЬ употребляется въ Философіи, въ Исторіи и Словесности для означенія всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ вещь вообще изъ состоянія возможности возникаетъ въ состояніе дѣйствительности, *происходитъ*, становится въ рядъ явленій, вступаетъ на чреду бытія доступнаго, открытаго, даннаго общему нашему сознанію. Она противополагается частію возможному, частію будущему, частію вымыслу или сказкѣ, небылицѣ. Къ былямъ, фактамъ, происшествіямъ, которыя всѣ принадлежатъ Исторіи (см. это слово) относятся a) дѣйствія Божіи, b) явленія въ природѣ, c) приключенія въ мірѣ человѣческомъ и наконецъ d) то, что каждый изъ насъ подмѣчаетъ въ самомъ себѣ. Все это подлежитъ пересмотру, повѣркѣ, критикѣ наблюдательнаго таланта. (См. *Наблюденія*). — Отъ Были происходитъ прилагательное *былевой*. Такъ мы *былевымъ правомъ* называемъ такое, которое зависитъ отъ какого-нибудь факта, *напр.* отъ даренія, покупки, наслѣдованія и пр. Но если въ спорныхъ дѣлахъ *былевое* противополагается *юридическому*; то полагаютъ, что тамъ нѣтъ еще права или что оно, по крайней мѣрѣ, сомнительно. Такъ можетъ кто-либо быть былевымъ владѣльцемъ вещи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ юридически владѣлъ ею, т. е. былъ истиннымъ ея хозяиномъ, хотя это вообще и подразумѣвается тѣмъ, кто не въ-правѣ спрашивать, почему онъ ею владѣетъ. То же самое бываетъ и въ сношеніяхъ между народами. Если кто-либо внутри государства на самомъ уже дѣлѣ признанъ его главою; то никто внѣ государства не въ-правѣ оспаривать у него верховную власть. Или, если извѣстное правленіе существуетъ уже внутри государства, какъ фактъ; то никакая иностранная держава не въ-правѣ ниспровергать его. Или, если колонія *фактически* уже возвысила себя на степень политической независимости; то никакая иностранная держава не властна возвращать ее въ первобытное состояніе, хотя бы *родимое* государство и не признало еще достоинства нововозникшей сверстницы. Но иностранная держава не имѣетъ нужды и дожидаться этого признанія; она съ сво-

ей стороны прямо признаетъ ее, держась Были, потому-что не въправѣ спрашивать о происхожденіи новаго государства, если тѣмъ его только собственное право не нарушено.

БЫТІЕ — вообще означаетъ присутствіе чего-либо въ душѣ и въ *безусловномъ* смыслѣ противополагается *небытію, ничтожеству*, въ *относительномъ* же *дѣятельности движущихъ силъ*, съ которою вмѣстѣ составляетъ двѣ сподчиненныя формы *жизни*. — Бытіе, по происхожденію и содержанію своему, есть понятіе данное или навязанное нашему сознанію, неотразимое, по значенію — одно изъ самыхъ простыхъ и слѣд. самыхъ неопредѣлительныхъ по себѣ, тощихъ, пустыхъ, по объему — самое обширнѣйшее: ибо

А) Въ *умозрительномъ отношеніи* мы различаемъ бытіе *логическое* и *метафизическое*. Первое есть бытіе только въ мысляхъ, *идеальное*, а второе внѣ мыслей, которое потому называется и *существованіемъ, дѣйствительностію, предметомъ* дѣйствій нашего познанія, бытіемъ *реальнымъ*. Въ послѣднемъ случаѣ оно употребляется безусловно или само по себѣ, *напр.* тамъ, гдѣ мы говоримъ: Богъ *есть* или «*есть* жизнь и за могилой.» Въ первомъ случаѣ оно служитъ только логическою связкой между однимъ представленіемъ и другимъ, между подлежащимъ и его сказуемымъ, причемъ мы не опредѣляемъ, точно ли такое-то подлежащее существуетъ съ такимъ-то свойствомъ, или нѣтъ, какъ *напр.* бываетъ то въ сужденіяхъ: сатана *есть* олицетворенное начало зла, ничто *есть* отсутствіе бытія, т. е. оно бываетъ такъ представляемо въ мысляхъ. — Метафизическое бытіе опять есть частію *чувственное*, частію *сверхчувственное*. То существуетъ съ *одной* стороны въ пространствѣ и притомъ во внѣшнемъ съ моментами цвѣтовъ, звуковъ и тѣлъ, а во внутреннемъ наполнено образами, съ *другой* — во времени, и притомъ внѣшнемъ, состоя тутъ изъ моментовъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, а во внутреннемъ изъ разныхъ производствъ или откровеній сознанія, — изъ мыслей, желаній, чувствованій, мечтаній, сомнѣній и т. п. Этому бытію чувственному, эмпирическому, скоротечному, призрачному противопоставляется другое бытіе — сверхчувственное, изъятое отъ ограниченій и отличающееся отъ предыдущаго прочностію своего состава и значенія. Его-то приписываемъ мы съ одной стороны преимущественно началоположнику всякой жизни — Богу, который единый есть вѣчно *Сый*, съ другой идеямъ разума, па

которыхъ утверждается сущность вещей и наше объ нихъ познаніе, приписываемъ наконецъ,

В) Въ *нравственномъ отношеніи*, характеру доблестнаго мужа, который постоянно имѣетъ въ виду высокое свое назначеніе, получая цѣну болѣе отъ того, что̀ онъ *есть*, нежели отъ того, что̀ онъ *дѣлаетъ:* ибо кто обрѣкаетъ себя на служеніе разсѣяніямъ и суетамъ свѣтскимъ, не управляясь вѣчными законами духовной жизни, тотъ прокладываетъ себѣ путь къ *практическому ничтожеству*.

БѢДНОСТЬ. Кто не имѣетъ способовъ къ содержанію себя съ семействомъ и живетъ на чужой счетъ, тотъ *бѣденъ*. Первоначально уже неравный раздѣлъ земель, избытокъ народонаселенія, скупость природы, запруды каналовъ промышленности, обременительные налоги и оброки, несчастные случаи, безразсудныя спекуляціи, лѣнь, мотовство блудныхъ сыновъ и т. п.— вотъ обыкновенныя причины той бѣдности, которая столько же унизительна для человѣка, сколько достатокъ питателенъ для его самодовольства и благородной гордости! Ибо бѣднякъ касательно своего существованія совершенно зависитъ отъ расположенія милостивцевъ и потому не есть человѣкъ самостоятельный, а съ тѣмъ и способный имѣть голосъ въ обществѣ, доколѣ длится его жалкое состояніе. По этой причинѣ, а равно и по той, что бѣдные не платятъ податей государству, слѣд. нисколько и не способствуютъ къ поддержанію и укрѣпленію его силъ, они по справедливости устраняются отъ участія въ такихъ публичныхъ собраніяхъ, въ которыхъ происходятъ совѣщанія объ общемъ благѣ и въ которыхъ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ. Посему они не дѣйствительные, а только страдательные члены государственнаго союза, или граждане-фигуранты, пользующіеся покровительствомъ государства, но несодѣйствующіе сами къ его благосостоянію. Оттого законъ, требующій *извѣстнаго*, умѣреннаго достатка отъ представителей народа, или сословія, даже отъ избирателей, отнюдь не противенъ здравому разсудку. Но крайняя несправедливость — воспрещать неимущимъ изученіе грамотѣ, какъ общаго средства къ образованію человѣка, на которое имѣетъ право столько же и бѣдный, сколько богатый. — Что *добровольная бѣдность напр.* Циниковъ, Стоиковъ, Дервишей имѣетъ нравственную цѣну — этого никакъ нельзя утверждать: ибо, если бы всѣ захотѣли стремиться къ подобнымъ заслугамъ; то это подъ-конецъ остановило бы успѣхи и промышленности и образованія. Вотъ почему и *обѣтъ*

бѣдности, даваемый иною пищенствующею братіей католическихъ Орденовъ, но живущею въ привольѣ, безразсуденъ! Ибо, что сталось бы съ гражданскимъ обществомъ, если бы всѣ мы захотѣли кормиться подаяніемъ? Но обѣтъ тѣмъ еще безразсуднѣе, что обители, вообще говоря, по большей части довольно зажиточны и монахи при всемъ нищенствѣ живутъ даже роскошно.— Въ *духовномъ* смыслѣ мы приписываемъ бѣдность какъ людямъ, такъ и умственнымъ ихъ произведеніямъ, въ которыхъ усматриваемъ недостатокъ мыслей, либо чувствованій. Слѣд. эта *внутренняя бѣдность* можетъ существовать при огромномъ *внѣшнемъ богатствѣ*, и наоборотъ. — Такъ называемые *сборы для бѣдныхъ* суть подати, взимаемыя съ достаточныхъ людей для прокормленія неимущихъ братій. Это—вынужденныя подаянія, столько же несправедливыя, какъ и вынужденные займы. Милостыня есть дѣло благости, а не дѣло правосудія, слѣд. всякому должно отдать на волю, хочетъ ли онъ, и сколько хочетъ, по достатку и по добротѣ сердца, удѣлять бѣднымъ. Притомъ же денежное вспоможеніе, на которое мы вѣрно полагаться можемъ, есть опасная вещь, потому-что лишаетъ насъ поощренія къ трудолюбію. Замѣчено, что бѣдныхъ бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ суммы, собираемыя для нихъ, значительнѣе. Посему этотъ родъ податей никуда не годится. Бѣдности можно помогать только *доброхотными вкладами*, которые будутъ въ избыткѣ приливать въ кассу человѣколюбиваго общества, если только полиція наблюдаетъ за гнуснымъ нищенствомъ. Гораздо лучше помогать ему натурой, а и того лучше доставлять работу нищимъ, которые могутъ еще трудиться, къ чему можно ихъ и принуждать, — именно въ работныхъ домахъ и на казенныхъ заведеніяхъ: ибо кто не хочетъ трудиться, тотъ не стоитъ и хлѣба. — Но какъ бѣдные могутъ въ своихъ дѣтяхъ поставлять государству гражданъ, то крайняя была бы несправедливость допустить какому-либо бѣдняку умереть съ голоду.

БѢДСТВІЕ, злоключеніе, = состояніе страждущаго человѣчества. — Взглядъ на бѣдствіе есть *особенный источникъ удовольствія*, страннаго, неимовѣрнаго и почти грѣшнаго, которое, однакожъ, существуетъ и никому изъ насъ не чуждо.

Нѣтъ ничего натуральнѣе, какъ предложить самому себѣ вопросъ: «что, кажется, за удовольствіе, гля-«дѣть на сцену, въ которой мои «собратія издыхаютъ въ страхѣ, «тогда-какъ мнѣ нельзя ни своею «симпатіей раздѣлить ихъ горя, ни

«отвратить ихъ опасности? При «видѣ бѣдствій другаго больно и «мнѣ. Не участвую ли я въ его «положеніи? — Для чего, опять, «эта сильная и нѣжная сострада«тельность вселена въ насъ, какъ «не для того, чтобы побуждать «насъ къ дѣятельному, непосред«ственному и рѣшительному вспо«моществованію? Подобныя движе«нія души въ самомъ дѣлѣ сопро«вождаются благороднымъ удовольствіемъ, когда мое дружеское вни«маніе, либо доброхотное участіе «можетъ утѣшить сѣтующаго, из«бавить его отъ угрожающей ему «бѣды, либо помочь ему въ край«ности. Но, вообще, гдѣ мое сер«доболіе ни къ чему не служитъ, «я бѣгу отъ плачевнаго зрѣлища, «чувствуя себя не въ силахъ вы«нести муку, которая не облегчает«ся удовольствіемъ — сдѣлать доб«рое дѣло.»

Въ отвѣтъ на эти возраженія нужно прежде всего доказать дѣйствительность чувствованія, причины котораго въ человѣческой природѣ мы здѣсь открыть пытаемся.

Нѣкоторые писатели замѣчаютъ, что тѣ, въ природѣ усматриваемые нами предметы, которые причиняютъ намъ отвращеніе или ужасъ, или скорбь, часто подъ перомъ поэта становятся занимательными и пріятными, въ особенности тамъ, гдѣ описаніе сильно потрясаетъ душу. Иной удивлялся бы (прибавляютъ они), какимъ образомъ страхъ, уныніе, горесть, — страсти, во всякое другое время неспосныя, бываютъ весьма пріятны, когда возбуждаются удачнымъ описаніемъ. Это удовольствіе во время чтенія проистекаетъ изъ отраднаго сознанія, что мы находимся внѣ опасности, — проистекаетъ изъ тайнаго сравненія нашей участи съ участью страдальцевъ. Могли ли бы мы ощущать такого же рода пріятность, если бы дѣйствительно видѣли кого-нибудь издыхающаго въ мученіяхъ, съ которыми встрѣчаемся въ описаніи?

Да: мы точно можемъ чувствовать такое же самое или еще и высшее наслажденіе отъ дѣйствительнаго взгляда на бѣдствія, какое доставляется и описаніями, потому что сравненіе нашего лица съ несчастнымъ было бы тутъ непосредственнѣе, а слѣд. и ощущеніе живѣе. Въ описаніи и представленіи жалкихъ приключеній наслажденіе наше своекорыстно. Но, гдѣ только общежительныя страсти сильно заинтересованы разительными картинами или еще болѣе патетическимъ взглядомъ на страданія ближняго, тамъ сочувствіе само собою, мгновенно и безъ дальнихъ размышленій, содѣлается источникомъ пріятныхъ и умилительныхъ движеній сердца, облагороживая и возвышая

тѣмъ удовольствіе, возникающее только отъ сознанія собственной нашей личной безопасности. И чѣмъ болѣе вы входите въ сцену, отстраняя всѣ мысли о томъ, что она либо минувшая, либо баснословная, — чѣмъ совершеннѣе вы позабываете себя и тонете въ своемъ чувствованіи, тѣмъ оно живѣе.

Разумѣется, удовольствіе, проистекающее отъ дѣйствительныхъ, а не отъ воображаемыхъ картинъ бѣдствія, чувствуется людьми неодинаково. —

Не скажемъ ничего объ адской радости дикаря, который услаждается корчами и стонами своего плѣнника, терзаемаго отборными истязаніями, — ни о полудикихъ сынахъ древняго Лаціума, когда «величество» Римскаго народа могло любоваться потѣхой ста гладіаторовъ, изъ которыхъ едва ли не половина подъ-конецъ валялась въ крови на роковой аренѣ, — ни о неистовыхъ кликахъ Англійской черни при кулачныхъ бояхъ. — Посмотримъ только на толпы народа при экзекуціяхъ. Скажутъ: чернь вездѣ груба. Но въ упомянутомъ случаѣ нѣтъ рукоплесканій. На казнимаго преступника всѣ смотрятъ съ умиленіемъ; всѣ сочувствуютъ ему въ несчастномъ его положеніи. Благоговѣйная тишина и молитвы выражаютъ громче всякихъ возгласовъ всенародное участіе.

Одинъ, въ чувствѣ негодованія на варварскія потѣхи, всходитъ на высокій утесъ, висящій надъ моремъ, чтобы, въ бурю, быть свидѣтелемъ ужаснаго зрѣлища крушеній корабля, который то поднимается до небесъ на кипучихъ валахъ, то тонетъ въ безднѣ, то разбивается въ дребезги о подводные камни. — Другой спѣшитъ — съ безопаснаго мѣста — съ вершины горы или башни смотрѣть на поле сраженія, на которомъ рати встрѣчаются въ отчаянной сшибкѣ, хотя вѣрно тысячи вскорѣ простругся бездыханно предъ его глазами и все поле представитъ ужаснѣйшее позорище кровопролитій. Третій спѣшитъ на пожаръ, полюбоваться «даровымъ фейерверкомъ.»

Что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ удовольствіе преобладаетъ въ многосложномъ чувствованіи — видно изъ того, что вы все-таки продолжаете смотрѣть на сцену, отъ которой вѣрно отвратили бы свои взоры, если бы она была для васъ невыносима.

Образованіе можетъ причинять разности во вкусѣ и наслажденіяхъ. Зрители, которыхъ чувствованія не утончены воспитаніемъ или наукой, любятъ потѣхи грубаго рода. Но и благороднѣйшія души не чувствуютъ ли такого же «родственнаго» наслажденія въ умномъ вымыслѣ трогательной, ужасной, плачевной

сцены, въ которой онѣ, движимыя разными страстями, забываютъ и сказку и героя и самихъ себя?

Итакъ, допустивъ, что въ созерцаніи иныхъ сценъ бѣдствія, воображаемаго и дѣйствительнаго, мы ощущаемъ удовольствіе, постараемся открыть его источники въ человѣческой природѣ, которымъ умный *Экенсайдъ* даетъ слѣдующее описаніе и толкованіе:

«Воззри на судьбы, указанныя человѣку Провидѣніемъ, всегда правосуднымъ, милосердымъ и премудрымъ. Священныя стези и подвиги добродѣтели, гонимой и посѣщаемой напастями, имѣютъ прекраснаго спутника, — удовольствіе. Онато вливаетъ въ горькое море страсти, обуреваемое бѣдствіями, болеутолительныя капли. Спросите вѣрнаго юношу, отчего онъ, въ часы безмолвія, такъ часто приходитъ одинъ на кладбище платить дань слезъ? Отчего такъ часто обнимаетъ холодную урну своей возлюбленной? Онъ скажетъ вамъ, что велерѣчію никогда не удастся заставить его позабыть тѣ завѣтные часы, когда — въ-тихомолку — сладкое воспоминаніе утишаетъ, родственнымъ взоромъ добродѣтели, растерзанную грудь его, и обращаетъ его слезы въ восторги. Спросите толпу народа, которая стремглавъ бѣжитъ, съ гулянья, на ближній утесъ, внизу котораго жестокая буря бросила на берегъ какое-нибудь безпомощное судно. Тутъ святая жалость увлажаетъ глаза или ужасъ корчитъ члены и подымаетъ волосы дыбомъ. Тутъ мать крѣпко прижимаетъ младенца къ груди и, указывая, гдѣ волны пѣнятся около разбитаго судна, громко восклицаетъ, видя, какъ иной несчастный, поглощаемый волнами, жалобно простираетъ руки о помощи, либо другой, сокрушенный о скалу, тонетъ бездыханный. Тутъ видно нѣжное участіе, которое, при всѣхъ подобныхъ крайностяхъ и мукахъ, влечетъ общежительныя наши расположенія къ этой собственной ихъ дѣятельности и цѣли.»

Мнѣніе сего умнаго писателя то, что симпатическія чувствованія добродѣтельны, и потому нравятся. Изъ всего этого онъ выводитъ заключеніе, что всякое движеніе сердоболія должно быть пріятно и что это есть освященіе и награда добродѣтели. Мысль милая; но все-таки рѣшеніе кажется недостаточнымъ, потому-что удовольствіе, отъ созерцанія бѣдственныхъ сценъ, есть сложное чувствованіе, проистекающее изъ разныхъ источниковъ въ груди человѣческой. Причина, приводимая *Лукреціемъ* и *Аддисономъ*, т. е. чувство собственной нашей безопасности, можетъ имѣть извѣстную мѣру участія въ

нашихъ ощущеніяхъ, *Экенсайдова* и больше того. Попытаемся же высказать остальное.

Мало такихъ началъ въ человѣческой природѣ, которыя были бы болѣе общи и болѣе важны, какъ начало симпатіи. Мы естественнымъ образомъ сострадаемъ ближнему. Но если страсти, которыя, кажется, онъ чувствуетъ, не суть только страсти одного бѣдствія; если онъ въ злоключеніи оказываетъ мужество, великодушіе, миролюбіе, твердость, терпѣніе; то здѣсь все высшій источникъ удовольствія открывается отъ пріятнаго удивленія и той безмолвной симпатіи, какую сердце чувствуетъ съ доблестными и геройскими душами. При дѣйствіи сего начала мы поставляемъ себя въ ихъ положеніе; мы чувствуемъ, такъ сказать, извѣстную долю той сознательной непорочности и того душевнаго мира, которыми онѣ наслаждаться должны. Оттого удовольствіе будетъ измѣняться въ своемъ свойствѣ и въ степени сообразно со сценою и характерами, намъ представляющимися. Сшибка войскъ, бунтующій океанъ, разбитые корабли, пожаръ, столкновеніе паровозовъ и т. п., и съ другой стороны почтенное семейство, которое безропотно несетъ свое горе, возбудятъ весьма неодинаковыя движенія сердца, потому-что составныя части отрадныхъ чувствованій смѣшаны изъ весьма различныхъ матеріяловъ.

Всѣ онѣ возбуждаютъ удивленіе, различное, однакожъ, и въ степени и въ причинѣ. Эти разныя «ингредіенціи» могутъ, безъ сомнѣнія, быть такого рода, что удовольствіе составитъ только малую часть «двуличневаго» чувствованія. Тѣни, болѣе пріятныя, суть среднія между грознымъ краснымъ и грустнымъ чернымъ цвѣтомъ.

Въ иныхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ удовольствіе должно происходить преимущественно, если не исключительно, отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ сцену. Высокія мысли, возникающія при взглядѣ на бурный океанъ, подавляютъ чувствованія, причиняемыя кораблекрушеніями, и священный трепетъ нашъ при видѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, дѣйствующихъ за-одно и являющихъ великодушіе и твердость въ торжественнѣйшую годину искушенія, умѣряетъ чувствованія ужаса и муки свидѣтеля кровопролитныхъ боевъ.

Итакъ удовольствіе, которое мы пытаемся разъяснить, зависитъ въ значительной степени отъ особеннаго начала въ природѣ человѣческой, поселеннаго въ ней для премудрыхъ цѣлей, — отъ упражненія умственныхъ способностей. Всего несноснѣе на свѣтѣ скука. Какъ пріятно занятіе — въ этомъ пускай

дастъ намъ свидѣтельство игрокъ, который, не въ состояніи будучи выносить тягость привольнаго житья, опрометью бѣжитъ въ то мѣсто, гдѣ ожидаетъ его разгулъ молодеческихъ и вмѣстѣ губительныхъ страстей.

Этого мало. Одинъ изъ законовъ нашей природы тотъ, что противоположенныя страсти, чувствуемыя попеременно, усиливаютъ одна другую. Небольшая досада, особливо послѣ выдержки, дружба послѣ отвращенія, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ дѣйствовали бы тогда, когда не состояли бы въ подобномъ контрастѣ. Тутъ умъ приходитъ отъ страдательнаго положенія къ дѣятельному, наслаждаясь тѣмъ особеннымъ чувствованіемъ, въ которомъ, какъ и въ разныхъ блюдахъ званаго пира, кислое и сладкое, горькое и пряное смѣшаны такъ мастерски, что «гостямъ объядѣнье.»

Упомянемъ еще и о началѣ той *пытливости*, которая обнаруживается такъ рано, которая дѣйствуетъ такъ продолжительно и съ которою, для премудрыхъ цѣлей, сопряжено столь живое чувство услады. Къ этому-то началу, по которому дѣти мучатъ мухъ и мелкихъ животныхъ, не имѣя еще понятія о страданіи своихъ жертвъ, мы относимъ и немалую долю того нравственно-эстетическаго состоянія при созерцаніи бѣдственныхъ сценъ, въ которомъ душѣ пріятно и грустить и содрагаться, — въ которомъ участвуютъ и любопытство и симпатія и упражненіе умственныхъ силъ и отрадное сознаніе собственной безопасности и сильныя чувствованія, порождаемыя взглядомъ на дѣйствія и страданія человѣчества въ интересныхъ его положеніяхъ, — словомъ сказать, состоянія, которое отовсюду живитъ душу и возбуждаетъ къ дѣятельности.

БѢСНУЮЩІЙСЯ. Это выраженіе преимущественно относится къ повѣрью, будто люди могутъ быть *одержимы* добрыми, либо злыми духами, особливо послѣдними, = бѣсами. Именно полагали, что извѣстныя болѣзни, которыхъ не могли изъяснить изъ естественныхъ причинъ, и которыхъ припадки были весьма разительны, дивны, страшны, каковы падучая болѣзнь, пострѣлъ, пляска св. Витта, съумасшествіе, *бѣшенство* (см. слѣдующ. статью) происходили отъ подобныхъ демоновъ-мучителей. Къ этому относились, тутъ опять извѣстныя и средства или искусства изгонять бѣсовъ, между прочимъ, извѣстныя и волшебныя слова или формулы заклинанія. Но съ перваго взгляда видно, что все это основывается на незнакомствѣ съ природой и на произвольныхъ ипоте-

захъ. Какъ сознаются, что бѣсы невидимы и могутъ быть познаваемы только изъ ихъ дѣйствій, то напередъ надлежало бы доказать, что подобныя дѣйствія никакъ не могутъ проистекать изъ естественныхъ источниковъ и что слѣд. непремѣнно надобно изъяснять ихъ изъ причинъ сверхъестественныхъ, равно, какъ употреблять противъ нихъ таковыя же и средства. Но какъ этого отнюдь доказать нельзя, то философія допускаетъ только, что человѣкъ можетъ быть одержимъ невѣжествомъ, заблужденіями, предразсудками, суевѣріемъ, страстями, пороками, грѣхами. Это, конечно, тоже злые, очень злые и упорные демоны, но они изгоняются не заклинаніями, а только умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ.

БѢШЕНСТВО — есть ужаснѣйшая изъ всѣхъ болѣзней душевныхъ. Бѣснующійся нападаетъ на всякаго встрѣчнаго, съ тѣмъ, чтобы умертвить его, если только его не боится. Онъ губитъ все, что только достать можетъ; причемъ кричитъ и хохочетъ и въ ярости катается по землѣ. Часто онъ обращаетъ свое остервененіе противъ самого себя, рветъ на себѣ волосы, терзаетъ свою грудь, свирѣпствуетъ противъ дѣторождныхъ своихъ частей, силится себя умертвить, если ему не мѣшаютъ, и пожираетъ безъ вреда и землю и камни, — даже все, что можно вообразить себѣ омерзительнѣйшаго. Изъ прежнихъ добрыхъ его качествъ уже не остается у него никакого. Сердобольнѣйшій отецъ и нѣжнѣйшая мать, въ припадкахъ сего бѣсованія, хладнокровно умерщвляютъ своихъ дѣтей. — Есть причины полагать, что бѣснующіеся по большей части находятся въ нѣкоторомъ родѣ совершеннаго оглушенія и не знаютъ, что дѣлаютъ; такъ они, по прошествіи роковаго времени, едва помнятъ то, что въ продолженіе пароксисма учинили. Впрочемъ, нерѣдко у нихъ столько еще остается разсудка, чтобы, при нападеніи на свои жертвы, приступать къ дѣлу, сообразивъ, какъ должно, средства съ умысломъ. Иногда порывы бѣшенства, по видимому, имѣютъ своимъ основаніемъ гнѣвъ, мщеніе, испугъ, — изступленія сердца, которыя могутъ и здравомыслящаго приводить въ совершенное смятеніе, заставляя часто дѣлать то, чегобъ ему дѣлать не хотѣлось. — Большею частію послѣдуетъ бѣшенство періодически; но продолжительность сихъ періодовъ весьма различна. У нѣкоторыхъ гибельной вспышкѣ буйства предшествуетъ видимое спокойствіе, похожее на зловѣщую тишину воздуха предъ грозою или землетрясеніемъ, — предшествуетъ задумчивость, которую

можно узнать по негодованію на всякаго, кто захотѣлъ бы докучать разспросами, равно какъ и отвращеніе отъ пищи; часто же задумчивость слѣдуетъ непосредственно за пароксисмами связанной воли. — Если бѣшенство происходитъ отъ тѣлесныхъ причинъ, *напр.* отъ быстраго перехода изъ тепла на стужу, либо наоборотъ, отъ запоя, и т. п.; то оно, послѣ первой вспышки. обыкновенно и минуется; это— благодѣтельная гроза, которая приводитъ опять атмосферу въ надлежащее положеніе. Если же основаніемъ ему служатъ причины внутреннія или духовныя, то провозвѣстниками его бываютъ великія перемѣны въ жизни человѣка, а именно: возвышенная чувствительность къ хулѣ, быстрота мыслей, тѣлодвиженій и рѣчей, — рѣзкихъ, нескромныхъ, либо же углубленіе въ одну какую-либо мечту, склонность къ гнѣву, либо къ хохоту при малѣйшемъ поводѣ, — сильное желаніе чувственныхъ удовольствій или разгулье, нарушеніе сна посредствомъ живыхъ картинъ воображенія, безпокойныя грезы, слышаніе зловѣщихъ голосовъ, безъ всякаго наружнаго повода, преимущественно перемѣны въ тѣлѣ относительно физіономіи, цвѣта лица и способность выдерживать голодъ, жестокую стужу и продолжительное бодрствованіе, — неутомимая суетливость, безстрашіе и такая сила мышцъ, которая можетъ разрывать кандалы и удушать львовъ, — наконецъ остановка естественныхъ отдѣленій.

БЮРОКРАТІЯ, (отъ франц. bureau, письменный столъ или рабочая храмина, и греч. *κρατειν*, повелѣвать, управлять) означаетъ такой организмъ администраціи, при которомъ каждый начальникъ извѣстной части управленія, — каждый министръ, префектъ, интендантъ, Главноуправляющій Путями Сообщенія, почтами и т. п. одинъ, съ устраненіемъ всякихъ коллегіяльныхъ сношеній и переговоровъ, мимовсякихъ собраній Общаго Присутствія, мимо Совѣтовъ и Комитетовъ, самъ производитъ и рѣшаетъ всѣ дѣла изъ своего кабинета словесно, или письменно чрезъ состоящихъ въ полномъ его распоряженіи чиновниковъ канцеляріи. При таковомъ, слѣд., устройствѣ имѣется въ виду сильнѣйшее сосредоточеніе могущества въ рукахъ первыхъ сановниковъ.

В.

ВАЖНОЕ И ШУТОЧНОЕ содержатся между собою во 1-хъ какъ *работа* и *игра*. Правда, есть и важныя, серьезныя игры, каковы

напр. шахматы; но онѣ болѣе работа для ума, который напрягаютъ и изощряютъ, и называются играми развѣ потому только, что не имѣютъ никакой дальнѣйшей цѣли, кромѣ общественной забавы; по крайней мѣрѣ это ихъ главная цѣль, съ которою, однакожъ, сказанное упражненіе ума, какъ цѣль побочная, весьма совмѣстно. Далѣе — мы иногда и шутимъ за работой, чтобы облегчить ее; но тутъ либо прерывается работа наша, доколѣ мы шутимъ, либо она сама есть болѣе родъ шалости, каково *напр.* вязанье чулокъ. — Во 2-хъ Важное и Шуточное содержатся еще другъ къ другу, какъ *покой* и *движеніе,* причемъ само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь не о совершенномъ, а только относительномъ покоѣ. Ибо серьезный находится въ расположеніи души болѣе спокойномъ или степенномъ, нежели шутливый, который обнаруживаетъ болѣе рѣзвости воображенія, а съ тѣмъ и тѣлодвиженій. Но эта рѣзвость, безспорно, происходитъ отъ того, что шутка есть только легкая игра остроумія, отъ котораго получаетъ и свою *соль,* или, что все равно, *вкусъ.* — Важная драма допускаетъ примѣсь шуточныхъ сценъ, чтобы не сдѣлаться скучною; но трагедія, по причинѣ господствующаго въ ней высокаго характера, исключаетъ шутки, которыя одинъ Шекспиръ позволяетъ себѣ. Напротивъ того, комедія не только любитъ шутку, но и требуетъ ея, какъ преобладающаго элемента, потому-что ей назначено приводить насъ въ игривое расположеніе духа. — Шутка въ житейскомъ быту является обыкновенно, какъ свободное изліяніе веселонравія, а серьезность часто бываетъ спутницей мрачныхъ думъ, меланхолическаго темперамента, зрѣлыхъ лѣтъ, тяжкой службы и всегда почтенна, гдѣ неподдѣльна, но становится смѣшною и отвратительною у того, кто принуждаетъ себя *важничать.*

ВАРВАРСТВО есть состояніе грубости нравовъ, обычаевъ, образа жизни, общественныхъ учрежденій и т. д. Какъ есть цѣлые народы, живущіе и понынѣ въ этомъ состояніи, такъ и у образованныхъ народовъ находимъ еще много варварскаго въ иныхъ отношеніяхъ, особливо въ карательныхъ законахъ, въ воспитаніи и въ религіозныхъ обрядахъ. Этому злу иначе пособить нельзя, какъ постепеннымъ просвѣщеніемъ и образованіемъ, слѣд. философіей вообще, которая именно и направлена противъ варварства. Потому, какъ скоро въ народѣ появляются слѣды любомудрія, можно сказать, что онъ начинаетъ совлекаться своей дикости, чему много съ своей стороны способствуютъ земледѣліе, торговля,

мореплаваніе, механическія и другія искусства, особливо музыка и поэзія. — *Варварская философія* — явная нелѣпость, подобная деревянному желѣзу. Варвары, собственно говоря, не могутъ имѣть философіи. На сей конецъ требуется высокая степень духовнаго образованія; народу должно уже пріобрѣсти разныя свѣдѣнія и навыки прежде, нежели онъ можетъ созрѣть для умозрительныхъ занятій. Оттого много народовъ жило на землѣ, да и нынѣ много живетъ такихъ, у которыхъ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ философіи. Но кичливые Греки, а за ними и Римляне, обыкновенно называли варварами всѣ народы, которые не умѣли говорить ни по-гречески, ни по-латинѣ, хотя сначала и сами Римляне были въ глазахъ Грековъ тоже варвары. — Давно уже предлагали вопросъ, не встрѣчается ли, полно, и у прочихъ народовъ, кромѣ Грековъ и Римлянъ, родъ философіи, которую и назвали *варварскою*, и которую подъ этимъ названіемъ даже обработывали нѣкоторые исторіографы философіи, каковъ *Брукеръ*, тогда-какъ другіе, *напр. Теннеманъ*, ничего объ ней и знать не хотѣли. Мы, съ своей стороны, отвѣчаемъ, что хотя благородное любовѣдѣніе дѣйствовало уже у многихъ народовъ древности и постановила кой-какія отдѣльныя философемы, — большею частію въ видѣ миѳовъ, — но что философія, въ собственномъ смыслѣ, какъ самостоятельная, отъ религіозныхъ и поэтическихъ покрововъ обнаженная наука, процвѣтала только у Грековъ, а впослѣдствіи и у Римлянъ. — По свидѣтельству Иродота, Египтяне уже называли *варварами* тѣхъ, которые не говорили ихъ языкомъ. Слѣд. невѣроятно, чтобы сами Египтяне входили въ эту категорію, и чтобы мудрость ихъ относилась къ философіи варварской. Между-тѣмъ Греки подъ противоположностію *ελληνες και βαρβαροι* могли (чего добраго?) разумѣть и Египтянъ, позабывъ въ національной своей гордости, что они многому научились отъ сыновъ фараоновыхъ. Но то же самое могло быть и у Египтянъ, потому-что всякая нація всегда считаетъ себя самою лучшею. Но чтобы особенный народъ древняго міра назывался Varvari и чтобы отъ того именно происходило слово *βαρβαρος* или *βαρβαροι*, чтобы, слѣд. и варварская философія названа по имени этого народа, — вотъ чего никакъ доказать нельзя! — Наконецъ, *Варварское право* означаетъ не иное что, какъ право сильнаго, т. е. высочайшую несправедливость, потому-что сила, хотя и можетъ доставлять человѣку разныя выгоды и потому всегда остается въ

своей цѣнѣ, особливо когда употребляема бываетъ для благихъ цѣлей, *напр.* на защиту слабаго, однакожъ она одна никакого права дать не можетъ.

ВАЯНЬЕ, какъ Пластика въ собственномъ смыслѣ, есть первое изъ искусствъ изобразительныхъ, которое имѣетъ дѣло съ тѣлесными, мягкими и твердыми массами, стараясь имъ, — посредствомъ разныхъ механическихъ пріемовъ, дать такую форму, чтобы онѣ сами уже по себѣ нравились эстетическому нашему чувству. — Самый достойный его предметъ есть ликъ человѣческій, представляемый въ идеальныхъ образахъ боговъ и героевъ; но и животныя высшаго разряда способны принимать такую же идеальную отдѣлку. – Круглые, свободно стоящіе и со всѣхъ сторонъ открытые зрителю образы сего рода называются *статуями*. Впрочемъ, это художество можетъ свои изваянія и прикрѣплять къ плоскости, возвышая ихъ надъ нею болѣе, или менѣе; это *обронныя* его издѣлія, это его *рельефы*. Но пускай Ваянье дѣйствуетъ такъ, либо иначе, въ большомъ, либо въ маломъ видѣ, въ отдѣльныхъ фигурахъ, либо въ группахъ, — вездѣ оно имѣетъ задачей созидать обличія, въ которыхъ бы видѣнъ былъ самостоятельный эстетическій характеръ, а слѣд. не служить никакой посторонней цѣли, даже и тамъ, гдѣ хотѣли бы, примѣрно, употребить его произведенія на украшеніе публичнаго мѣста либо зданія. Это для самаго Ваянья всегда что-то случайное, и потому должно подчиняемо быть собственнымъ его видамъ. Художнику тутъ остается наблюдать за тѣмъ только, чтобы *напр.* его статуя съ того мѣста, на которомъ должна быть поставлена, производила хорошій эффектъ и чтобы ей сообщена была соотвѣтственная величина, — колоссальная (см. это слово).

ВВЕДЕНІЕ есть лекція, или книга, которая знакомитъ насъ съ какою-либо наукой или съ какимъ-либо искусствомъ. Оно содержитъ въ себѣ *предварительныя свѣдѣнія*, имѣетъ цѣлію приготовить или облегчить изученіе самаго предмета и есть уже родъ *руководства* къ тому, разумѣется, не пространнаго. Потому въ Введеніи обыкновенно опредѣляется только понятіе науки, за тѣмъ кратко излагаются ея содержаніе или задача, объемъ или главныя части, цѣль, польза, отношеніе къ другимъ отраслямъ человѣческаго познанія, также метода лучшаго ея обработанія, исторія и литература, словомъ ея *частная энциклопедія* или *пропедевтика*. Но кто хочетъ написать или изустно преподать хорошую вступительную лекцію или первый урокъ,

тотъ долженъ уже владѣть своею наукой: безъ того онъ сообщитъ только самые поверхностные, пошлые взгляды. Писанныя пропедевтики составляютъ либо отдѣльныя книжки, либо помѣщаются на первыхъ страницахъ пространныхъ учебниковъ. Что подобныхъ сочиненій едва ли не болѣе въ Русской литературѣ, нежели положительныхъ курсовъ и догматическихъ трактатовъ — въ томъ всякій удостовѣрится, кто приметъ на себя трудъ пересчитать «въ каталогѣ Россійскихъ книгъ,» всѣ нумера или статьи подъ категоріями *Введеній, Вступленій, Опытовъ, Обозрѣній, Начертаній* или *Очерковъ, Сокращенныхъ ученій* или *Руководствъ* къ тому-то; ими часто не только начинаются, но и оканчиваются подвиги *сокращенныхъ Ученыхъ*, которые все *вводятъ*, но не *выводятъ*. Впрочемъ, иногда и скромность автора даетъ его сочиненію титулъ *Введенія*, въ которомъ, однакожъ, поясняются главные пункты или задачи всей науки, и которое увольняетъ отъ чтенія многотомныхъ книгъ о томъ же самомъ предметѣ.

ВДОХНОВЕНІЕ, — актъ, которымъ духъ вселяется въ плоть, есть состояніе необычайнаго движенія фантазіи и внутренняго чувства. Оно различается а) отъ необузданныхъ порывовъ слѣпой, шаткой *мечтательности* рѣшительнымъ направленіемъ души къ опредѣленному, благородному предмету, овладѣвающему ею до того, что она, удачно схватывая значительныя, интересныя его стороны, стремится, — растроганная, возбужденная, раздѣлить новыя свои пріобрѣтенія или дары благодатныхъ наитій съ другими. Оно различается b) и отъ *восторга*, который хотя живо чувствуетъ, однакожъ обнаруживается только пламенными взглядами и быстротою тѣлодвиженій. Но это состояніе непосредственно причиняется то внѣшнимъ какимъ-либо предметомъ, то идеями и образами, толпящимися въ душѣ. Различно бываетъ оно и смотря потому, возбуждается ли болѣе страдательная (созерцательная) способность дилетанта, умѣющаго любоваться хорошимъ и благороднымъ, или же болѣе самодѣятельный, производительный и своеобразный талантъ. Ибо тотъ прямо передаетъ только свои впечатлѣнія и чувствованія, а этотъ въ полной мѣрѣ выражаетъ внутреннюю свою жизнь, т. е. вымышляетъ и созидаетъ формы, изображающія самый идеальный предметъ, либо совершенство его дѣйствій на чувство образованнаго зрителя. Послѣднее есть вдохновеніе *художника*, или вдохновеніе въ преимущественномъ смыслѣ, и его созданіе, зачатое и рожденное «въ

часы божественныхъ явленій» — символъ внутренняго, совершеннаго, для всѣхъ потребностей нашихъ удовлетворительнаго состоянія жизни, есть вообще эстетическое издѣліе, — есть сомкнутое, самостоятельное, стройное цѣлое, которое въ чувственно-совершенныхъ или пріятныхъ формахъ отсвѣчиваетъ особеннымъ образомъ занимательную какую-либо идею. Эта самостоятельность, это особенное свойство производится не сознаніемъ правилъ, по которымъ дѣйствуетъ искусство, а предполагаетъ природную, въ навыкъ обратившуюся способность, организовать опредѣленное вещество по направительной идеѣ, которую въ немъ запечатлѣваютъ, — способность, которая вразсужденіи внѣшнихъ условій обработанія дѣйствуетъ наподобіе инстинкта бобровъ, пчелъ и пауковъ, — дѣйствуетъ легко, какъ бы шутя, непринужденно. Такой игривости способствуетъ и рѣшительное пристрастіе или любовь къ избранному, либо найденному предмету, посредствомъ которой творящій художникъ совершенно забываетъ свои случайныя околичности и живетъ только въ своемъ вымыслѣ, какъ въ другомъ мірѣ.

Посему таинственная, загадочная, дивная сторона вдохновеннаго состоянія есть, въ самомъ существѣ Генія основанное, природное и по временамъ только нарушаемое равновѣсіе двухъ началъ, а именно съ одной стороны слѣпой, безотчетной силы, которая образуетъ какъ бы невольно, съ другой и сознанія, которое постоянно указываетъ образующему художнику на главную его мысль. Та видна въ несмѣтномъ множествѣ гармоническихъ отношеній, или пропорцій, какія вмѣщаетъ въ себѣ искусственное издѣліе, не выказывая опредѣленнаго намѣренія въ своемъ производствѣ, это — въ приличномъ и замысловатомъ расположеніи искусственнаго созданія относительно къ основной идеѣ, равно какъ и въ отстраненіи той неурядицы, какую являютъ намъ частію грезы, частію плохія произведенія рѣзца, смычка, кисти.

Что касается до разныхъ *моментовъ Вдохновенія*, то художникъ *прежде всего* схватываетъ какую-либо идеальную сторону предмета, которая приводитъ его душу въ необыкновенное движеніе, *затѣмъ* фантазія вполнѣ обработываетъ отдѣльныя его части, *наконецъ* идеалъ, внутреннимъ окомъ созерцаемый, осуществляется въ цвѣтахъ, въ звукахъ, въ обличіяхъ. Но необычайную силу и напряженіе духовной жизни, которыя здѣсь, не подлежа произволу, творятъ совершенное столь вѣрно и легко, что ихъ произведенія подъ-часъ изум-

ляютъ самого художника, не умѣющаго дать отчета объ этомъ состояніи, древность уже приписывала высшимъ какимъ-то наитіямъ благотворнаго демона, который въ немъ невидимо дѣйствуетъ, употребляя его только органомъ своихъ прорицаній, а потому и утверждала, что *художникъ родится*. Какъ совершенное издѣліе искусства само уже собою являетъ живый образецъ, какъ оно не учитъ прямо правиламъ, да и не выказываетъ ихъ; (Не состоитъ ли, какъ замѣчаютъ, высочайшее искусство въ томъ, чтобы скрывать искусство?); то *Вдохновеніе* истиннаго художника не есть вспышка, которая разстраивала бы прекрасное равновѣсіе душевныхъ силъ и обнаруживалась бы буйными движеніями, слезами и корчами или другими дѣйствіями упоенія, а глубокое, съ тишиною весьма совмѣстное движеніе *гармонической* души, для которой мѣра прекраснаго стала естественною формою дѣятельности при составленіи и представленіи стройнаго издѣлія. — Очевидно также, что творецъ изящнаго произведенія долженъ уже имѣть вообще богатство мыслей и чувствованій, которыя въ минуту вдохновенія только легче обыкновеннаго приливаютъ къ его душѣ и безпрепятственнѣе въ ней развиваются, а отнюдь не возникаютъ вообще въ этомъ состояніи безъ содѣйствія художника, отъ чего иные безталантные силятся часто, подобно Шаманамъ, воодушевить себя *искусственными* средствами. Но если вдохновеніе художника не есть необходимо-буйный порывъ, а *глубокое, энергическое движеніе производительныхъ силъ души*, то оно, хотя и не въ одинаковой степени, можетъ быть господствующимъ расположеніемъ художника. Впрочемъ, одушевленіе его разнообразитъ и по существенной разности самыхъ родовъ искусства: ибо изобразительное художество предполагаетъ пылкость воображенія, упитаннаго и развитаго созерцаніемъ картинъ природы, а музыка необычайную упругость внутренняго чувства, оглашающагося стройными звуками. Но, вообще говоря, никакое художественное произведеніе не возможно безъ Вдохновенія, которое посему и есть источникъ эстетическихъ созданій и начало искусства.

ВЕЗДѢПРИСУТСТВІЕ. *Для насъ присущимъ* называется видимое или то, что мы можемъ обнимать чувствами. Нѣтъ сомнѣнія, что намъ все было бы открыто, еслибы мы могли до всего досягать глазомъ, ухомъ, рукою. Это было бы вездѣприсутствіе наглядное, ощутительное, которое, однакожъ, невозможно, или, если до

извѣстной степени и возможно, то развѣ въ чрезвычайномъ, болѣзненномъ состояніи, *напр.* животнаго магнитизма. Рѣченіе: *Богъ вездѣприсущъ* значитъ, что Ему все, — былое, теперешнее и будущее, — всѣ не только внѣшнія событія, но и всѣ внутреннія силы, побужденія, мысли открыты, проявлены. Онъ не созерцаетъ, подобно намъ, чувственно, а созерцаетъ такъ, какъ вещи устроены сами въ себѣ, — созерцаетъ не только явленія, въ пространствѣ и времени, или второобразы, а самые первообразы всѣхъ тварей въ Божественныхъ своихъ мысляхъ, обнаженные отъ всякихъ покрововъ. Такой способъ «умственнаго» созерцанія для насъ тайна; мы тутъ разсуждаемъ по однѣмъ аналогіямъ, говоря: какъ чувственныя созерцанія или явленія вещей содержатся къ намъ и къ нашему познанію, такъ точно вещи самосущныя или первообразы вещей содержатся къ Богу и Его разуму. Если мы вездѣприсутствіе Бога относимъ къ своей внутренней жизни, къ помысламъ сердечнымъ, представляя себѣ, что Онъ и ихъ читаетъ, какъ они есть; то понятіе о Вездѣприсутствіи сливается съ понятіемъ всевѣдѣнія. Богъ, какъ духъ безконечный, вездѣ присутствуетъ въ сотворенномъ Имъ мірѣ; Онъ безпредѣленъ, неограниченъ мѣстомъ, но Творецъ мѣстъ; всюду онъ присутствуетъ, не заключаясь въ предѣлахъ сотвореннаго. Какъ Богъ, Духъ чистѣйшій, находится внѣ условій пространства и времени; то способъ вездѣприсутствія Его есть тайна, непостижимая для нашего разума. —

ВЕЛИКАНЪ. Для тѣлъ ископаемыхъ нѣтъ опредѣленной мѣры, для живыхъ есть: ибо какъ тутъ требуется единство и центральное содѣйствіе для поддержанія жизни *недѣлимаго* существа, для свода въ одну и ту же систему разнородныхъ частицъ, составляющихъ *тѣло органическое;* то это единство, это содѣйствіе не могло бы прочно существовать въ массахъ слишкомъ нарочитыхъ, громоздкихъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ фокуса жизни и движенія. Потому возрастаніе, плототвореніе должно ограничиваться тѣмъ пунктомъ, на которомъ оканчивается сфера жизненнаго движенія въ величайшемъ его объемѣ. Дѣятельность, продолженіе такой жизни, опредѣляемыя свойствомъ породъ, образуютъ ростъ недѣлимыхъ, пропорціональный этимъ способностямъ. Вообще, животныя и растенія, которымъ суждено кратковременное бытіе, которыхъ ткань сжата и плотна, никогда не достигнутъ такого же значительнаго размѣра, какъ породы, которыя снабжены долголѣтіемъ

и которыхъ организація имѣетъ ткань, болѣе растянутую. Такимъ образомъ животныя и растенія однолѣтнія или двулѣтнія, каковы насѣкомыя и мелкія травы (злаки) никогда ростомъ не сравняются съ большими четвероногими и съ деревьями. Наконецъ, по причинѣ именно этого ограниченія роста и долголѣтія быстрое произведеніе подобныхъ себѣ становится существенною принадлежностію всякаго органическаго творенія. — Ростъ зависитъ

а) Отъ *климата*. Сильная стужа, равно какъ и сухой жаръ враждебны полному развитію роста у всѣхъ живыхъ тварей, а благорастворенная и влажная теплота ему благопріятствуетъ. Въ умѣренно-холодныхъ и влажныхъ странахъ ищите относительныхъ Великановъ, которые уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ равноденственной линіи, по которые и тутъ встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе сухости въ климатѣ. Не диво: если движеніе суточнаго вращенія земли, описывая бо́льшій кругъ или размахъ въ странахъ экваторіяльныхъ, уменьшаетъ тяжесть (какъ доказывается то уменьшеніемъ качаній маятника въ сихъ климатахъ); если сила центробѣжная дѣлается тутъ значительнѣе, какъ доказывается то вздутостію земнаго шара къ экватору и сжатіемъ его у полюсовъ; если горы въ жаркомъ поясѣ и въ тропикахъ выше горъ умѣренныхъ и полярныхъ странъ; то почему бы той же самой центробѣжной силѣ или тому же самому уменьшенію тяжести не вытянуть въ длину и растеній и животныхъ (*напр.* льяму, жирафу)? Такъ и человѣкъ, образованный природою для положенія вертикальнаго, долженъ здѣсь вытягиваться, что происходитъ отъ меньшей тяжести или отъ бо́льшей силы центробѣжной при содѣйствіи теплоты, которая легче подымаетъ соки въ стволъ и кровь въ голову. Вспомните о великорослыхъ Неграхъ влажныхъ земель экваторіальной Африки;

b) *Отъ дѣйствія пищи и питія*. Извѣстно, что животныя и растенія, водящіяся на почвахъ влажныхъ, бываютъ скороспѣлы во всѣхъ измѣреніяхъ, потому-что всѣ мочки ихъ ткани удобнѣе растягиваются по причинѣ ихъ мягкости и по обилію водянистой пищи, ими принимаемой. Въ самомъ дѣлѣ, кормите человѣка или животное умѣренно снѣдями сухими и жесткими, копченными, соленными, пряными или же сжимающими; дозволяйте ему питье, менѣе обильное, да еще вино терпкое, *напр.* грубое красное, винокаменное, особливо же спиртные напитки, горькіе или ѣдкіе, отъ которыхъ волокна твердѣютъ и свертываются, — такое недѣлимое сдѣлается сухощавымъ, мало-

рослымъ и плотнымъ во всѣхъ своихъ органахъ. Напротивъ того, давайте ему съ дѣтства пищу весьма влажную, пріучайте его къ употребленію молока, кашицы и пироговъ, къ напиткамъ слизистымъ, къ пиву, меду, къ простоквашѣ, къ маслянистому шоколаду, къ жидкостямъ теплымъ и разводящимъ; откармливайте его всѣми яствами, способными растягивать и отращать его организацію — оно содѣлается колоссальнымъ въ сравненіи съ тѣми, которыя имѣли, противную тому, діету;

c) *Отъ образа жизни.* Образованный человѣкъ умѣетъ нѣжить и сберегать себя отъ холода и ненастья болѣе, чѣмъ дикарь; — такія же удобства имѣетъ и зажиточный Номадъ. — Наконецъ, простота и беззатѣйливость въ нравахъ, позднее развитіе нервной системы и умственныхъ силъ, цѣломудріе, естественный порядокъ кормленія грудью и воспитанія много способствуютъ росту и ускоряютъ его.

Но возможны ли цѣлыя племена Великановъ, и родъ человѣческій не умепьшился ли въ своемъ ростѣ? — Земля юная и болѣе плодородная, конечно, могла производить животныхъ, которыя огромнѣе нынѣшнихъ. Но родъ человѣческій по крайней мѣрѣ таковъ же и теперь, каковъ былъ за 4000 лѣтъ назадъ, какъ доказываетъ то ростъ древнѣйшихъ египетскихъ мумій. Огромные же ископаемые черепы могли принадлежать дѣтямъ, одержимымъ водяною болѣзнію въ головѣ, либо болѣзнью англійскою. — Да и находка ли исполинскій ростъ, (отъ 6 до 7 футовъ)? Нѣтъ. Онъ добывается на счетъ мышечной и первной системъ и Великаны сплошь либо *слабожильны*, *вялы*, *безплодны*, *недолговѣчны*, либо *скудоумны*. *Большой* человѣкъ рѣдко бываетъ человѣкомъ *великимъ*.

ВЕЛИКОДУШІЕ, какъ показываетъ самый составъ слова, есть возвышенность души надъ низкимъ образомъ мыслей, чувствованій и поступковъ, — души, которая гнушается мелочами и потому a) охотно отказывается отъ своихъ справедливыхъ, но для другаго обременительныхъ требованій, b) прощаетъ обиды врагу, какъ мелочи, незначительныя для истиннаго сана человѣческаго, и наконецъ c) въ лицѣ вѣнценосной благости не только смягчаетъ заслуженныя наказанія, но и — *милуетъ*. — Какъ далеко позволяется простирать Великодушіе — этого вообще опредѣлить нельзя. Душа, прямо великая, можетъ отпускать самыя чувствительныя, самыя позорныя оскорбленія и ругательства. Впрочемъ, могутъ встрѣчаться такія положенія въ жизни, въ которыхъ долгъ тре-

буетъ не оставлять причиненной обиды безъ отплаты. Но *точно ли, и когда* именно представляется подобный случай — объ этомъ пускай судитъ совѣсть всякаго. Общихъ правилъ тутъ недостаточно.

ВЕЛИКОЛѢПІЕ (какъ выражаетъ составъ самаго слова) есть изящное въ большомъ размѣрѣ, — изящное, вмѣщающееся въ обширныхъ рамахъ и формахъ, разумѣется, съ приличнымъ колоритомъ. Такъ мы говоримъ о великолѣпныхъ зданіяхъ и колоссальныхъ фигурахъ въ пластикѣ вообще, о великолѣпныхъ ораторіяхъ въ музыкѣ, о великолѣпныхъ зрѣлищахъ, процессіяхъ, празднествахъ, нарядахъ въ сценическомъ и декораціонномъ искусствахъ. Посему составныя части великолѣпныхъ явленій въ природѣ и *пышныхъ* въ общежитіи суть затѣйливость, вкусъ и блескъ. Первая возвышаетъ мысли, вторый тѣшитъ воображеніе, третій пріятно поражаетъ чувства. Вотъ почему Великолѣпное или Пышное нравится и въ людяхъ и дома всѣмъ и каждому, особливо тому, въ комъ замѣчаемъ преобладательство не столько ума, сколько низшихъ способностей эстетическихъ!

ВЕЛИЧЕСТВО есть величіе, санъ, могущество, власть такая, которая превосходитъ всякую другую. Оттого оно приписывается преимущественно Богу и намѣстникамъ Его на землѣ — Царямъ. Что на дипломатическомъ языкѣ привѣтствій мы не всѣхъ *величаемъ* такъ, а только тѣхъ, которые имѣютъ титулъ Императоровъ и Королей, — это обычай, сдѣлавшійся закономъ какъ и то, что мы прочимъ особамъ вмѣсто Величества даемъ опять въ разныхъ постепенностяхъ другіе титулы, — *Высочества, Свѣтлости*, даже *Сіятельства*, когда владѣтельныя особы не наслѣдственные, а только избирательные Государи. Но дипломатическій языкъ Французовъ простирается въ этомъ пунктѣ еще и далѣе, различая Hautesse отъ Altesse, а это — отъ Altesse sérénissime. Древнеримское словоупотребленіе присвоивало Величество только цѣлой массѣ народа. Впослѣдствіи это сказуемое перешло къ Римскимъ цесарямъ, потомъ къ Римско-Нѣмецкимъ Императорамъ, а наконецъ и къ Королямъ. Во Франціи это мало-по-малу вошло въ обычай не прежде, какъ при Людовикѣ XII и Францискѣ I, слѣд. въ XV и XVI вѣкахъ. — Французы замышляли-было ввести въ своей республикѣ *консульское Величество*, что, вѣрно, и состоялось бы, еслибъ первый Консулъ не упредилъ ихъ затѣи и не очутился вдругъ Императоромъ. — Впрочемъ, прилагательное *Величе-*

ственный употребляется не только о тѣхъ, которые облечены сказаннымъ Величествомъ, но и о другихъ лицахъ, которыя въ наружномъ ихъ видѣ, въ поступи, въ пріемахъ показываютъ что-то важное, высокое, также — аналогически — объ иныхъ животныхъ, *напр.* о львѣ, — царѣ звѣрей, и о великолѣпныхъ явленіяхъ въ природѣ, *напр.* о солнечномъ восходѣ, въ которомъ открывается величіе Божіе. — *Права Величества* (*Регаліи*) суть тѣ, которыя принадлежатъ извѣстному лицу, какъ Главѣ государства. Если они составляютъ необходимыя его свойства, то называются *существенными* Пр. В., каковы *напр.* право законодательства, верховнаго надзора и т. п. Если же присвоиваются ему положительными узаконеніями, то имѣютъ значеніе Пр. В. *случайныхъ*, каковы *напр.* горныя, почтовыя регаліи и т. п. Далѣе — если они относятся къ собственному государству и его гражданамъ, то называются *внутренними* Пр. В., каковы вышесказанныя; если же представляемы бываютъ относительно къ чужимъ державамъ и ихъ подданнымъ; то они Пр. В. *внѣшнія*, каковы право вести войну, заключать миръ или другіе договоры, наряжать пословъ и т. п. Но и эти права приводятся въ исполненіе только относительно къ благу собственнаго государства. Слѣд. какъ это разумѣется о всѣхъ правахъ властелина, то имъ соотвѣтствуютъ и *обязанности Величества*, потому-что въ мірѣ человѣческомъ вообще нѣтъ никакого права безъ соотвѣтственной ему должности. — *Преступленіе противъ Величества* состоитъ въ оскорбленіи особы, которой Величество приписывается. Какъ это сказуемое приписывается и Богу, то иные законовѣдцы относили сказанное преступленіе не только къ людямъ, но и къ Богу, подвергая тутъ Богохульство особеннымъ, жестокимъ наказаніямъ. Но какъ Бога отнюдь нельзя въ собственномъ смыслѣ обидѣть, то не можетъ быть въ этомъ смыслѣ и рѣчи объ оскорбленіи Божія Величества. (См. *Обида* и *Богохульство*). Слѣд. то преступленіе касается только людей, и притомъ такихъ, которые, какъ Главы государства, имѣютъ особенный, надъ всякимъ другимъ возвышенный санъ. Но не всякая же обида ихъ лицу можетъ такъ называться, а только такая, которая именно направлена къ ихъ особенному сану. Итакъ, еслибы кто-нибудь оскорбилъ Главу государства, не зная его, то это не было бы оскорбленіе Величества. Противъ умершихъ и иноземныхъ государей также подобнаго преступленія нѣтъ. Ибо тѣ вовсе не существуютъ въ мірѣ явленій, и

потому возвышены надъ всякою обидой, а эти имѣютъ Величество только какъ главы *своего* государства. Однакожъ, когда пришлецъ вступилъ въ предѣлы этого государства, тогда онъ съ самой уже той минуты состоитъ подъ его законами, и можетъ тутъ противъ его властелина сдѣлаться виновнымъ въ сказанномъ преступленіи. Слѣд. преступленіе въ оскорбленіи Величества бываетъ лишь тогда, когда кто-либо Главу государства, подъ законами котораго онъ состоитъ, съ сознаніемъ и враждебнымъ умысломъ оскорбляетъ словомъ или дѣломъ. Обида на дѣлѣ, натурально, наказывается строже, чѣмъ словесная. — Въ Китаѣ оскорблять Величество уже значитъ произносить или писать имя Богдыхана, потому-что это имя въ царствованіе Императора есть священная тайна, которой должно открыться не прежде, какъ послѣ смерти его. Противъ Папы можетъ это преступленіе быть учинено только, какъ противъ Главы государства, а не какъ противъ Главы Церкви. — Съ *предательствомъ* или *государственною измѣною* (см. это слово) не должно также этого преступленія смѣшивать, хотя оно и можетъ быть сопряжено съ нею.

ВЕЛИЧИНА. Это свойство приличествуетъ всякой вещи, какъ скоро въ ней можно различать разнообразныя части, стороны, моменты. Тутъ она берется въ безусловномъ смыслѣ, потому-что другой ея смыслъ, въ которомъ она противополагается *малости* и называется уже *великостію*, есть относительный. Величина вообще, которой образъ или схема есть *число*, бываетъ либо *растяженная*, либо непротяженная, т. е. *напряженная, внутренняя*. Та относится къ пространству, какъ занимающая его вещь, *напр.* камень, дерево; эта относится къ времени, въ которомъ можетъ увеличиваться и уменьшаться, усиливаться и ослабѣвать, какъ *напр.* теплота и стужа: ибо, хотя эта температура воздуха, либо другаго тѣла можетъ распространена быть въ пространствѣ; однакожъ тутъ это не принимается въ уваженіе, когда на нее смотрятъ только какъ на величину напряженную. Но есть и еще временная же величина, которая называется *протяженною* (protensiva) и которая сходствуетъ съ *растяженною* въ томъ смыслѣ, что мы время, чрезъ которое что-либо простирается, представляемъ себѣ въ видѣ линіи, которая потому и можетъ аналогически быть измѣряема, какъ вещь пространственная. Такъ часъ пути есть часть времени, которая, какъ величина протяженная, состоитъ къ части про-

странства, какъ растяженной величины, въ такомъ отношеніи, что мы эту вторую въ теченіе той первой можемъ оставить за собою, пройти, т. е. измѣрить шагами. Но Величина можетъ еще быть раздѣлена на *тѣлесную* и *духовную*. Та бываетъ сколько растяженною, столько же и напряженною; эта всегда только напряженною. Она не величина объема, а величина дѣятельности или силы, слѣд. *динамическая*. Но духовную величину можно опять раздѣлить на *умственную* и *нравственную*, смотря потому, обнаруживается ли она въ великихъ талантахъ, или въ доблестныхъ помыслахъ. Если величина оцѣниваема бываетъ только *эстетически*, то здѣсь смотрятъ не на нравственное достоинство помысловъ, и на достоинство проистекающихъ оттуда дѣяній, а только на высокую силу ума или воли. Вотъ почему исторія столь многимъ героямъ дала названіе *великихъ*, которые, однакожъ, по суду нравственному были весьма малы! Но они творили великія дѣла и такимъ образомъ казались исполинами среди толпы едва замѣтныхъ пигмеевъ. — Существуетъ ли въ природѣ, доступной нашему познанію, что-нибудь *наивеличайшее* и *самомалѣйшее?* Нѣтъ. Никакой *напр.* астрономъ не скажетъ намъ, какое самое величайшее тѣло небесное вообще? Онъ можетъ только сказать, что въ нашей солнечной системѣ самое Солнце или Юпитеръ есть наивеличайшее свѣтило; но тутъ мы имѣли бы наивеличайшее нѣчто, только относительное. Тоже самое разумѣть подобно и о самомалѣйшемъ. Кто *напр.* признавалъ бы пылинку самомалѣйшимъ тѣломъ, могъ бы такъ называть ее только въ сравненіи съ другими тѣлами, также весьма мелкими. Самыя пылинки не разной ли опять величины и не состоятъ ли изъ частицъ или атомовъ, изъ которыхъ ни объ одномъ нельзя доказать, чтобъ онъ былъ отнюдь самомалѣйшій? — И между напряженными величинами нѣтъ Maximum и Minimum, нѣтъ самой большой, ни самой малой теплоты или стужи, силы, ума, добродѣтели. Постепенности такъ же въ безконечность простираются здѣсь, какъ тамъ сложность и дѣлимость. — Въ житейскихъ дѣлахъ и сношеніяхъ иногда опредѣляются Maxima и Minima, особливо вразсужденіи цѣны товаровъ. Но такой масштабъ произволенъ и невѣренъ; и лучше *невмѣшиваться* тамъ, гдѣ мы только *мѣшаемъ*, а предоставить опредѣленіе цѣны естественному ходу вещей, открывающемуся изъ потребности, запроса, соревнованія.

ВЕРХОВНЫЙ, ая, ое, — терминъ, употребляемый въ нашемъ

языкѣ только метафорически, всегда означаетъ нѣчто такое, чему подчинены всѣ другія вещи, съ нимъ однородныя. Изъ многочисленныхъ его отношеній примѣчательнѣйшія въ философіи слѣдующія:

— *Верховное благо* — есть то, которое по суду разума превосходитъ всѣ иныя блага или имѣетъ для всѣхъ разумныхъ существъ цѣну безусловную. Какъ разумъ не можетъ никакимъ земнымъ, скоропреходящимъ и тлѣннымъ сокровищамъ приписать таковое достоинство; то онъ и долженъ верховнаго добра искать только въ сверхчувственной области, или въ мірѣ идей. И здѣсь идея нравственности оказывается высочайшимъ предметомъ, котораго человѣкъ достигать только можетъ. Потому разумъ безусловно требуетъ отъ всякаго человѣка, чтобы не только онъ самъ дѣлался нравственно-добрымъ, но чтобы и старался посильно распространять благіе помыслы вокругъ себя. Но съ этимъ требованіемъ сопряжено и обѣтованіе, что человѣкъ тутъ и самъ собою и своимъ состояніемъ столько будетъ доволенъ, сколько то возможно вообще для существа ограниченнаго. Это самодовольство означается и словомъ блаженство. Потому нравственность и блаженство въ совокупности были бы верховнымъ добромъ для человѣка, равно какъ и для всѣхъ разумныхъ тварей. (См. *Благо*).

— *Верховная власть.* Какъ одно лице, либо нѣсколько лицъ, которымъ всѣ другія подчинились, или же всѣ члены гражданскаго общества, никому не подчинившіе себя, не признаютъ высшаго надъ собою; то власть Главы государства называется и верховною властію, которой существеннѣйшія черты слѣдующія: а) *Во всякомъ государствѣ верховная власть можетъ быть лишь одна.* Ибо, если въ государство вкрадываются двѣ, одна отъ другой независимыя власти, то тѣмъ самымъ единство его уже и разрывается; тутъ возникаютъ двѣ державы. Но очень можетъ одна верховная власть быть раздѣлена между нѣсколькими лицами; однакожъ такъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ ея вполнѣ, а только всѣ въ совокупности, b) *Верховная власть не знаетъ сопротивленій, она неодолима:* ибо, еслибы кто могъ навязывать ей частную свою волю; то онъ имѣлъ бы такое же или еще и высшее велемочіе, чѣмъ та первая, которая тутъ и не была бы уже верховною. (Слѣд. ничего не можетъ дѣлаться безъ высочайшей воли). c) *Верховная власть не подлежитъ отвѣтственности,* потому-что, еслибы кто могъ требовать ее къ отвѣту, то онъ, оче-

видно, былъ бы могущественнѣе самой верховной власти, которая тутъ дѣйствительно упала бы до подчиненной. (Но она, какъ верховная, неодолимая, и нетерпящая контроля, — она одна, безъ сомнѣнія, въ-правѣ подвергать всякое лице и всякое сословіе отчету въ его поступкахъ). Такимъ образомъ народъ никогда не можетъ судить государя за дѣйствія, которыя онъ предпринималъ, какъ государь, огражденный святостію безусловнаго могущества. d) *Верховная власть самодержавна*: — ничто въ ея сферѣ не можетъ происходить безъ ея воли, и на все то, что она дѣлаетъ, должно быть ея соизволеніе. Ибо, еслибы кто могъ предпринимать что-либо въ ея кругѣ дѣйствій безъ ея воли; то онъ былъ бы столько же могущественъ, какъ и она; а еслибы кто могъ и принуждать ее дѣлать то, что ей не угодно; то онъ властію даже превышалъ бы ее; въ томъ и другомъ случаѣ она не была бы верховною. e) *Верховная власть не знаетъ аппелляціи*, потому-что, еслибы кто могъ пріостанавливать, либо перевершать ея приговоры, тотъ дѣйствительно имѣлъ бы власть высочайшую. f) Верховная власть и притомъ *она одна представляетъ* государство, — первое потому, что самое государство состоитъ и держится лишь ею, второе потому, что иначе кромѣ ея въ томъ же государствѣ было бы еще и другое, была бы съ тѣмъ и другая власть верховная, что нелѣпо. Оттого на верховной только власти и лежитъ приведеніе въ силу всего того, что заключается въ понятіи государственной власти и цѣли;

— *Верховный жрецъ* = глава языческаго духовенства;

— *Верховная инстанція* = та, на которую нѣтъ уже аппелляцій. Потому она называется и *высшимъ судилищемъ*, которое можетъ быть либо человѣческое (въ государствѣ и Церкви), либо божеское (въ сверхчувственномъ мірѣ). Не трудно, послѣ этого опредѣлить, кого именно въ строгомъ смыслѣ надобно считать *верховнымъ судьею*;

— *Верховный надзоръ*, — одно изъ правъ величества, — простирается на все то, что живетъ и дѣйствуетъ въ государствѣ, слѣд. и на всякую церковь, терпимую имъ и пользующуюся его покровительствомъ;

— *Верховное началоположеніе* есть то, которое стоитъ «въ челѣ» науки. Если оно ни откуда не заимствовано, то должно быть само по себѣ достовѣрно или очевидно. (См. *Началоположенія въ философіи*);

— *Верховный* или высшій *родъ* (въ Логикѣ) есть то понятіе,

подъ которымъ состоятъ не только виды, но и всѣ относительные роды. Таково понятіе *существа* или *вещи*;

— *Верховное* или высочайшее существо = *Богъ*;

— *Верховный Уголовный Судъ* есть тотъ, который въ чрезвычайныхъ случаяхъ паряжается изъ свѣтскихъ, военныхъ, придворныхъ и духовныхъ чиновъ, именно для сужденія многочисленныхъ государственныхъ преступниковъ.

ВЕСЕЛОНРАВІЕ = ясность души, подобная чистой лазури воздуха, которая дозволяетъ намъ свободный обзоръ вѣчно-свѣтлаго неба, не отумапеннаго испареніями. А что такое эти тлетворныя испаренія, какъ не смутныя мысли, порождаемыя то виновною совѣстію, то скукою, то недугами? Слѣд. мы веселонравны, какъ скоро мрачныя думы исчезаютъ. Потому *первое* средство къ развеселенію души есть устраненіе нечистыхъ пожеланій и страстей, — есть «упованіе, яко благу совѣсть имамы;» *второе* — занятіе ума, и притомъ не игривое только, которое скоро можетъ опостылѣть, подобно частымъ лакомствамъ, а тотъ важный, напряженный *трудъ*, который, подобно домашнему кушанью «не пріѣдается;» — *третье* заботливость о здоровьѣ, особливо умѣренность въ наслажденіяхъ всякаго рода. Но, разумѣется, для того, чтобы эти средства производили вожделѣнное дѣйствіе, они всѣ три должны быть употребляемы въ совокупности — по причинѣ тѣснѣйшихъ отношеній физическаго и моральнаго фактора въ природѣ нашей, которые должны подавать одинъ другому руку взаимной помощи. — Тутъ только не трудно будетъ человѣку силою могучей воли вытѣснять изъ головы и такія докучливыя думы, которыя имѣютъ свою основу въ значительныхъ недостаткахъ организма, даже въ неизлечимыхъ его болѣзняхъ.

ВЕТО, (отъ латинс. vetare, воспрещать, возбранять), означаетъ право, не одобрять иныхъ затѣй, или начинаній. Въ особенности оно присвоивается Главѣ государства относительно къ парламентамъ и камерамъ, которыя «синкратическимъ» образомъ правленія удостоиваются участвовать въ дѣлахъ законодательной власти. Такія собранія были бы слишкомъ велемощны, еслибы имъ дозволялось безъ высочайшаго соизволенія и даже впротивность ему давать своимъ заключеніямъ законную силу. Впрочемъ, какъ и Глава государства въ извѣстныхъ правленіяхъ не можетъ давать закона безъ согласія сейма или веча, то и этотъ сеймъ имѣетъ также своего рода Вето. Но отдѣльнымъ членамъ народнаго со-

бранія не слѣдуетъ имѣть такого Вето, гдѣ каждый дворянинъ «съ голосомъ» могъ бы своимъ liberum veto останавливать сентенціи общаго собранія.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ означаетъ все то, что относится къ *вещи*, либо состоитъ изъ вещества (см. *слѣдующую* статью). Оно понятнѣе изъ разныхъ отношеній къ противополагаемымъ ему предметамъ. Такъ веществ. владѣніе, капиталъ, потребности противополагаются умственнымъ, идеальнымъ; такъ вещ. познанія, опредѣленія и раздѣленія, договоры, память, обиды *словеснымъ;* такъ вещ. деньги и награды противополагаются *именнымъ* или *нарицательнымъ;* такъ вещ. право противополагается *личному* (см. эти *существительныя* имена порознь на своихъ мѣстахъ).

ВЕЩЬ 1) Въ пространномъ смыслѣ значитъ все то, что мы можемъ мыслить, не противорѣча самимъ себѣ, 2) въ тѣсномъ, что не только мы представляемъ себѣ, но что и существуетъ независимо отъ нашихъ мыслей. Та называется и *умственнымъ, логическимъ* предметомъ, а эта *дѣйствительнымъ, реальнымъ, бытнымъ, былью.* И такимъ образомъ подъ *небылицей* разумѣется съ одной стороны то, чего нельзя себѣ вообразить, съ другой то, чего нѣтъ въ природѣ. Также точно понимать надобно и рѣченія *нѣчто* и *ничто.* Равнобедренный тысячеугольникъ есть *вещь* или *нѣчто,* четвероугольный кругъ — *небылица* или *ничто* въ первомъ значеніи, земля есть *вещь* или *нѣчто,* Пегасъ *небылица* или *ничто* — во второмъ. Эти небылицы втораго рода называются и *химерами,* потому-что созданія фантазіи, каковы золотыя горы, алмазные чертоги, феи, домовые, мертвецы, — все это, по крайней мѣрѣ, можно себѣ представить. Но въ Правовѣдѣніи слово *вещь* получаетъ значеніе самое тѣсное. — Тутъ она противополагается то лицамъ и разнымъ ихъ требованіямъ другъ на другѣ, то безжизненнымъ, особливо подвижнымъ предметамъ, — недѣлимымъ и общественнымъ, владѣльческимъ и ничьимъ или безхозяйнымъ.

ВЗАИМНОСТЬ или *Взаимнодѣйствіе* есть то отношеніе между однимъ предметомъ и другимъ, по которому послѣдній опредѣляется первымъ, а первый послѣднимъ. Одинъ Богъ безусловно, рѣшительно и неотразимо дѣйствуетъ на свои твари, извнѣ и извнутри, не принимая отъ нихъ никакого воздѣйствія. Чтожъ касается до вещей конечныхъ, то, хотя жизнь ихъ держится и крѣпится какъ сущностью и ея явленіями или скоротечными состояніями, такъ и

причиною и ея дѣйствіями; — однакожъ ни одно явленіе здѣсь не принадлежитъ только самому себѣ; всякое состоитъ опять съ другими, одновременными и сопребывающими, во взаимныхъ сношеніяхъ, въ *обоюдной* связи винословной, которая ощутительнымъ образомъ выражаетъ общее единство вещей и существеннѣйшую ихъ однородность. Оттого Вселенная во всякое время и во всѣхъ частяхъ есть живое Цѣлое, въ которомъ люди, государства, силы природы, тѣла небесныя и духи, словомъ, всѣ члены органическаго мірозданія, по особеннымъ свойствамъ и отношеніямъ каждаго, могутъ, болѣе или менѣе, опредѣлять другъ друга въ своихъ дѣйствіяхъ и воздѣйствіяхъ. (Сравн. *Вліянія*, *Антагонисмъ*, *Категоріи*).

— *Взаимнодѣйствіе* или *общеніе между душею и тѣломъ.*

Если сличимъ жизнь тѣлесную и духовную, то съ перваго взгляда не только остроуміе и фантазія, но и самая наука должны признать обоюдное соотвѣтствіе въ устройствѣ каждой изъ нихъ, должны признать родъ предуставленной гармоніи. Принятіе и вареніе яствъ, приготовленіе и обращеніе крови, плототвореніе — все это не указываетъ ли символически на производство познаванія, возбуждающее къ дѣятельности разрозненныя стихіи нашей жизни? Тѣлесная движимость не находитъ ли своей параллели въ хотѣніяхъ, въ начинаніяхъ? А жизнь, которая бьется и дышитъ въ груди, не сливается ли и сущностію и понятіемъ и названіемъ съ жизнію внутреннихъ, сердечныхъ ощущеній? Что же касается до силы образовательной; то не зиждемъ ли мы сколько родотворными органами, столько и мыслію, и сколько мыслію, столько же и досужими руками и сколько руками, столько же и словомъ? И на сторонѣ духовной, подобно какъ на тѣлесной, способъ сихъ отправленій, то восходящій, то нисходящій, можетъ въ многоразличныхъ степеняхъ разсматриваемъ быть, какъ превращеніе однихъ и тѣхъ же началъ, одной и той же дѣятельности жизненной. Ибо самосознаніе и совѣсть не соотвѣтствуютъ ли общему ощущенію нашего бытія, а своевластіе не значитъ ли тоже самое, что и господство нервной системы въ тѣлѣ?

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ смотрѣть симъ способомъ на раздвинутыя формы жизни; но коль скоро жизнь возвращается къ своему первоначальному, истинному понятію, то находитъ въ своей тѣлесной и духовной сторонѣ одно живое цѣлое, а не двойной рядъ отдѣльныхъ, хотя согласныхъ явленій, подобныхъ двумъ часовымъ ма-

шинамъ, изъ которыхъ одна точь-въ-точь движется такъ, какъ и другая, хотя наружнымъ механизмомъ съ нею не связанная. Вотъ важный пунктъ, въ которомъ надобно вразумиться! Ибо извѣстно, что временная жизнь человѣка нуждается въ просторѣ для своихъ движеній, что она и дѣйствительно порывается къ свободѣ, дабы привесть въ полную силу державныя права удѣльнаго своего домостроительства. — Не есть ли сія духовность, можетъ статься, только *возгонка* натуральной жизни, — утонченіе нервной, крайняя степень превращенія общаго эѳира, *разсуществленіе?* Не переходятъ ли чувствованія наши со временемъ — мало-по-малу — въ наблюденія, въ познанія вѣроятно чрезъ постепенное внутреннее порожденіе тончайшей матеріи нервной, электрической, воздухообразной и т. п. и не бываетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ самая раздражительность мышцъ побуждаема къ движеніямъ извнутри, слѣдственно къ движеніямъ свободнымъ, къ проявленію силы средобѣжной?

Сія отважная догадка, связывающая жизнь извѣстнымъ единствомъ понятія, хороша на своемъ мѣстѣ и въ своихъ границахъ, но не далѣе. Ибо какова бы ни была масса въ составѣ своемъ или сцѣпленіи — она сама по себѣ не способна ни жить, ни стремиться, ни сознавать единство своей сущности. Все, что рвется извнутри наружу, должно быть первоначально жизнію, но не такою, которая дѣйствуетъ по естественнымъ, механическимъ побужденіямъ: ибо что жаждетъ свободы, то по идеѣ уже своей должно быть свободнорожденнымъ, должно чувствовать въ себѣ званіе къ сему небесному наслѣдію. Какъ можно иначе и домогаться того, въ чемъ отказываютъ намъ врожденные способы и дары благодати? А первоначальная дѣятельность, врожденное основаніе свободныхъ движеній, есть, какъ извѣстно, духъ. Посему человѣкъ не только первоначально свободенъ, не только по существу своему есть духъ, но еще стремится къ безпрепятственному выраженію богоподобнаго характера и въ земномъ существованіи своемъ, т. е. стремится такимъ и выказывать себя, какимъ онъ устроенъ. Ибо силу мы и знаемъ въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ, сущность въ однородныхъ съ нею явленіяхъ. Но порывы къ свободному осуществленію духовной жизни во времени и въ пространствѣ состоятъ не въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя, примѣрно, были бы однажды навсегда установлены и расчислены, а въ развитіи, которое вездѣ имѣетъ ходъ постепенный, неопредѣлительный.

Вслѣдствіе врожденнаго стремленія къ бытію, только отъ себя самаго зависящему, человѣкъ, по званію духа единодержавнаго, нераздѣльнаго, какимъ онъ является себѣ въ сознаніи, овладѣваетъ болѣе или менѣе своею жизнію тѣлесною, проникаетъ извнутри всею своею силой каждый изгибъ ея и чрезъ нее свидѣтельствуетъ о себѣ предъ глазами внѣшняго міра. Вотъ откуда вкрадывается не только — посредственнымъ образомъ — умыслъ въ наше вниманіе, въ наши поступки, но — непосредственнымъ образомъ — вкрадывается и значительность въ человѣческое тѣло, въ его положенія и движенія, въ рѣчь и во весь наружный видъ! Въ немъ характеръ; но не какъ напечатлѣніе отвнѣ, а какъ выраженіе духовной, внутренней силы, которая и первоначально уже зиждетъ себѣ по своей *схемѣ* или *идеѣ* соотвѣтственный организмъ, и впослѣдствіи свободно, съ сознаніемъ сей организмъ, принятый въ собственное распоряженіе, обработываетъ и употребляетъ.

Чтожъ такое значитъ тѣло, когда сущность человѣка есть духъ? Внѣшняя жизнь наша включена въ общій чинъ вещей; слѣдственно она, конечно, дѣйствуетъ, движется и преспѣваетъ на своемъ мѣстѣ, какъ самобытность; однакожъ не иначе, какъ въ отношеніи ко всѣмъ тварямъ — сверстницамъ. По существу своему, она будучи отъ міра сего, есть живая сила (которая не можетъ обойтись и безъ ощутительныхъ созданій); но сила уже не общая, вселенская, неопредѣленная, а относительная, удѣльная, приставленная къ своему мѣсту; тѣло именно и вдвигаетъ ее въ рядъ дѣйствительныхъ существъ нашей планеты. Слѣдственно, тѣло, само по себѣ, не составляетъ прямаго, полнаго, сомкнутаго бытія, т. е. такого, которое вмѣщало бы въ себѣ и могущество самозиждительное; сила жизни беретъ себѣ сію, выработанную ею, форму пластическую въ посредничество при втеченіи своемъ во внѣшній міръ, при многочисленныхъ своихъ *сдѣлкахъ* съ нимъ.

Тѣло отнюдь не призракъ, а существо; однакожъ существо только внѣшнее, и въ семъ качествѣ опредѣленное, какъ извнутри, такъ и снаружи, какъ напитствованіями нашего духа, такъ и вліяніями общаго мірозданія. Ибо жизнь человѣка становится дѣйствительною и для чувствъ не иначе, какъ входя во всестороннія отношенія къ внѣшнему міру; отношенія же сіи опредѣлены нашею судьбою, т. е. занимаемымъ нами мѣстомъ въ чинѣ творенія. Посему она въ той же самой степени, въ какой осуществляетъ себя наружу, получаетъ

опредѣленную мѣру бытія и дѣятельности и являетъ собою одно что-то, а не все возможное. Но какъ она первопачально есть духъ; то имѣетъ потребность быть на своемъ мѣстѣ жизнію своєю одною и потому чрезъ предстателя своего овладѣвать благопріобрѣтеннымъ своимъ достояніемъ, распоряжаться въ границахъ *своего недѣлимаго быта*. Такимъ образомъ мы въ семъ посредствующемъ созданіи признаемъ опредѣленный кругъ дѣятельности, не столько навязанный духу нашему сторонею силою, сколько имъ самимъ учреждаемый, какъ *необходимое предположеніе* для откровенія небесныхъ даровъ — сознанія и нравственной свободы. Вотъ причина, почему *грѣшно* человѣку умерщвлять или насильственно подавлять свою плоть, чрезъ которую ему и суждено только утверждать свою свободу! Вотъ почему мы не можемъ представлять самихъ себя безъ тѣла, такъ-что всякому взгляду на жизнь за гробомъ невольно навязывается и мысль объ обновленіи ветхой нашей храмины! Вотъ почему мы опредѣленный только организмъ, а не всякій другой считаемъ за свою собственность! Вотъ почему никто въ здравомъ состояніи не можетъ мыслію переносить свое Я въ плоть чужую! Вотъ почему побои принимаются нами за обиду личную!

Итакъ, тѣлу суждено представительствовать, суждено заступать временное бытіе духа. Сей только взглядъ на отношеніе его къ внутреннему, свободно-зиждущему началу основательно изъясняетъ сущность и силу *волненій сердечныхъ* и вліяніе жизненныхъ дѣйствій духа на пищевареніе, на дыханіе и на другія отправленія органическія. Но сей же только взглядъ объясняетъ намъ опять и свойство человѣческаго тѣла, въ двуличневой, сплошной его относительности, а именно — наружу — къ внѣшнему міру, и внутрь — къ духу. Ибо, какъ оно есть осуществленіе или проявленіе послѣдняго на чредѣ земнаго бытія; то, принадлежа вмѣстѣ и царству необходимости и царству свободы, оно составляетъ такое посредничество между духомъ и природой, чрезъ которое первый втекаетъ во вторую, а послѣдняя напіямъ его предается. Вотъ почему мы видимъ и совершенную соразмѣрность, сплошную правильность въ устройствѣ тѣла! Вотъ въ какомъ смыслѣ оно есть *органъ* духа, а не простое, сторонее *орудіе* его!

Но не могло ли бы тѣло служить органомъ духу и за всѣмъ тѣмъ являть собою бытіе отдѣльное, самостоятельное, хотя связанное съ послѣднимъ и ему подвѣдомственное? — именно же такъ, чтобы

жизнь человѣка была не *одна* жизнь, а *двѣ* существенно разныя и первоначально разлученныя, — чтобы кажущееся единство нашего состава была только обоюдная встрѣча сихъ двухъ родовъ жизни, — чтобы стремленіе къ свободѣ было стремленіемъ одного изъ нихъ являть въ сей связи преобладательство надъ другою половиной или имѣть ея область, если не въ подданствѣ, по крайней мѣрѣ, въ сильномъ покровительствѣ? Не споримъ, что сіе предположеніе согласно съ нашимъ сознаніемъ: законы духовной жизни и законы тѣлесной не представляются ли намъ дѣйствительно въ видѣ разнородныхъ? Оно соотвѣтствуетъ и потребности смысла, который любитъ раздѣлы; оно и *уютнѣе*. Но

a) Противорѣчитъ полному сознанію жизни, уничтожая возможность Человѣковѣдѣнія, потому-что, вслѣдствіе сего предположенія, многоразличіе формъ являющейся жизни человѣка, *необъятное* въ единствѣ, было бы недоступно и *понятію;*

b) А сколько трудностей въ истолкованіи *первоначальной тайны сотворенія*, т. е. въ изъясненіи самаго способа, *какъ* и какими именно путями сообщаются между собою духъ и тѣло! Не прибѣгало ли здѣсь суемудріе къ *случайнымъ* причинамъ, къ непосредственному *содѣйствію* Божію, не прибѣгало ли къ *фаталисму*, который отъ начала вѣка извнѣ, такъ сказать, *приноровилъ* одну жизнь къ другой, — попыткамъ нелѣпымъ, смѣшнымъ, безполезнымъ, но непзбѣжнымъ тамъ, гдѣ тѣло и духъ представляемы бываютъ другъ для друга *чуждыми, посторонними, механически сдвинутыми* или *сцѣпленными*, — гдѣ одинъ, какъ готовый уже, зрѣлый, совершеннолѣтній хозяинъ и художникъ долженъ употреблять и готовое уже, данное орудіе?

c) Прибавьте еще и то, что, при допущеніи двойственности, тѣлесная жизнь человѣка, какъ состоящая въ природѣ, долженствовала бы продолжать свое бытіе сама по себѣ, въ отдѣленіи отъ духовной, и продолжать его тѣмъ благоуспѣшнее, чѣмъ менѣе была бы стѣсняема враждебными вліяніями могучаго союзника, и однакоже, тѣло безъ духа — трупъ.

d) Наконецъ при сей двойственности, духъ владычествовалъ бы надъ тѣломъ, не проникая его извнутри, не освобождая, а порабощая или оказывая внѣшнее насиліе.

А не такова ли въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству внутренняго опыта, власть духа надъ тѣломъ? Такова, но только *отчасти*, и сей-то именно опытъ породилъ мнѣніе о сугубой жизни нашей и поддержи-

ваетъ истину его въ подчиненномъ вѣдомствѣ сознанія. Ибо, кто сталъ бы, наперекоръ внутренней увѣренности, утверждать, что произвольное движеніе его мышцъ, что его наблюденіе, внимательность и проч. совершаются только физически, либо же по крайней мѣрѣ такъ, что тѣло служитъ тутъ духовной жизни внѣшнимъ орудіемъ? Кому не говоритъ внутреннее чувство, что дѣйствующая, или образующая рука, разсматривающій глазъ, внемлющее ухо и проч. оживлены въ сихъ дѣйствіяхъ изъ внутренней свободы? Но тотъ же самый непосредственный опытъ научаетъ насъ, съ другой стороны, что въ здравомъ состояніи человѣка образующая и питающая дѣятельность тѣлесной жизни съ ея органами во внутреннемъ судилищѣ изъята отъ свободы и управляется духомъ только снаружи, т. е. въ томъ смыслѣ, что онъ удовлетвореніе естественныхъ, невольныхъ побужденій подчиняетъ своему руководству. Откуда сіе разрозненіе, если въ человѣкѣ живетъ *одно* только существо?

Возможность подобной двойственности въ единствѣ явствуетъ изъ того, что тѣло, въ которомъ духъ изъявляетъ свою сущность не только самъ для себя, во внутреннемъ сознаніи, но и со стороны, для всѣхъ другихъ видимой, открытой, есть созданіе творящихъ силъ дольняго міра нашего, и, имѣя бытіе особенное, принадлежитъ все еще общей природѣ. Прибавьте и то, что въ нынѣшнее время жизнь человѣческая столь глубоко внѣдрена въ нашу планету, что для выдержки общихъ вліяній послѣдней, нуждается въ возобновленіи своего особеннаго состава безпрерывномъ и слѣдственно недоступномъ произволу, который могъ бы свободныя сообщенія задерживать. Здѣсь-то происходитъ тѣснѣйшее значеніе тѣлесной жизни человѣка, какъ такой, которая сохраняется и поддерживается въ природѣ безпрестанными дополненіями или добавками изъ запасныхъ ея храминъ, и въ семъ смыслѣ идетъ нынѣ тѣлесная жизнь человѣка наровнѣ или обруку съ его духовной, распоряжаясь сама собою во ввѣренной ей части домостроительства.

Какъ вся внѣшняя жизнь человѣка, природѣ подвѣдомая, нуждается въ безпрестанномъ *отрожденіи* своего существа посредствомъ питанія; то она сплошь и проникнута силою плототворною и съ сей стороны совершенно вмѣщается въ тѣсномъ понятіи жизни тѣлесной. Но вотъ важная разница!

а) Тѣло частію состоитъ въ мозгѣ, частію предано, ближайшимъ образомъ, въ управленіе мозговымъ, да и становымъ нервамъ, и потому

можетъ быть разсматриваемо какъ существо, проникнутое духовною дѣятельностію жизни. Тутъ оно есть непосредственный органъ идеальнаго начала, вовлекаемый послѣднимъ въ сочувствіе. Тутъ наше Я обработываетъ и употребляетъ свой органъ свободно — для пробудившихся нуждъ и видовъ безконечнаго своего усовершенія; тутъ оно торжествуетъ надъ немощнымъ союзникомъ. Этого мало; тутъ оно и само съ своей стороны, никогда не готовое, нескончаемое, переходитъ отъ возможнаго бытія къ дѣйствительному отнюдь не въ томъ смыслѣ, будто возникало *изъ* тѣла, а въ томъ, что оно и развивается и зрѣетъ и мужаетъ до извѣстной эпохи только *съ* успѣшнымъ ходомъ органической стороны, которую въ послѣдствіи оставляетъ далеко за собою.

b) Органы и отправленія средней части, завѣдывающей раздражительною жизнію мышцъ — въ дыханіи и рѣчи — сколько признаютъ вліяніе произвола на ихъ образованіе, столько же и посмѣваются ему.

c) Наконецъ, части и отправленія тѣла, которыми оно постепенно присвоиваетъ себѣ питательное свое вещество, съ господствующею въ нихъ системой нервныхъ сплетеній, предоставлены исключительному вѣдомству тѣлесной жизни въ тѣсномъ смыслѣ. Но тѣло, чисто-земное, растительное, не приводится уже въ движеніе духовное извнутри; мы надъ нимъ не властны. Правда, его разстояніе отъ духовной жизни не столь велико и рѣшительно, чтобы сія послѣдняя, въ состояніи будучи извнѣ втекать въ него весьма замѣтно, не могла также и извнутри дѣйствовать на него въ такой степени, которую опредѣлить трудно; однакожъ въ теперешнемъ періодѣ жизни человѣческой подобное состояніе (напр. животнаго магнитисма) есть всегда неправильное, болѣзненное.

ВЗБАЛМУЧНЫЙ (*Взбалмошный?*). Это, по описанію *Дюмаи*, человѣкъ, котораго характеръ состоитъ въ одной суетности, который не дѣлаетъ ничего по правиламъ и склонностямъ, а только изъ хвастовства или для виду, и который, желая возвыситься надъ другими, упадаетъ ниже самого себя. Коротокъ съ барами, важенъ съ равными, дерзокъ съ подчиненными нашъ Фирсъ Мокеевичъ тыкаетъ, покровительствуетъ, презираетъ. Вы привѣтствуете его — онъ васъ не замѣчаетъ; вы заговариваете съ нимъ, — онъ васъ не слышитъ, вы обращаете свои рѣчи къ третьему — онъ васъ перебиваетъ. Ф. М. лорнируетъ, насвистываетъ куплеты изъ новаго водевиля, барабанитъ то пальцами по стеклу или

по столу, то ногами по полу, въ почтеннѣйшемъ обществѣ, среди самой назидательной и трогательной бесѣды. Глядитъ ли на него женщина, — ему сдается, что она влюблена въ него по-уши; другая и не глядитъ, а онъ все-таки думаетъ, что она питаетъ къ нему нѣжную склонность, которой не смѣетъ лишь обнаружить. — Терпите вы его въ своемъ домѣ, или прогоняйте отъ себя, — Ф. М. всегда въ выигрышѣ. Онъ приглашаетъ къ себѣ почтеннаго гостя, но въ тотъ самый часъ, который назначилъ своему обойщику или золотыхъ дѣлъ мастеру, либо въ который надобно ему идти къ должности. Онъ предлагаетъ свободному человѣку мѣсто въ своей колясскѣ и сажаетъ его почти на облучкѣ. Не имѣя основательныхъ свѣдѣній, онъ, однакожъ, любитъ давать совѣты художникамъ и ученымъ. Выходитъ ли онъ изъ театра — онъ перешептывается съ своими людьми. Вы думаете, что онъ скачетъ на любовное свиданье,— ничего не бывало, — онъ просто ѣдетъ домой ужинать. Онъ велитъ съ таинственною миной подавать себѣ при людяхъ цыдулочки, истинныя или подложныя; вы подумаете, что онъ подмѣтилъ хорошенькую жеманочку. Ф. М. дѣлаетъ длинный счетъ своимъ доходамъ, а имѣетъ только десять тысячъ жалованья, да проценты съ 50,000, да заведеньице одно; другое; ну, чѣмъ ему жить? Онъ совѣтуется съ модою для платья, для своихъ болѣзней и экипажа, для врача и для портнаго. — Взбалмошный есть настоящее театральное лице: видя его, вы подумаете, что онъ носитъ маску, слыша его, подумаете, что онъ играетъ роль. Рѣчи его вздоръ, дѣянія его ханжество, самое молчаніе его ложь. Онъ забываетъ о вчерашнихъ уговорахъ и ломаетъ сегодня голову надъ тѣмъ, какъ бы связаться вновь съ первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Его нѣтъ тамъ, гдѣ его ждутъ и онъ поздно является туда, куда его не ждали. Онъ не смѣетъ признаться къ бѣдному свойственнику. — Онъ хвастается благорасположеніемъ вельможи, съ которымъ никогда не говорилъ, или который, по крайней мѣрѣ, никогда не отвѣчалъ ему. Нельзя поклепать Ф. М. природнымъ умомъ; однакожъ онъ самодоволенъ, какъ и всѣ остряки, и у него всегда наготовѣ сатирическія изрѣченія Грибоѣдова и Крылова. Не знатный онъ баринъ и не богачъ; однакожъ одѣвается щегольски, разъѣзжаетъ въ одноколкѣ, имѣетъ заимодавцевъ, обыкновенно изъ портныхъ, врачей и игроковъ, имѣетъ домикъ въ предмѣстьи съ, пригоженькою ключницей, и, какъ водится, есть членъ литературнаго

или промышленнаго общества. Ему не достаетъ только того, чтобы онъ былъ плутомъ, а то онъ составлялъ бы разительную противоположность съ порядочнымъ и честнымъ человѣкомъ. — Словомъ Ф. М. есть умный человѣкъ для глупцевъ, которые ему удивляются, и глупецъ для людей умныхъ, которые отъ него бѣгаютъ. Но, если вы хорошо знаете этого несноснаго человѣка, то онъ ни уменъ, ни глупъ, онъ просто одинъ изъ тѣхъ *взбалмошныхъ*, которыхъ оригиналы мы, столичные жители, на каждомъ шагу встрѣчаемъ въ худовоспитанныхъ матушкиныхъ сынкахъ или, что все равно, въ шальныхъ барончикахъ.

ВЗГЛЯДЪ и ВЗОРЪ. А) *Взглядъ* 1) въ собственномъ значеніи есть мгновенный актъ бдящаго глаза, невольный и умышленный, естественный и искуственный, но холодный и относительно къ душѣ безкачественный. 2) Въ переносномъ значеніи — это особенный способъ судить о чемъ либо, просто мнѣніе; но какъ нынѣ мнѣнія въ наукахъ, особливо въ философіи, вошли въ худую славу и сдѣлались пошлыми; то на мѣсто *новыхъ мнѣній* нынѣ выставляютъ *новые взгляды*, отъ чего, однакожъ, дѣло нисколько не выигрываетъ. В) *Взоры* — это постоянные, стереотипные взгляды и въ отношеніи къ внутренней жизни всегда выразительны, потому-что обличаютъ глубокую симпатію со всѣмъ организмомъ. Ибо изъ цвѣта, изъ напряженія глаза, изъ тусклыхъ, вялыхъ, либо изъ ясныхъ, масляныхъ взоровъ не часто ли мы заключаемъ о состояніи человѣческаго здоровья такъ же вѣрно, какъ по цвѣту неба и движенію облаковъ угадываемъ погоду? Этого мало: во взорахъ не только чувство, но и откровеніе: ибо въ нихъ зеркалѣ прямо *отсвѣчивается небесная* душа, или лучше сказать, *она* смотритъ на тебя — *лучезарнымъ* окомъ — такъ, какъ не можетъ глядѣть никакое другое — нѣмое — чувство. Сіи-то живительные, свѣтящіе, краснорѣчивые взоры мы прежде всего и стараемся ловить уже въ младенчествѣ своемъ. Взоръ есть вѣрнѣйшій термометръ духовнаго нашего существа; тѣми же самыми путями, которыми втѣсняются къ намъ въ глубину нашего сознанія образы видимаго творенія Божія, мы изливаемъ и нѣжнѣйшія, таинственнѣйшія, завѣтныя свои ощущенія, которыя посмѣваются всѣмъ усиліямъ слова и которыя неодолимо проникаютъ изъ одной души въ другую. Любовь, благочестіе, гнѣвъ, страхъ, спокойствіе, — всѣ сіи и подобныя движенія внутреннія находятъ въ *живой азбукѣ всякихъ іероглифовъ* свое изобра-

женіе, свой знакъ. Взоры обвораживаютъ и разочаровываютъ, радуютъ и устрашаютъ, трогаютъ и обезоруживаютъ, живятъ и мертвятъ. Кто вглядывается въ тѣ «пронзительныя очи, которыя свѣтлѣе дня, темнѣе ночи»- тотъ читаетъ въ глубинѣ души, и если существуетъ языкъ для чистыхъ духовъ; то они могутъ сообщаться между собою и бесѣдовать не иначе, какъ посредствомъ взоровъ.

ВЗЫСКАНІЕ значитъ обратное требованіе (востребованіе) того, что нами утрачено, либо у насъ отнято, удержано, похищено. Потому можно чинить взысканія по предметамъ всякихъ правъ, вещественныхъ, личныхъ и смѣшанныхъ; но въ особенности слово это употребляется въ отношеніи къ праву собственности, когда *напр.* изъ имѣнія, оставленнаго покойникомъ или изъ вещей, отобранныхъ у разбойника, мы взыскуемъ то, что наше, взыскуемъ свое достояніе, дабы съ нимъ не было поступлено точно такъ же, какъ и съ прочимъ. Но разумѣется, что во всѣхъ сихъ случаяхъ, если подобныя вещи находятся въ чужихъ рукахъ, должно со стороны того, кто хочетъ ихъ взыскать, быть доказано, что онъ былъ законный ихъ владѣлецъ. Если вещи находятся еще у того, кто ихъ нашелъ или похитилъ; то взысканіе послѣдуетъ прямо, безъ околичностей, когда требуемое доказательство представлено. Если же онѣ находятся въ рукахъ третьяго, который пріобрѣлъ ихъ честнымъ образомъ; то этотъ третій безспорно можетъ требовать соотвѣтственнаго вознагражденія. Ибо за что этому нести убытокъ одному, когда очень возможно, чтобы хозяинъ самъ своею оплошностію былъ виноватъ въ утратѣ вещи? Впрочемъ, *право взысканія* есть только особенный родъ *права возстановленія* (см. это слово).

ВИДИМОСТЬ, ВИДИМОЕ, см. слѣд. статью.

ВИДЪ (отъ латин. video). Вотъ слово, которое ни въ какомъ, кажется, языкѣ, не имѣетъ столь обширныхъ значеній, какъ въ Русскомъ!

1) Въ *грамматическомъ* и *лексикографическомъ* смыслѣ *видъ* есть вообще наружная сторона предмета, открытая нашему *видѣнію*. Онъ есть предметъ *видный*, когда при первомъ открытіи нашихъ глазъ поражаетъ ихъ рѣзкими своими очертаніями и формами. Ближняя станція у проѣзжаго болѣе *въ виду*, чѣмъ пригорки, тонущіе за нею въ зыбучемъ, синемъ туманѣ. Мы кладемъ *на видъ* нужныя намъ завтра вещи; товаръ *съ виду* или *на взглядъ* хорошъ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ рѣченіяхъ *видимое* противополагается то

невидимому (*напр.* видимая церковь, видимые враги и пр.), то дальнему, то сокровенному, какова *напр.* внутренность земли;

2) Въ *Логикѣ* значитъ *видъ* сходство нѣсколькихъ недѣлимыхъ, и тутъ онъ противополагается *роду*. Такъ сосна, ель, пихта, лиственница, кедръ суть *виды общаго* понятія хвойныхъ деревьевъ (см. *родъ*).

3) Въ области Изящнаго *видъ* есть какъ особенное мѣстное расположеніе предметовъ въ природѣ, которыхъ интересную сторону умѣетъ схватывать и изображать *ландшафтный* живописецъ, такъ и все то, что *символика* вообще представляетъ намъ сверхчувственнаго *въ видѣ* знакомыхъ намъ произведеній и созданій природы.

4) Въ *Морали видъ* есть намѣреніе, умыслъ, цѣль. Тутъ мы имѣемъ или простираемъ *виды* на кого-либо, или на что-либо, вообще, на лица и вещи, для нашихъ потребностей пригодныя; тутъ ханжи дѣлаютъ многое *для виду*, тутъ судьи берутъ взятки *въ видѣ* или *подъ видомъ* займа. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ *видъ* сливается съ понятіемъ обмана, *благовидныхъ* предлоговъ, притворства, личинъ и противополагается прямому, истому или *истинѣ*.

5) Въ порядкѣ государственныхъ постановленій *видъ* означаетъ выдаваемое правительствомъ или начальствами свидѣтельство или документъ на жительство, на проѣздъ, на промыслы.

6) Наконецъ въ *Метафизикѣ виды* суть отдаленныя мысли, предвосхищаемыя разумомъ въ силу и на основаніи другихъ данныхъ познаній. Такъ сверхчувственное назначеніе человѣка, расположеніе къ безконечной усовершимости, законъ возмездія и пр. открываютъ намъ *виды* въ будущую жизнь.

ВИДОИЗМѢНЕНІЕ есть временная, преходящая форма самостоятельной сущности, при которой можетъ столько же быть, сколько и не быть, т. е. она *случайная* ея принадлежность. Такъ ледъ, паръ, гасъ суть видоизмѣненія воды; такъ четвероугольная, овальная, круглая фигура могутъ быть видоизмѣненіями фигуры, *напр.* стола. Посему видоизмѣненія бываютъ и естественныя и искуственныя. Они показываютъ разнообразіе состояній или явленій въ единствѣ бытія и способствуютъ къ многостороннему разсматриванію вещи.

ВИДѢНІЯ (*Привидѣнія, Призраки*), въ антропологическомъ отношеніи. Душа дѣйствуетъ на тѣло, тѣло дѣйствуетъ на душу, и мы можемъ до извѣстной степени выразумѣть разстроенныя состоянія души, разсматривая физическія

условія, необходимыя для здравой мысли.

Несправедливо утверждаютъ, что мы видимъ глазомъ, слышимъ ухомъ, вкушаемъ языкомъ. Истинное мѣстопребываніе сихъ чувствованій есть мозгъ, а глазъ, ухо, языкъ суть органы, приноровленные къ принятію внѣшнихъ впечатлѣній, которыя отъ органовъ, посредствомъ особеннаго прибора, передаются мозгу, гдѣ и дѣлаются чувствованіями. Когда предметъ представляется чувству, то онъ производитъ въ нервахъ удѣльнаго органа перемѣну, которая имъ препровождается къ мозгу: соотвѣтственная перемѣна причиняется въ мозгу, а чрезъ него въ душѣ. Эта-то перемѣна въ душѣ и называется чувствованіемъ. — Напротивъ того, представленія, понятія, мысли суть сколки, оттиски впечатлѣній, обновленія прежнихъ ощущеній, вообще различающіяся отъ нихъ меньшею мѣрою разительности и силы.

Итакъ, отправленія мозга суть чувствованіе, омыслетвореніе купно съ дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ сихъ обоихъ состояній другъ на друга, извѣстными подъ именемъ умственной операціи, которой главнѣйшее орудіе есть соображеніе. Душѣ свойственно соображать и соединять получаемыя ею чувствованія и представленія такимъ образомъ, что, по совершившемся уже однажды сочетаніи, если какое-либо изъ подобныхъ чувствованій и представленій оживляется, то одно чувствованіе или представленіе, симъ образомъ воскрешенное въ сознаніи, непосредственно вызываетъ на его позорище всѣ другія, которыя предварительно были съ нимъ связаны; и эта сила здраваго соображенія, какъ замѣчено, дѣйствуетъ однообразно и опредѣлительно *Напр.* соображеніе, если оно здраво, возбуждаетъ представленія въ извѣстномъ порядкѣ, сплошь въ порядкѣ чувствованія. Такъ, если чувствованія A B C были впечатлѣны въ душу въ порядкѣ этихъ буквъ, то B возбудитъ не A, а C. Соображеніе здравое дѣйствуетъ, возбуждая представленія съ извѣстною степенью скорости. Если быстрота въ послѣдованіи ряда представленій простирается выше извѣстной точки, то вмѣсто ясной, отчетливой мысли возникаетъ мысль сбивчивая. Здравое соображеніе дѣйствуетъ возбуждая представленія съ извѣстною степенью живости. Чувствованіе не можетъ породиться, развѣ внѣшній предметъ поразитъ его органъ съ извѣстною степенью силы; тогда, какъ устремленный противъ него съ натискомъ, слишкомъ великимъ, онъ, вмѣсто соотвѣтственнаго чувствованія, возбуждаетъ только досаду. Равнымъ образомъ, не имѣй

рядъ мыслей, вызываемыхъ соображеніемъ, извѣстной степени живости, — онъ представитъ душѣ толпы пестройныхъ образовъ; съ другой стороны, если онъ слишкомъ живъ, то равномѣрно неспособенъ составить основу здравой мысли.

Чтобы мозгъ могъ совершать сіи операціи, т. е. чтобы могъ и принимать впечатлѣнія, препровождаемыя къ нему первами отъ органовъ чувствъ, и превращать эти впечатлѣнія въ чувствованія и надлежащимъ образомъ ихъ сочетавать и оживлять, онъ долженъ находиться въ нормальномъ состояніи. Главные дѣятели, содержащіе мозгъ въ здравомъ состояніи, — это органическіе его нервы и кровоносные его сосуды. Подобно всякому другому органу, мозгъ поддерживается въ нормальномъ его видѣ процессомъ питанія, которымъ управляетъ система первовъ, называемыхъ органическими. Если эти нервы находятся въ разстройствѣ, то болѣзнь можетъ закрадываться въ существо мозга и принимать безчисленныя формы, изъ которыхъ самая легкая можетъ быть несовмѣстна съ порожденіемъ здравой мысли. Если, съ другой стороны, теченіе крови въ круговращательныхъ его сосудахъ разстроено, то и процессъ мысленія приходитъ въ безпорядокъ. Если притеченіе крови къ мозгу вовсе останавливается; то немедленно послѣдуетъ безчувствіе, сильный обморокъ, и это состояніе вскорѣ прекратится смертію, если только не откроютъ опять жизненныхъ хлябей. Если вы обращеніе крови чрезъ-чуръ ускоряете, то равномѣрно послѣдуетъ безчувствіе, и хотя неестественная скорость кровообращенія останавливаетъ развитіе безчувствія, однакожъ, она можетъ разстраивать обыкновенный процессъ мысленія въ безконечно многоразличныхъ видахъ.

Едвали есть какая-нибудь болѣзнь, которая не была бы способна въ большей или меньшей степени, разстраивать дѣйствіе органическихъ нервовъ мозга; но сплошь и замѣтно производятся здѣсь безпорядки извѣстными страданіями брюшныхъ внутренностей, особливо пищепріемнаго канала, именно же той его части, которая образуетъ желудокъ, — извѣстными страданіями печени, брыжейныхъ железъ, мочеваго пузыря и дѣторадныхъ органовъ (organa generoductiva). Такимъ же самымъ образомъ возбужденіе или подавленіе дѣйствія кровоносныхъ сосудовъ мозга, далѣе и выше извѣстной границы, одинаково искажаетъ чувствованіе и всѣ умственныя производства, что разительно поясняется дѣйствіемъ иныхъ физическихъ силъ и веществъ, равно какъ и естественныхъ болѣзней. Примѣ-

ромъ перваго случая служитъ вдыханіе селитряной окиси. Когда эта окись принимается въ легкія, пульсъ усиливается, полнѣетъ, ускоряется. Соотвѣтственная перемѣна происходитъ и въ умственныхъ впечатлѣніяхъ. Чувствованіе дѣлается живѣе, осязаніе утонченнѣе; свѣтлыя точки ослѣпляютъ глазъ; слухъ остръетъ; свѣжія и ясныя воспоминанія, сплошь пріятнаго рода, быстро приливаютъ къ душѣ. Одинъ сравниваетъ тутъ свои ощущенія, подъ вліяніемъ этого газа, съ тѣми, какія онъ испытываетъ, когда бываетъ свидѣтелемъ героической сцены на театрѣ, другой съ тѣми внутренними движеніями, которыя колышутъ его грудь, когда онъ въ Гайденовой ораторіи слышитъ 700 инструментовъ, играющихъ въ одно и тоже время.

Знаменитый химикъ *Деви*, вдыхавшій по нѣсколько кварт селитряной окиси, чувствовалъ съ первыхъ уже 6 или 7 глотковъ какое-то растяженіе и весьма пріятную дрожь во всѣхъ членахъ; видимыя впечатлѣнія его были ослѣпительны и, какъ казалось, увеличены. По мѣрѣ того, какъ отрадное чувствованіе возрастало, онъ терялъ всякія сношенія со внѣшними предметами; живые, видимые образы быстро пробѣгали въ душѣ и были связаны съ словами такъ, что Деви существовалъ въ идеальномъ, совершенно новомъ мірѣ; ощущенія его были восторженныя и высокія. По возвращеніи къ прежнему состоянію души онъ чувствовалъ наклонность сообщить открытія, сдѣланныя имъ въ продолженіе опыта; онъ старался собраться съ мыслями, но мысли были слабы и смутны. Однакожъ, ему представлялось одно воспоминаніе ужасовъ, и онъ въ твердой вѣрѣ и пророческимъ голосомъ восклицалъ: ни что не существуетъ, кромѣ мыслей; вселенная состоитъ изъ впечатлѣній, идей, удовольствій и мученій.

Вдыханіе маларіи, — яда, производящаго лихорадку, также разительно поясняетъ измѣненіе чувствованія и всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій души причиною, поражающею нервы и кровоносные сосуды мозга. Лихорадочная міазма есть угнетающій, селитряная окись — живительный, поощряющій, возбудительный двигатель; потому дѣйствіе первой должно быть противоположное второй; такимъ образомъ, по принятіи лихорадочной міазмы пульсъ упадаетъ, въ членахъ чувствуется усталость, лице блѣднѣетъ, кожа холодѣетъ, голова болитъ, кружится; иногда подымается рвота, между-тѣмъ-какъ душа слаба, тупа, уныла, не расположена къ вниманію и совершенно неспособна повѣрять, даже связывать рядъ мрачныхъ, докучли-

выхъ и ненавистныхъ картинъ, пугающихъ воображеніе. — Вотъ какъ описывается относящійся сюда случай врачемъ, который тщательно наблюдалъ явленія, сопровождавшія постепенное разстройство собственнаго его ума при вліяніи лихорадки! «Кой-какія обстоятельства нагнали на мою душу уныніе и тоску; это было не къ добру. Я работалъ въ кабинетѣ нѣсколько мѣсяцевъ съ необыкновеннымъ прилежаніемъ. Однажды въ холодную январскую погоду я съ практики возвратился домой усталый. Велико было истощеніе моихъ тѣлесныхъ силъ, но упадокъ духа былъ гораздо замѣтнѣе. Голова у меня болѣла, и я, будучи неспособенъ заниматься дѣлами своего званія, легъ на софу и пытался читать случайно попавшуюся мнѣ въ руки Американскую повѣсть — *Русалку*, которая показалась мнѣ довольно любопытною; но какъ муки и смуты въ головѣ усиливались, то я просилъ пріятеля читать для меня, потому-что у меня въ глазахъ безпрестанно рябило. Лихорадка развивалась быстро; главная сила ея устремилась на тотъ органъ, который недавно былъ чрезъ-чуръ раздраженъ, — на мозгъ, и помѣшательство открылось рано, открылось почти внезапно. Передъ самою тою минутою, какъ я сдѣлался рѣшительно съумасшедшимъ, я получилъ приглашеніе къ засѣданію въ Ученомъ Обществѣ, но отозвался нездоровымъ, что, однакожъ, члены Общества сочли за упрямство и небреженіе; они присудили меня къ исключенію, и выписку изъ протокола по этому дѣлу препроводили ко мнѣ съ торжественною, военною музыкой, въ которой господствующими инструментами были колокольчики серебрянаго звона. Я ни кого не видалъ изъ музыкантовъ, но весьма явственно слышалъ мѣрные ихъ шаги. Тутъ я показался себѣ «сыномъ отриновенія и погибели» и опасеніе, что всякъ, меня окружающій, ненавидитъ и ищетъ случая меня извести, овладѣло моею душею. Мои врачи, сидѣлки, лучшіе друзья мои были въ заговорѣ съ злымъ духомъ, который принялъ образъ демона *Русалки*. Предметъ нѣжнѣйшей моей привязанности, который заботливо наблюдалъ за мною и который теперь въ глазахъ моихъ былъ не иное что, какъ послушный агентъ или усердный слуга демона, измѣнилъ мнѣ и чрезъ эту измѣну злой духъ осѣтилъ меня совершенно. Лишь только попалъ я во власть демона, онъ началъ уже подущать меня къ совершенію злодѣяній, которыми я всегда гнушался и наконецъ утвердилъ въ моей душѣ то впечатлѣніе, что я точно былъ повиненъ въ пре-

ступленіяхъ, живою картиною которыхъ мое воображеніе было разстроено. Бури, которыя мнѣ встрѣчались, очевидно были внушены описаніями въ повѣсти, чтеніемъ которой я предъ тѣмъ только занимался. Когда все это вдругъ улеглось, мнѣ показалось, будто я стоялъ предъ невидимымъ судилищемъ. Я проникнутъ былъ торжественнымъ сознаніемъ, что всевидящее око бдитъ надо мною, тогда-какъ видѣлись только отчасти палуба Русалки и весьма неявственно тѣнь моего злаго обвинителя. Не преступленія, на меня взводимыя, но дѣйствительныя приключенія въ моей жизни, даже приключенія мои въ младенчествѣ и юности, давно позабытыя, были представлены мнѣ въ чрезвычайно живомъ видѣ, со всѣми обстоятельствами мѣста, лицъ, одѣянія, языка, положеній и движеній тѣла, которыми тѣ происшествія точно сопровождались. Въ каждомъ изъ этихъ происшествій я принужденъ былъ давать вѣрный отчетъ, потому-что невидимая рука записывала всякій складъ, вылетавшій изъ устъ моихъ и что, тайная сила обязывала меня произносить слова, выражавшія сущую правду. Въ продолженіе этого искуса я видѣлъ лица дорогихъ пріятелей и тайныхъ и явныхъ враговъ, — такихъ, которые давно уже умерли, равно какъ и тѣхъ, которые оставались еще въ живыхъ; первые ободряли меня своими тѣлодвиженіями, вторые, хмурясь на меня, принимали грозныя положенія, но не говорили ни слова. Теперь я чувствовалъ себя опять во власти демона, котораго непреодолимое предстательство принуждало меня обвинять самого себя въ преступленіяхъ, имъ же внушаемыхъ, и междутѣмъ-какъ я терпѣлъ муки оттого, что долженъ былъ дѣлать себѣ безвинно горькія укорізны, и ожидать какого-нибудь страшнаго наказанія, я снова увидѣлъ моихъ дорогихъ пріятелей, съ ихъ невинными и счастливыми лицами, увидѣлъ въ занятіяхъ, о которыхъ въ душѣ моей составились мысли весьма пріятнаго рода; но я не могъ моимъ друзьямъ дать почувствовать мое присутствіе; мнѣ не суждено уже было обращаться съ ними запросто. Послѣ того я едва ли что-нибудь помнилъ порядкомъ. Во мнѣ оставалось впечатлѣніе, что меня постигло какое-то бѣдствіе; но я чувствовалъ, какъ-будто вѣтерокъ навѣвалъ на меня прохладу и вскорѣ я очутился въ пространномъ Океанѣ, на прекрасно-построенномъ кораблѣ, и мчуся, при свѣжемъ вѣтрѣ, вдоль берега, представляющаго великолѣпные и прелестные виды; наконецъ корабль плавно вошелъ въ незнакомую мнѣ

пристань, на берегу которой толпилось несмѣтное множество народа съ довольными лицами, съ веселыми кликами. Я возвратился изъ продолжительнаго путешествія, но не могъ доказать, *гдѣ* я былъ: я почувствовалъ голодъ и усталость и теперь впервые узналъ своихъ домашнихъ, пролежавъ въ жестокомъ бреду болѣе двухъ недѣль и находясь послѣдніе три дня въ состояніи столь совершеннаго безчувствія, что мои враги и пріятели ежеминутно ожидали моей смерти»

Кто вникнетъ въ явленія, производимыя разными и противоположными состояніями мозга въ этихъ двухъ поучительныхъ случаяхъ, — въ одно, причиняемое силою физическаго дѣятеля, другое, возникающее подъ вліяніемъ болѣзни; тому не трудно будетъ понять происхожденіе призраковъ, съ сознаніемъ ли, что они просто обольщенія, или съ временною, либо и постоянною увѣренностію, что они дѣйствительныя существа, внѣшними ли порождаемыя причинами, или внутренними, либо же тѣми и другими.

Николаи, извѣстный Берлинскій Библіографъ и Академикъ, въ совершенно здравомъ состояніи души боролся почти два мѣсяца постоянно съ видѣніями человѣческихъ и другихъ фигуръ, которыхъ слышалъ даже голоса, не вѣря, однакожъ, нисколько въ дѣйствительное существованіе этихъ грезъ наяву. Однажды онъ, встревоженный, вдругъ увидѣлъ поутру, шагахъ въ 10, фигуру покойника; она носилась передъ нимъ минутъ съ 8; въ 4 часа по полудни явилась снова. Онъ былъ одинъ, когда это случилось, но и въ женпной комнатѣ, куда онъ въ безпокойствѣ отправился, былъ преслѣдуемъ призракомъ, который, однакожъ, по временамъ исчезалъ и вездѣ представлялся въ странномъ положеніи. Подъ-вечеръ появилось и еще нѣсколько ходячихъ фигуръ, непмѣвшихъ связи съ первою. На другой день покойникъ уже не показывался; его мѣсто заступили другіе призраки, иногда знакомые, но по большей части незнакомые. Тѣ, которыхъ Николаи зналъ, состояли изъ живыхъ и умершихъ, но число послѣднихъ сравнительно было меньшее. Онъ замѣчалъ, что лица, съ которыми онъ обращался и бесѣдовалъ каждый день, не являлись въ видѣ призраковъ, представляемыхъ преимущественно лицами, жившими въ извѣстномъ отъ него разстояніи.

Эти призраки казались равно явственными во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ; казались и когда онъ былъ одинъ и когда былъ съ компаніей, и днемъ и ночью и въ своемъ собственномъ

домѣ и въ гостяхъ; впрочемъ, они рѣже посѣщали его, когда онъ былъ въ домѣ пріятеля и рѣдко встрѣчались ему на улицѣ. Когда онъ смежалъ глаза, эти призраки иногда совершенно исчезали, хотя были случаи, что онъ видѣлъ ихъ и зажмурясь; но когда они исчезали при этихъ случаяхъ, то сплошь возвращались, когда онъ открывалъ глаза. Онъ иногда разговаривалъ съ своимъ врачемъ и своею женою о привидѣніяхъ, окружавшихъ его въ ту пору; они чаще являлись въ движеніи, чѣмъ въ покоѣ, да и не были постоянно присутствовавшими. Они часто не приходили на нѣсколько времени, но всегда показывались снова на долго, или не надолго, по одиначкѣ или обыкновенно съ компаніей. Онъ вообще видѣлъ человѣческіе лики обоего пола, которые, однакожъ, нисколько не замѣчали другъ друга, и толпились, какъ на ярмаркѣ; по временамъ, однакожъ, казалось, будто они улаживали какія-то дѣла между собою. Онъ видѣлъ въ иную пору также вершниковъ, собакъ и птицъ. Всѣ эти призраки представлялись ему въ естественномъ ростѣ и такъже явственно, какъ живые, — съ разными оттѣнками естественнаго цвѣта кожи на непокровенныхъ частяхъ тѣла, равно какъ и съ разными цвѣтами и покроями одеждъ, хотя тѣ цвѣта казались нѣсколько блѣдпѣе, чѣмъ въ существенности. Ни одна изъ фигуръ не казалась особенно страшною, смѣшною или отвратительною; большая ихъ часть не имѣла никакого характера, а нѣкоторыя были даже и пріятной наружности.

Чѣмъ долѣе привидѣнія продолжали посѣщать его, тѣмъ чаще возвращались, тогда-какъ они въ тоже самое время возросли въ числѣ около четырехъ недѣль послѣ того, какъ появились въ первый разъ. Онъ также начиналъ и слышать ихъ разговоры; они иногда бесѣдовали между собою, но чаще обращали свои разговоры къ нему: рѣчи ихъ обыкновенно были кратки и отнюдь не вздорны. По временамъ являлись ему дорогіе и чувствительные друзья обоего пола, которыхъ слова имѣли цѣлію утолить горесть его, не совсѣмъ еще миновавшуюся; это дѣлалось вообще тогда, когда онъ сидѣлъ одинъ дома. Однакожъ, онъ иногда получалъ привѣтствія отъ этихъ друзей-утѣшителей и тогда, когда былъ съ компаніей, а нерѣдко и тогда, когда дѣйствительныя лица разговаривали съ нимъ.

О врожденныхъ свойствахъ своей души Николаи отзывается вотъ какъ! Воображеніе мое съ *отмѣнною легкостію разрисовываетъ живо-предметы.* Я, напримѣръ, начерталъ въ умѣ множество пла-

новъ для повѣстей и драмъ, хотя весьма немногіе изъ нихъ перенесъ на бумагу, потому-что менѣе заботился объ исполненіи, нежели объ изобрѣтеніи. Я вообще приводилъ эти очерки въ порядокъ, когда, въ веселомъ расположеніи духа, бродилъ по уединеннымъ тропинкамъ или катался въ колясочкѣ и могъ находить занятіе только въ самомъ себѣ и въ своемъ воображеніи. Постоянно, и даже теперь, разныя лица, которыя въ моемъ умѣ составляютъ основу пьесы, *представляются мнѣ въ самомъ живомъ и явственномъ образѣ; ихъ фигура, ихъ черты, пріемы, одѣяніе, ихъ тѣлосложеніе — все это видимо для* внутренняго моего ока. Доколѣ я пересматриваю свой опредѣленный уже планъ и потомъ привожу его въ дѣйствіе, даже если меня прерываютъ и если мнѣ должно начинать его снова въ разныя времена, всѣ дѣйствующія лица *продолжаютъ представляться въ той же самой формѣ*, въ какой воображеніе мое создало ихъ съ перваго раза. Я часто нахожусь въ состояніи среднемъ между сномъ и бдѣніемъ, гдѣ множество всякихъ картинъ, часто самыхъ странныхъ, показывается, измѣняется и изчезаетъ. Въ 1778 году я былъ постигнутъ желчною лихорадкой, которая по временамъ усиливалась до того, что причиняла бредъ. Каждый день, подъ вечеръ, лихорадка дѣлала приступы, и если мнѣ случалось на ту пору закрывать глаза, я могъ усматривать, что холодный припадокъ лихорадки начинался, — даже прежде, чѣмъ замѣчалось чувствованіе озноба. Это я зналъ по явственности разноцвѣтныхъ картинъ, показывавшихся менѣе, чѣмъ въ половину естественнаго ихъ роста, и то были ландшафты, состоявшіе изъ деревьевъ, утесовъ и другихъ предметовъ. Когда я зажмуривался, то ежеминутно послѣдовала какая-нибудь перемѣна въ представленіи. Однѣ фигуры изчезали, другія появлялись. Но если я открывалъ глаза, то куда все дѣвалось? Если я опять закрывалъ глаза, то предо мною рисовались разные сельскіе виды. Въ холодныхъ припадкахъ лихорадки я иногда открывалъ и смежалъ глаза каждую секунду для видовъ наблюденія, и всегда являлись мнѣ разныя картины, неимѣвшія ни малѣйшаго сходства съ прежними. Онѣ представлялись безпрерывно, доколѣ продолжался холодный припадокъ лихорадки; дѣлались томнѣе, какъ скоро я начиналъ согрѣваться, и когда чувствовалъ, что мнѣ совершенно тепло, онѣ всѣ разлетались. Когда холодный припадокъ лихорадки совершенно миновался, картинъ уже не было; но если на слѣдующій день я опять могъ съ

закрытыми глазами видѣть картины, то это былъ вѣрный знакъ, что холодный припадокъ лихорадки рѣшительно наступаетъ.»

Это достопримѣчательный примѣръ призрачныхъ обольщеній, очевидно проистекающихъ отъ физической причины, въ душѣ умнаго человѣка, который способенъ былъ относить обольщенія къ дѣйствительному ихъ источнику и потому сохранить сознаніе истинной ихъ природы. Совсѣмъ иначе было съ Джономъ Бьюмонтомъ, который, страдая ипохондріей, видѣлъ сотни мнимыхъ мужчинъ и женщинъ около себя и который въ дѣйствительное ихъ существованіе твердо вѣрилъ, потому-что они безотлучно находились при немъ, что называли другъ друга по имени, что *лежали* съ нимъ въ постелѣ, грозя, однакожъ, убить его, если онъ будетъ спать, что онъ не могъ отогнать ихъ ни молитвою, ни крестомъ, и что они сатанинскими своими проказами подъ-конецъ его измучили.

Но, если одни умы отличаются необыкновеннымъ стремленіемъ къ созданію живописныхъ образовъ всякой, занимательной для нихъ, вещи; то другіе имѣютъ такое же самое стремленіе къ живому обновленію минувшихъ впечатлѣній. Помню, говоритъ докторъ Ферiаръ, что, если я, будучи 14-лѣтнимъ отрокомъ, видѣлъ какой-либо интересный предметъ днемъ, *напр.* романическую развалину, прекрасное мѣстоположеніе или смотръ войскъ то, въ сумерки, при входѣ въ тем ную комнату, вся сцена разверты валась у меня предъ глазами так же ясно, какъ и при дневномъ свѣ тѣ, оставаясь видимою въ продол женіе нѣсколькихъ минутъ. Я н сомнѣваюсь, что страшные образ часто представлялись уму точн такъ же послѣ сценъ домашняг огорченія, либо народныхъ бѣдствій Извѣстныя состоянія тѣла и из вѣстныя потрясенія души рѣши тельно предрасполагаютъ къ жи вому возобновленію преждебывших впечатлѣній, хотя бы эти впечат лѣнія были подущены и хотя бы были такого или иного свойства потому-что непосредственно воз буждающею причиною возобнов ленія часто бываетъ какой-либо внѣшній предметъ, дѣйствующій на чувства или воображеніе при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ обольщенію. Самое большее число призраковъ, производимыхъ *напр.* фонаремъ, лунными лучами и т. п. относится къ этой же категоріи.

Особенное предрасположеніе, тѣлесное ли или душевное, не только глубоко замѣшивается въ произведеніе общаго стремленія къ созданію этихъ призраковъ, но часто опредѣляетъ даже и отличительный характеръ, принимаемый каждымъ

изъ нихъ. Какъ предрасположеніе измѣняется во всякомъ человѣкѣ, то одна и таже болѣзненная причина можетъ вызывать образы самые разновидные. Вдыханіе селитряной окиси обыкновенно возбуждаетъ живые, милые образы, сопровождаемые пріятными ощущеніями; но въ иныхъ случаяхъ оно представляетъ воображенію страшныя картины и производитъ въ организмѣ мучительныя дѣйствія; и потому какова бы сама ни была болѣзненная причина, порождающая призрачныя обольщенія, она можетъ въ одномъ возбуждать льстивыя и усладительныя, а въ другомъ зловѣщія видѣнія. Одна дѣвица увидѣла, около двухъ часовъ по полупочи, явленіе малорослой женщины между пологомъ и взголовьемъ, которая ей сказала, что она (покойная) мать ея, что она счастлива и что въ двѣнадцать часовъ сегодня будетъ у ней. За-тѣмъ дочь кликнула горничную, спросила своего платья, и одѣвшись, пошла въ свой кабинетъ, откуда вышла не ранѣе, какъ въ девять часовъ, неся съ собою запечатанное письмо къ отцу; подала его своей теткѣ, сказала ей, что случилось и желала, чтобы, какъ скоро она умретъ, письмо было отослано по адресу. Она послала за священникомъ, и по окончаніи съ нимъ молитвъ, взяла гитару и псалтырь, положенную на ноты, сѣла на стулъ и играла и пѣла удивительно мило. Въ 12 почти часовъ, она встала, пересѣла въ большія кресла и глубоко вздохнувъ раза два, испустила духъ. Въ этомъ случаѣ, призрачное обольщеніе въ нѣжномъ тѣлѣ и въ чувствительной душѣ произвело столь сильное впечатлѣніе въ воображеніи, что совершенно разрушило жизнь. Противный этому случай былъ съ удалымъ есауломъ, принимавшимъ посѣщеніе самого Вельзевула, котораго онъ встрѣтилъ съ холоднымъ презрѣніемъ, что вѣрно изумило его сатанинское величество. «Дьяволъ, въ свѣтлую ночь, стоялъ у его кровати. Есаулъ поглядѣлъ на него нѣсколько секундъ, ожидая, не будетъ ли онъ говорить или дѣлать что-нибудь, и потомъ сказалъ: ну, если тебѣ дѣлать нечего, то у меня есть дѣло и, поворотясь на другой бокъ, заснулъ.

Много упоминается случаевъ, ясно доказывающихъ, что часто бываетъ тѣснѣйшая связь между самымъ обличіемъ, какое принимаютъ привидѣнія и между образами, предварительно занимавшими душу. Одинъ писатель, часто преслѣдуемый страшными призраками, и подъ-конецъ пораженный нѣкоторою связью между этими образами и прежними своими мыслями, утверждаетъ, что онъ дѣлалъ опытъ, не могъ ли онъ, вперяя свое вни-

маніе на другіе предметы, замѣстить ими докучливые призраки, что на сей конецъ онъ, когда мелькали предъ нимъ лики, размышлялъ о ландшафтахъ и великолѣпныхъ зданіяхъ; что, вслѣдствіе того, послѣ довольно долгаго времени, открывалась предъ нимъ сельская сцена холмовъ, долинъ и полей, безпрерывно смѣнявшаяся все другими, все новыми видами; что способъ и время особеннаго ихъ появленія, длительности и изчезновенія не различались чувствительно отъ способа и времени, какъ появлялись, сколько длились и когда изчезали самые лики; что сцены были непоразительныя, что чрезъ нѣсколько времени, фигуры совершенно измѣнялись и состояли изъ книгъ, пергаментовъ или бумагъ, содержащихъ въ себѣ печатныя вещи. Писатель прибавляетъ: «теперь я такъ удостовѣрился въ связи мысли съ этими явленіями, что при вперепіп моего вниманія въ рукописное, вмѣсто печатнаго, бумаги, чрезъ нѣсколько времени, являлись только съ рукописью, а потомъ, тѣмъ же самымъ процессомъ, вмѣсто того, чтобы стоять прямо, онѣ всѣ были опрокинуты. Умный Николаи не видалъ ничего, кромѣ мужчинъ и женщинъ, въ естественномъ ихъ видѣ, ничего кромѣ лошадей, собакъ и птицъ. Обольщенія суевѣрныхъ умовъ состоятъ изъ демоновъ, принимающихъ на себя всякія фантастическія обличія. *Ремигіи*, бывшій коммисаромъ для пытки вѣдьмъ въ Лотарингіи и хваставшійся тѣмъ, что въ продолженіе пятнадцати лѣтъ онъ осудилъ девять сотъ преступницъ *на колъ*, обращалъ особенное вниманіе на форму, черты лица и на одѣяніе демоновъ; но то, что онъ объ нихъ говоритъ, ясно показываетъ, что они не различались отъ грубыхъ изваяній и картинъ среднихъ вѣковъ, и что образы были присущи только несчастнымъ, мучимымъ обманами, за которые они претерпѣвали смерть. Сказываютъ, что у демоновъ лице черное, глаза впалые, но огненные, ротъ большой, изъ котораго пашетъ сѣрой, руки мохнатыя, съ когтями, ноги — раздвоенныя копыта. Бѣсъ являлся сидящимъ на огненной колесницѣ, или на адскомъ драконѣ, съ ехидною въ правой рукѣ, или на огромномъ волкѣ, или являлся съ львиною, либо вороньею головою, съ гусиными лапами, съ лошадинымъ хвостомъ, и т. п. Съ этими таинственными и страшными образами коротко были ознакомлены не только умы народа, но и самыя ихъ чувства. Ихъ изваянія видны были на стѣнахъ храмовъ и панеляхъ домовъ; ими населены были воздухъ, земля и воды.

Удивительно ли, что эти отвра-

тительные призраки производили неизгладимое впечатлѣніе въ слабыхъ и невѣжественныхъ душахъ, простирая свое вліяніе даже на крѣпкіе и образованные умы, которыхъ лучшія убѣжденія не всегда могли противоборствовать силѣ народнаго повѣрья! Удивительно ли, что, тогда, когда тѣлесная болѣзнь неестественнымъ, чрезвычайнымъ образомъ напрягала чувствованія и мысли, или когда живость мыслей усиливалась до того, что одолѣвала дѣйствительныя впечатлѣнія, эти призраки видимы были въ уединеніи и слышимы въ буряхъ; — плясали предъ глазами и шептали въ ухо, принимали грозную мину въ грезахъ виновнаго и являлись съ улыбкою въ видѣніяхъ невиннаго; были для безумца всѣмъ тѣмъ, что существовало, а для горячечнаго и умирающаго всѣмъ тѣмъ, чего они наиболѣе надѣялись или страшились.

Что касается до мертвецевъ, то извѣстно, что они являются въ томъ же самомъ одѣяніи, какое носили въ живыхъ; правда, они иногда закутываются и въ бѣлые савапы, но это преимущественно духи кладбищенскіе, которые не имѣютъ никакого особеннаго занятія, а, повидимому, являются для общаго блага, или для того, чтобы страхомъ отгонять пьяную сволочь отъ своихъ могилъ, еслибы она затѣвала на нихъ прыгать, валяться, кувыркаться. Выходцы съ того свѣта обыкновенно блѣдны, и часто принимаютъ на себя пасмурный видъ, потому-что призрачная идея колорита не совершенно силою и напряженіемъ равняется живости непосредственнаго чувствованія. Призраки, которые видѣлъ Николаи, были всегда блѣднѣе дѣйствительныхъ существъ, и по мѣрѣ того, какъ они начинали малѣть и удаляться, цвѣтъ ихъ становился все тоньше, а подъ-конецъ они казались ему совершенно уже бѣлыми.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что способъ, какъ эти видѣнія исчезли предъ свѣтомъ познанія въ Европѣ, служитъ блестящимъ поясненіемъ тѣхъ благословеній, которыя исходятъ къ самому низшему, даже, классу народа отъ распространенія здравыхъ началъ философіи. Могучіе и своенравные духи, наполнявшіе небо, землю и воды, значительно увеличили сумму человѣческихъ страданій. Они вообще были видомъ гнусны и въ своихъ умыслахъ коварны; добрыхъ насчитывалось не много, злыхъ несмѣтное множество; и хотя они, какъ существа воздушныя и несложныя, могли являться въ любыхъ видахъ, въ растяженныхъ и сжатыхъ, въ свѣтлыхъ и темныхъ; однакожъ они принимали на себя формы воспрещенныя и посѣщенія ихъ гораздо чаще сопрово-

ждались тлетворными бореями изъ ада, нежели живительными зефирами съ неба. Они причиняли сильныя потрясенія, большею частію мучительныя и гибельныя. Они доставляли матеріялы для вымысловъ Поэта и для кисти Живописца; но картины одного и другаго отличались нескладицей и безобразіемъ, а не изяществомъ и граціей. Посѣщая одръ больнаго, привидѣнія часто въ разслабленной его душѣ свергали разумъ съ его престола, а иногда лишали страдальца и жизни. Невѣжду они смущали ложными страхами и не доставляли никакой замѣны въ однообразіи и силѣ, съ какими посѣщали виновнаго грызеніями совѣсти. Какъ агенты въ распредѣленіи наградъ и наказаній, они по большей части были несправедливы. Если они являлись мстителями, то это было не за учиненіе злодѣйства, а за упущеніе точности въ мелочахъ; а если они, какъ ангелы-хранители, носились вокругъ изголовья умирающаго, то не были вѣстниками зла нечестивому и вѣстниками милостей доброму; но эти «благословенныя воинства, съ лучезарными ликами, — эти воинства, носящія вѣнки и обѣщающія вѣчное блаженство, были столько же расположены возносить на небо душу грѣшника, какъ и душу праведника. Занимая умъ предубѣжденіями, они отвлекали вниманіе отъ наблюденія природы и лишали его и силы и расположенія къ открытію вѣрнаго ключа къ тѣмъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ явленіямъ, которыя не могли оставаться совершенно незамѣченными, и въ этомъ-то кроется зловредный характеръ ихъ вліянія. Они дѣлали душу неспособною къ усмотрѣнію истины, наклоняли ее къ принятію грубѣйшихъ обаяній легковѣрія и приготовляли къ допущенію самыхъ ложныхъ источниковъ бѣдствія и страданій. Въ рукахъ кудесниковъ и тиранновъ они были довольно могучи, чтобы обманывать и порабощать, исправляя свое дѣло съ отличною точностію. Душа человѣческая хочетъ предвосхищать будущее, и должна размышлять о прошедшемъ. Тамъ будетъ всегда чего бояться, здѣсь будетъ о чемъ жалѣть, безъ подстреканій вымышленнаго страха, безъ вмѣненія мнимой вины. Доколѣ человѣкъ можетъ претерпѣвать и подверженъ смерти, душа будетъ взыскивать все то, что можетъ только излить въ нее свѣтлая философія, чтобы предохранить ее отъ заблужденій, и все то, что религія можетъ доставить утѣшительнаго, чтобы спасти ее отъ бѣды, или отъ отчаянія. (*Сновидѣнія* и *Видѣнія боговдохновенныхъ мужей* сюда не относятся).

ВИНА проистекаетъ изъ нравственныхъ проступковъ. Это не иное что, какъ внутреннее отношеніе нашихъ дѣяній къ закону разума, который подобныя дѣянія возбраняетъ потому именно, что они противны разуму, слѣд. безнравственны, слѣд. злы. Посему она и есть только *вина внутренняя*, — нѣчто исключительно прирожденное, такъ сказать, къ лицу, которое поступило безнравственно или учинило зло и тѣмъ навлекло на себя вину. Вотъ почему она не можетъ переносима быть отъ одного на другаго, не можетъ быть однимъ за другаго уплачена! Мы можемъ только сами заглаживать ее, исправляя свои помыслы и свое поведеніе, слѣд. переставая грѣшить. Но какъ нравственные проступки могутъ быть и нарушеніями правъ, то законовѣдцы принимаютъ слово «вина» еще и въ особенномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, противополагая ее злому умыслу. Ибо, если кто-либо, хотя въ здравомъ разсудкѣ и въ состояніи свободнаго самоначинанія, но безъ дѣйствительнаго сознанія учиняемой имъ несправедливости (неумышленно) предпринимаетъ дѣяніе, ведущее къ обидѣ, то онъ подлежитъ наказанію за Вину. Какъ въ виновномъ нарушеніи права даны необходимыя условія дѣянія (разсудокъ и возможность самоначинанія), то виновнику обиды, какъ произведеніе *его дѣянія*, можетъ безъ сомнѣнія быть вмѣнена и онъ можетъ за то быть наказываемъ (*можетъ*, но не сплошь долженъ, такъ, какъ весьма малая оплошность, гдѣ послѣдствіе почти болѣе заключалось въ случаѣ, нежели въ дѣяніи, является только въ видѣ полицейскаго проступка). Совсѣмъ иное дѣло при совершенной невозможности сознавать свое дѣяніе или свободно приступать къ нему; тутъ можетъ быть рѣчь развѣ о наказаніи только полицейскомъ, слѣд. легкомъ, потому-что въ проступкѣ не заключается непризнаніе правъ другаго, какъ въ зломъ умыслѣ: только послѣдствіе дѣянія въ виновной обидѣ противорѣчитъ закону права, а не душа поступка, т. е. воля, не весь человѣкъ.

Какъ виновность можетъ быть бо́льшая или меньшая, то различаютъ три главныя ея степени подъ названіями *тяжкой*, *легкой* и *самой легкой*, принимая вслѣдствіе этого различія и три рода виновныхъ обидъ, смотря потому, имѣла ли при нихъ мѣсто *грубая*, либо *умѣренная*, посредственная, либо *небольшая* ошибка, или, что все равно, смотря потому, *вовсе ли* виновникъ не вникалъ въ свойство и въ возможныя послѣдствія своего поступка, или допустилъ вкрасться недостатку вниманія только *обыкновеннаго*, либо даже только *обы-*

чайнаго. Одна изъ этихъ трехъ оплошностей «грѣхъ, да бѣда живетъ» и на осторожномъ, трезвенномъ человѣкѣ; другую встрѣчаемъ только у вѣтрениковъ, третья предполагаетъ грубѣйшее легкомысліе. Такимъ образомъ тотъ, кто въ шутку заряженнымъ ружьемъ прицѣливался бы въ кого-нибудь и невзначай застрѣлилъ бы его, навлекъ бы на себя тяжкую вину; напротивъ болѣе легкую тотъ, кто только вообще тѣмъ оружіемъ дѣйствовалъ бы неосторожно въ присутствіи другихъ лицъ, не имѣя, впрочемъ, ни кого въ предметѣ; наконецъ, весьма легкую тотъ, кто ружье повѣсилъ, или положилъ не на надлежащемъ мѣстѣ, такъ-что оно попало въ руки дитяти, которое причинило имъ вредъ. — Но какъ неопредѣлительны сами уже по себѣ всѣ эти разграниченія понятій! Еще же неопредѣлительнѣе должны они становиться въ приложеніи, отъ образа мыслей, свойственнаго каждому судьѣ. Лучше и точнѣе мѣрило слѣдующее: грубая оплошность усматривается тамъ, гдѣ въ одномъ дѣяніи уже виновника заключалось достаточное основаніе къ произведенію послѣдствія, противнаго праву; — если надлежало содѣйствовать въ произведеніи послѣдствія еще и внѣшнимъ обстоятельствамъ, о которыхъ виновникъ *не зналъ*, то оплошность небольшая; если дѣяніе, совершаемое кѣмъ либо, само уже по себѣ несправедливо, то новую несправедливость, проистекающую изъ поступка, должно вмѣнять ему въ грубую оплошность (что, конечно, не всегда бываетъ): если дѣяніе само по себѣ позволительно; то оплошность есть только небольшая, (но ужъ, конечно, не тогда, когда она единственная причина дѣянія): если обстоятельства, при которыхъ кто-либо дѣйствовалъ, настоятельно требовали размышленія о возможныхъ послѣдствіяхъ его поступка, то оплошность тутъ грубая; еслиже подобнаго требованія въ обстоятельствахъ не заключалось, — малая. Но и эти точныя разграниченія понятій — какъ мало они истощаютъ всѣ удобовообразимые случаи! Какъ много вездѣ значитъ личность преступника! Какія безконечныя постепенности можно опять представить себѣ при двухъ различимыхъ случаяхъ — отъ грубой вины до легкой, а отъ легкой до невинности! Посему законодатель поступаетъ несообразно съ цѣлію, если тутъ хочетъ туго связать судьямъ руки: пускай онъ ничего не постановляетъ, какъ развѣ вообще Махітит для наказанія грубой вины (но отнюдь не слишкомъ низко: ибо смягчать въ отдѣльномъ случаѣ, смотря по положенію вещей, можно всегда; но ни

судья, ни законодатель не должны преступать это maximum); все прочее, именно прилагать всякій разъ наказанія отъ maximum до нуля — это пускай онъ предоставитъ приговору судей. Если законодатель считаетъ суды слишкомъ строгими, то не всегда ли открытъ путь помилованія?

Наконецъ замѣтимъ, что тотъ, кто подвергается наказанію, *потому-что* не предвидѣлъ, учиненной имъ, несправедливости, долженствовалъ быть въ состояніи ее предвидѣть; если же послѣдствіе, противное закону права, превышало всякіе расчеты человѣческіе, то ни о какомъ уже наказаніи не можетъ быть рѣчи.

ВИНО (отъ греч. *οἶνον* или лат. vinum) хотя не составляетъ прямаго предмета философіи; однакожъ, какъ многіе Моралисты, Законодатели и Основатели вѣроисповѣданій отнюдь запрещали употребленіе вина; то возникаетъ философскій вопросъ: что думать о такомъ запрещеніи? И тутъ естественный отвѣтъ тотъ, что оно, какъ безусловное или категорическое запрещеніе отметается, а какъ относительное или условное допускается. Мораль можетъ только сказать: *если* ты испыталъ, что вино вредитъ тебѣ физически, подрывая твое здоровье, или нравственно — прельщая тебя къ злу: *то* тебѣ вина пить не должно. Изъ этого слѣдуетъ тутъ само собою, что много можетъ быть людей, которымъ должно воздерживаться отъ вина, но что это запрещеніе не можетъ простираться на всѣхъ. Слѣд. вкушеніе вина, какъ дара Божія, оживляющаго нашу чувствительность, воображеніе, остроуміе и располагающаго къ словоохотству, къ веселонравію, къ симпатіи, къ дружелюбію, должно вообще считать позволеннымъ. Но главная и всеобщая заповѣдь гласитъ: будь въ употребленіи вина такъ же точно умѣренъ, какъ и во всякомъ другомъ чувственномъ наслажденіи. Мораль не можетъ отнюдь запрещать и самой, даже, водки, если не хочетъ подпасть подозрѣнію въ аскетической строгости, которое не возвышаетъ авторитета ея предписаній, а роняетъ. Она даже дѣлается нелѣпою, когда, подобно магометанской морали, въ отношеніи къ вину весьма грозна, а относительно къ наслажденіямъ половымъ чрезъ-чуръ уже снисходительна. Отъ того-то и происходитъ, что Турки въ томъ первомъ отношеніи стараются вознаградить себя пріятными оглушеніями, гораздо болѣе опаснаго опіума, либо же — на зло запрещенію — пьютъ-таки вино — украдкой.

ВИНОСЛОВНОСТЬ, *Винословная связь* (Causalitas, nexus causa-

lis). Для возможности опытнаго познанія не только должны послѣдовать впечатлѣнія въ нашихъ чувствахъ, но намъ должно еще эти впечатлѣнія и связывать. Но для всякой связи потребно дѣйствіе ума; она есть заключеніе, которымъ предполагается всеобщее объективное правило. Въ познаніи предметовъ пускай и представленія не только будутъ сцѣплены въ нашемъ воображеніи, но пускай опредѣлено будетъ и то, какимъ образомъ сцѣплены самые предметы. Слѣд. предметамъ должно самую связь субъективную опредѣлять и дѣлать необходимою. Чтожъ такое въ предметѣ принуждаетъ нашу познавательную способность необходимо связывать, какъ не всеобщее правило, или объективное основаніе связи? Но для смысла одинъ только возможенъ способъ, какимъ разныя дѣйствительныя вещи могутъ быть представляемы въ сцѣпленіи между собою, и этотъ способъ есть тотъ, что онѣ мыслію нашею поставляются въ отношеніе причины и дѣйствія. Слѣд. это отношеніе должно имѣть и точно свое основаніе въ предметахъ, и все, что бываетъ, должно имѣть причину, или, другими словами, всякому явленію въ природѣ вещей и во внутреннемъ нашемъ бытѣ должно предшествовать другое, которое дѣлаетъ его существованіе возможнымъ. Но причина называется *реальнымъ основаніемъ* и различается отъ *основанія* только *логическаго* или *идеальнаго*. То законъ для существенныхъ, положительныхъ познаній, это для механисма мыслей. — Не смотря на то, нѣкоторые философы не хотѣли признавать это различіе, полагая, что извѣстныя вещи, которыя мы часто усматриваемъ въ совмѣстномъ или преемственномъ ихъ бытіи, только *представляются* нами въ отношеніи причины и дѣйствія другъ къ другу, тогда-какъ между ими самими подобнаго отношенія не существуетъ. Они говорятъ, что причина и, соотвѣтствующее ей, произведеніе, есть понятіе, которое образовалось отъ *привычки* и употребляется нашею логикой для сближенія нѣкоторыхъ представленій. Изъ древнихъ Скептиковъ такъ думалъ *Энезидемъ*, изъ новѣйшихъ *Гюмъ*. Но внутреннее принужденіе, съ какимъ всякое сознаніе человѣческое предполагаетъ вышесловную связь вещей, даже тамъ, гдѣ мы не можемъ еще прямо указать ее, слѣд. всеобщность и неотразимость понятій о причинѣ и дѣйствіи не дозволяетъ выводить ихъ изъ одной привычки. Отъ привычки можетъ человѣкъ и отстать, можетъ замѣнить ее другою, совершенно противоположенною. Но кто можетъ, *напр.* избыть той мысли, что

молнія раждаетъ громъ, восхожденіе солнца — день, а захожденіе — ночь, или что прободеніе сердца причиняетъ человѣку смерть? Повсемѣстная годность и необходимость понятій причины и дѣйствія свидѣтельствуетъ о возвышенности ихъ характера надъ простою только эмпиріей; она налагаетъ на нихъ печать чистаго, первобытнаго, трансцендентальнаго значенія. Слѣд. относить вещи, составляющія для насъ предметы познанія или въ качествѣ явленій вступающія въ кругъ наблюденій нашихъ, — относить другъ къ кругу такъ, чтобы одна опредѣляла другую касательно ея происхожденія и бытія и потому предполагать предметную связь между ими, по которой за тѣмъ направляется и самолична связь нашихъ объ нихъ представленій, именно въ условныхъ сужденіяхъ нашихъ — это мы должны считать *закономъ самой познавательной нашей способности.* Выразивъ сказанный законъ въ опредѣленной формулѣ, получимъ положеніе: все, происходящее или случающееся, есть произведеніе и указываетъ на что-то другое, чрезъ которое необходимо послѣдуетъ, или короче: въ природѣ ничто не бываетъ безъ причины. Его можно назвать и *началомъ зависимости,* потому-что, именно всякое явленіе, какъ дѣйствіе, опредѣляется извѣстною причиною. Мы всегда и судимъ и поступаемъ по этому закону, вслѣдствіе уже первоначальнаго устройства умственныхъ силъ нашихъ и чувствуемъ невольное побужденіе, къ отысканію причинъ такихъ явленій, которыя для насъ новы, считая ихъ за дѣйствія, которыхъ причины для насъ еще тайна. Правда, при этихъ изысканіяхъ мы можемъ ошибаться, можемъ принимать и другія причины, а не тѣ, которыя именно дѣйствовали; но заблужденіе здѣсь проистекаетъ не отъ самаго началоположенія, а отъ ложныхъ, необдуманныхъ его примѣненій, отъ опрометчивости нашей, даже отъ игры воображенія, которое можетъ вымышлять причины, небывалыя въ природѣ и ей вовсе чуждыя. Но и въ этихъ вымыслахъ есть толкъ, и въ нихъ проявляется вышесказанный рѣшительный законъ смысла. Посему тотъ, кто полагаетъ, что буря и вьюги вздымаются сильфами, а землетрясенія гномами, судитъ все-таки лучше тѣхъ, которые утверждаютъ, что эти грозныя явленія происходятъ *такъ,* ни *отъ чего.* Такимъ образомъ извѣстное положеніе: *ничто не бываетъ случайно* есть только другое сокращенное выраженіе закона винословности. Вотъ почему понятія причины и дѣйствія должно признавать за чистыя, первоначальныя, коренныя

понятія смысла, за *категоріи* (см. это слово). Чтожъ касается до опредѣленныхъ причинъ и дѣйствій, то они всѣ эмпирическаго рода: ибо только опытъ, образующійся изъ нѣсколькократныхъ и сличенныхъ между собою наблюденій, можетъ намъ показать, что̀ за причины, производящія такое или другое дѣйствіе въ природѣ или въ чувственномъ мірѣ, въ границахъ котораго законъ винословности только и находитъ свое приложеніе.

ВИТІЙСТВО, см. *Краснорѣчіе.*

ВКУСЪ А) въ физіологическомъ значеніи основывается на чувствительности (гортани, неба, даже десенъ и губъ, а особливо языка) къ стихійнымъ качествамъ, которыя заключаются въ пищѣ и либо растворяемы бываютъ во влажномъ органѣ вкуса посредствомъ слюны, либо же размягчаемы, разжёвываемы прежде, чѣмъ поступаютъ къ мѣсту своего назначенія. Главныя различія въ химическихъ чувствованіяхъ суть смаки — кислотные, горькіе, острые, терпкіе, вяжущіе (подвѣдомые болѣе толстымъ и тупымъ сосочкамъ задней части языка) и щелочные — сладкіе, соленые, мягчительные (болѣе подмѣчаемые мелкими и нѣжными сосочками передней оконечности языка).

Вкусъ служитъ для видовъ желудочной системы; она-то поручила подвижному, чувствительному, сторожевому мускулу языка повѣрять и оцѣнивать доброту поступающихъ запасовъ: ибо что ему нравится и льститъ, то, вообще говоря, должно быть и всему тѣлу полезно. Такъ сіе, впрочемъ рабское, чувство выполняетъ вмѣстѣ и предназначеніе высшее. Тонкость его служитъ и другимъ болѣе общимъ, цѣлямъ. Ибо различая быстрѣе и непосредственнѣе всякаго другаго чувства мельчайшія пропорціи въ смѣшеніи составныхъ частей, подсудимаго ему, вещества, онъ вообще способствуетъ глубокому аналитическому изученію природы. Вотъ единственный комплиментъ, какой можно сказать прихотникамъ и гастрономамъ! Вотъ почему вкусъ употребляется въ переносномъ смыслѣ для означенія мѣткости нашихъ сужденій эстетическихъ! Вотъ почему самая мудрость Римлянъ (Sapientia) заимствовала свое значеніе отъ сего именно чувства!

За всѣмъ тѣмъ, сколько бы движенія вкуса ни были живы, тонки, усладительны; сколько бы ни порабощали голоднаго, — они всегда остаются темными, смутными, неопредѣлительными, потому-что содержатъ въ себѣ только простой моментъ пріятства или непріятства; они же и быстротечны, потому-что предметъ въ самомъ уже чувствованіи разлагается и познаніе о немъ можетъ быть повторено только но-

вымъ разрушеніемъ другаго, третьяго и т. д.

Отъ того-то *смаки*, если и оставляютъ по себѣ какіе-либо слѣды (безъ чего нельзябъ было и помнить прежнихъ впечатлѣній во вкусѣ); то оставляютъ неясные образы и представленія въ мозговыхъ органахъ, а только *вѣщія вожделѣнія въ гортани*. Отъ того-то въ нихъ вообще нѣтъ высшаго и свободнаго интереса: ибо зубъ-тиранъ любитъ губить свои жертвы, не дозволяя имъ самостоятельнаго бытія. Замѣтимъ, что сіе чувство раскрывается у высшихъ животныхъ не прежде, какъ тогда, когда прорѣзались уже зубы и когда извѣданы разныя яства, что оно — далѣе — получаетъ многоразличнѣйшія перемѣны съ лѣтами и привычкою, наконецъ, что способъ, какъ оно удовлетворяется, всегда имѣетъ важное вліяніе на образъ жизни, на организацію тѣла и на самое развитіе душевныхъ силъ: ибо аппетитъ нерѣдко пробуждалъ такія потребности, которыя влекли къ изобрѣтеніямъ.

— *Вкусъ* В) въ переносномъ, эстетическомъ, духовномъ смыслѣ есть способность усматривать прекрасное въ искусствахъ, въ природѣ, и въ околичностяхъ нашего, болѣе или менѣе образованнаго быту житейскаго. — Она услаждается одними предметами, отвращается отъ другихъ, а къ иным и совершенно равнодушна. Ее также называютъ то внутреннимъ чувствомъ, то сложнымъ или совокупнымъ дѣйствіемъ наблюденія и разсужденія въ иныхъ случаяхъ, то игрою воображенія въ другихъ.

Для свода и оцѣнки всѣхъ этихъ разныхъ толковъ нужно прежде всего опредѣлить предметы Вкуса. Розовый, синій, зеленый, желтый — все это прекрасные цвѣта, кубъ, волнистая линія, сфера — все это прекрасныя фигуры. Но намъ не кажется, чтобы тотъ имѣлъ хорошій или дурной вкусъ, кто любитъ розовый цвѣтъ болѣе, чѣмъ синій, или сферическую фигуру болѣе, чѣмъ кубическую.

Относительно къ предметамъ внѣшнихъ чувствъ мы такъ устроены отъ природы, что намъ нравятся снѣди, наиболѣе для насъ полезныя и спасительныя, и о такомъ вкусѣ справедливо говорятъ, что онъ здравъ и неиспорченъ. Онъ же отъ-начала уже въ высочайшей степени совершенъ, потому-что независимъ ни отъ какого образованія и не допускаетъ улучшеній. Совсѣмъ иное дѣло вкусъ внутренній. Правда, всѣ превозносятъ изящество, простоту, порядокъ, разнообразіе, умъ въ сочиненіяхъ и въ музыкѣ и всѣ охуждаютъ изысканность, монотонію, неурядицу и ложный блескъ; но гдѣ критикъ вхо-

дитъ въ частности, тамъ это мнимое единомысліе изчезаетъ. Можетъ быть, никто безъ удовольствія не видѣлъ восхода или захода солнечнаго; но на всякую ли душу въ одинаковой степени дѣйствуетъ эта великолѣпная сцена? Прекрасный предметъ, представляющійся глазу, радуетъ душу, и намъ кажется, что чувствованія простолюдина при взглядѣ на восходящее солнце похожи на тѣ, какія онъ испытывалъ бы только отъ сильной теплоты. Въ Поэзіи и Живописи онъ всегда услаждается лишь мелодіей стиха и яркостію колорита, не подозрѣвая красотъ другаго рода.

Посему природа нашего вкуса вообще опредѣляется характеромъ нашего воображенія и здравіемъ нашего разсудка. Простое усмотрѣніе предмета недостаточно къ тому, чтобы возбуждать отрадныя ощущенія, развѣ оно сопровождается сказанными дѣйствіями души. Такимъ образомъ, если мы ощущаемъ красоту или величіе картинъ въ природѣ, мы сознаемъ множество такихъ образовъ въ нашей душѣ, которые весьма различны отъ другихъ, представляемыхъ глазу самыми предметами.

Если состояніе души таково, что оно упреждаетъ или стѣсняетъ эту свободу воображенія, то живительныя потрясенія не замѣчаются. Гдѣ красоты искусствъ или природы поражаютъ внутреннія чувства, тамъ онѣ одинаково дѣйствуютъ на всякаго, кто только этими чувствами владѣетъ. Но въ человѣкѣ разстроенномъ та же самая сцена отнюдь не произведетъ того восторга, какой она произвела бы въ другую пору.

Есть предметы вкуса, которые не оказываютъ полнаго своего дѣйствія на воображеніе иначе, какъ при посредствѣ разсудка. Красота Геркулеса Фарнезскаго есть одинъ родъ красоты, бойца во дворцѣ *Киги* — другой, а Аполлона Бельведерскаго — третій. Каждая изъ этихъ фигуръ признана совершенною въ своемъ родѣ; но высочайшаго совершенства человѣческой фигуры ищите лишь въ той формѣ, которая можетъ снята быть со всѣхъ ихъ и которая участвовала бы въ дѣятельности бойца, въ деликатности Аполлона, въ мышечной крѣпости Геркулеса. Въ этомъ отношеніи совершенство подобныхъ статуй состоитъ въ чемъ-то такомъ, что будучи усматриваемо глазомъ, относимо бываетъ мыслію къ тому, что̀ мы знаемъ о характерѣ Геркулеса, Аполлона, бойца, и что, по нашему предположенію, ваятели намѣрены были выразить. Есть и опять предметы, которые тоже подлежатъ суду вкуса, но которые весьма мало трогаютъ воображеніе; таковы книги по части отвлеченной

науки, писанная школьнымъ и сухимъ слогомъ строгой логики.

Если таковы удовольствія вкуса, то способность эта не можетъ разсматриваема быть какъ чисто внутреннее чувство, потому-что для ея наслажденій, въ иныхъ случаяхъ, нужна богатая фантазія, во всѣхъ же прочихъ требуется умъ; и Поэты и Живописцы, которые желали бы отличиться каждый въ своемъ родѣ, не должны довольствоваться тѣмъ, чтобы одному тѣшить слухъ читателя сладкими звуками, а другому ослѣплять или обольщать глазъ блескомъ красокъ; оба они должны стремиться къ той же самой цѣли, уловляя воображеніе, тогда, какъ Зодчій, домогающійся той же самой знаменитости, долженъ дѣлать свои украшенія очевидными и доступными всякому, кто только судить способенъ. Ландшафты Клодъ-де-Лорреня, музыка Моцарта, Поэмы Мильтона возбуждаютъ слабыя ощущенія въ нашихъ душахъ, когда вниманіе приковывается къ такимъ качествамъ, какія онѣ представляютъ нашимъ чувствамъ или къ такимъ сторонамъ въ ихъ составѣ, отъ которыхъ отвращаются наши взоры. Мы тогда только чувствуемъ величіе или красоту ихъ произведеній, когда наше воображеніе сильно заинтересовано, когда мы теряемся во множествѣ образовъ, толпящихся въ душѣ и наконецъ, когда пробуждаемся отъ этой игры фантазіи, какъ отъ обаяній романтической дремоты.

Вкусъ иные величаютъ *входновеніемъ* или *даромъ небеснымъ*. Правда, такая похвала можетъ возбудить вниманіе молодаго литератора или художника, можетъ поселить въ немъ желаніе получить этотъ даръ; однакожъ онъ, по всей вѣроятности, скорѣе будетъ отвращенъ отъ своего предмета, чѣмъ поощренъ къ нему. Онъ испытываетъ собственную душу и совсѣмъ не усматриваетъ въ ней слѣдовъ этого божественнаго вдохновенія, которымъ, какъ сказываютъ, облагодатствованы были многіе другіе. Онъ никогда не путешествовалъ на небеса для собранія новыхъ идей и не находитъ себя въ обладаніи никакими другими качествами, кромѣ такихъ, какія простое наблюденіе и здравый смыслъ сообщить способны. Такъ онъ дѣлается мрачнымъ и теряетъ всякую надежду преслѣдовать предметъ, который предполагаетъ недостижимымъ для усилій человѣческихъ. Но въ этомъ пунктѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, мы должны различать, сколько намъ слѣдуетъ поставить на счетъ энтузіасма, и сколько на счетъ общаго чувства, не дозволяя пошлымъ возгласамъ удивленія колебать твердость и истину того

начала, по которому мы только и разсуждать можемъ. Человѣкъ съ обыкновенною наблюдательностію, человѣкъ съ чувствительнымъ сердцемъ, съ раздражительнымъ воображеніемъ можетъ и безъ вдохновенія пріобрѣтать тонкій вкусъ въ предметахъ, о которыхъ домогается быть судіею.

Послѣ этого не трудно будетъ изъяснить разнообразіе вкусовъ, господствующее не только у отдѣльныхъ лицъ, но и у цѣлыхъ народовъ, *напр.* касательно женской красоты, гдѣ одинъ вкусъ также отчетливъ и вѣренъ, какъ и другой. Женская красота не заключается въ чисто наружной формѣ, и въ цвѣтѣ лица, по себѣ разсматриваемыхъ, но мы *соображаемъ* наружную красоту съ непзъяснимомилыми взглядами, движеніями, пріемами, рѣчами, которыя такъ свойственны одному полу и такъ привлекательны для другаго. Это-то *соображеніе* услаждаетъ человѣка со вкусомъ, облагороживая вожделѣніе или побужденіе, по себѣ грубое и чувственное. Подобное соображеніе не чуждо и Кафру, который сколько-нибудь да разборчивъ; и онъ никогда не видитъ женскихъ прелестей, какъ развѣ въ соединеніи съ толстыми губами, сплощеннымъ носомъ, черною кожей и курчавыми волосами, и черная краса эта должна возбуждать въ его груди такія же самыя потрясенія, какія возбуждаются въ груди Европейца при видѣ прекрасной Гречанки.

Но нѣтъ ли совершенной или идеальной красоты человѣческой формы? Точно есть, какъ и всякаго другаго натуральнаго предмета; но она не можетъ быть такою же самою въ Европѣ, какъ и въ Африкѣ, развѣ въ глазахъ того, кому коротко знакомы всѣ оттѣнки національной и индивидуальной формы, разсѣянные между жителями земнаго шара. Не безъ основанія полагаютъ, что величіе или красота формъ проистекаетъ вмѣстѣ отъ соображеній, съ какими мы встрѣчаемъ ихъ или отъ качествъ, по которымъ онѣ для насъ выразительны. Качества, выражаемыя мужскими и женскими формами, весьма различны, и мы отнюдь не считали бы ту женщину красавицей, которая съ-виду походила бы на Фарнезскаго Геркулеса, мы отнюдь не удивлялись бы фигурѣ героя, который былъ бы сложенъ на подобіе Медицейской Венеры, потому-что пропорціи той красавицы показывали бы силу и безстрашіе тамъ, гдѣ мы желаемъ видѣть только нѣжность, а деликатная форма героя обличала бы женоподобнаго Сибарита тамъ, гдѣ могутъ быть уважаемы только качества, тому противныя. Какъ мы сопрягаемъ